

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт экономики
и управления

СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК

Монография

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЫЦИНА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
ШКОЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

**СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ
В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ,
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК**

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2020

УДК 316.62-053.81
ББК 88.5
С69

Авторский коллектив:

М. В. Певная (введение, 1.1., 1.2., 2.1., заключение), Е. А. Шуклина (1.3., 2.1., 2.2.),
Т. Ю. Быстрова (1.4), М. С. Федорова (2.3), А. А. Дроздова (3.1), Д. Ф. Телепаева (3.2),
А. В. Кульминская (3.3)

Издание подготовлено при финансовой поддержке Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени

первого Президента России Б. Н. Ельцина

(грант на издание коллективных монографий 2020 года)

Исследование проведено в рамках проекта, получившего поддержку РФФИ, № 20-011-00471

Рецензенты:

И. С. Шаповалова, доктор социологических наук, профессор
(заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления
НИУ Белгородского государственного университета, член-корреспондент академии наук
социальных технологий и местного самоуправления);

Н. Г. Чевтаева, доктор социологических наук, профессор
(заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»)

Под общей редакцией проф. М. В. Певной

С69 Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик : монография / [М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова, М. С. Федорова и др.] ; под общ. ред. проф. М. В. Певной ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 244 с. : ил. – Библиогр.: с. 185–212. – 500 экз. – ISBN 978-5-7996-3170-3. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3170-3

В монографии отражены результаты реализации научного проекта, позволившие группе социологов, философов, архитекторов и урбанистов определить теоретико-методологические рамки и методические характеристики исследований управления социальным участием городской молодежи в междисциплинарном контексте.

Монография рассчитана на широкий круг читателей – студентов социологических, экономических и управленческих специальностей, преподавателей, аспирантов и научных работников, государственных и муниципальных служащих, всех тех, кто интересуется проблемами городского развития, социологией молодежи, управлением социальной и гражданской активностью.

Фотография для обложки предоставлена официальным аккаунтом проекта "Лето на заводе" в Instagram @letonazavode

УДК 316.62-053.81

ББК 88.5

© Певная М. В., Шуклина Е. А., Быстрова Т. Ю. и др., 2020

© Уральский федеральный университет, 2020

ISBN 978-5-7996-3170-3

ВВЕДЕНИЕ

Во многих развитых и развивающихся странах отмечается рост вовлеченности молодежи в деятельность различных социальных организаций. Поддержка инициативных сообществ становится все популярнее среди молодежи. Молодое поколение чаще включается в самый широкий спектр социальных движений, присоединяется к различным общественным акциям. Исследователи в разных странах и сферах фиксируют определенные изменения общественной активности молодежи. При снижении интереса к традиционной политической сфере, отмечается активизация социального взаимодействия в виртуальном пространстве. По всему миру растет число молодых волонтеров. Динамичность происходящих изменений в активности молодежи как граждан и горожан обусловили появление данной научной работы. Научная группа социологов, философов, архитекторов и урбанистов постаралась определить теоретико-методологические рамки и методические характеристики исследований управления социальным участием городской молодежи в междисциплинарном контексте, крайне востребованные сегодня как в научной сфере, так и в реальной практике управления.

Написание коллективной монографии «Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик» имеет самую тесную связь с направлением *Social Policy and Administration*, получившим определенный импульс благодаря активности целого ряда научных групп Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета в последнее десятилетие. Социальная программа настоящего и будущего страны должна базироваться на обеспечении баланса общественных интересов, стремлении к созданию условий для равных и справедливых возможностей, обеспечивающих личностное развитие. В условиях экономической турбулентности государственная политика в этом направлении может быть эффективна только при условии чуткого понимания изменений

запросов и возможностей самого населения, в том числе молодежи со стороны тех, кто принимает решения на разных уровнях управления.

Далеко не первое десятилетие общемировым трендом является притяжение молодого поколения в города. В поиске лучшей жизни и надежде на более широкий спектр возможностей молодые люди и девушки становятся студентами, а их профессиональное становление и повседневность – учеба, работа и досуг органично включаются в городскую жизнь. В этом плане культура социального участия, а также условия для ее формирования в молодежной среде начинают играть основополагающую роль в благополучии сообщества молодых горожан, оказываются крайне значимыми для развития и самих городов.

Солидарные действия молодых людей в последнее время практически по всему миру становятся прицельным объектом массового манипулирования. Понимание молодежи как реальной политической силы с конца XX века заставляет политиков в разных странах обращать внимание на потенциал ее активности и солидаризации. Именно поэтому с начала XXI века участие молодежи стало неотъемлемой составляющей реальной политики в Европейском Союзе (ЕС) и объектом пристального внимания исследователей. Кризис представительной демократии во многих странах, проблемы отделения институтов публичного управления от граждан усугубляет проблемы исключения из системного общественного взаимодействия, базирующегося на традиционных основаниях, не только отдельных социальных групп молодежи, но и расширяет социальные и экономические риски для поколения в целом. В 2009 году в ответ на этот процесс Европейской комиссией была разработана «Молодежная стратегия ЕС». Именно молодежное участие и государственная поддержка активности молодежи были обозначены в ней в качестве приоритетов. Целенаправленное вовлечение молодежи в конструктивную общественную и политическую деятельность за счет увеличения разнообразия форм их участия в политической, культурной и социальной жизни местных сообществ было обозначено в качестве вектора государственной молодежной политики для стран ЕС. Инструментами в ее реализации стали программы по обучению и стимулированию конструктивной

активности преимущественно неорганизованной молодежи, реализуемые через сетевые общественные организации и широкое информирование о разнообразии возможностей для такого участия среди разных групп молодежи. В 2018 году Молодежную стратегию ЕС не изменили, произошло уточнение 11 целей молодежной политики на 2019-2027 годы. Управленческие концепты вовлечения, соединения и расширения возможностей для разных групп европейской молодежи лишь конкретизировали целеполагание¹.

Важно отметить, что реализация европейской молодежной политики тесно связана с научной и экспертными оценками, она основывается на результатах исследований, которые были реализованы международной группой ученых в 2015-2018 годах. Именно социологи из 8 стран изучили все разнообразие форм участия молодежи в жизни своих городов, смогли выделить особенности сопряжения формальных и неформальных форм молодежного участия с реализуемыми мерами государственной и муниципальной поддержки, практиками социальной работы с молодежью в разных странах².

В нормативном и правовом дискурсе нашей страны слабо прослеживалось внимание государства к молодежному участию как феномену и реальной практике социального действия молодежи. В Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года в качестве ключевой задачи обозначено «воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи»³. Однако в законопроекте «О молодежной политике в Российской Федерации»⁴ в

¹ European Youth Goals / Official website of the European Union. – 2020. – URL: https://ec.europa.eu/youth/policy/youth-strategy/evidence_en (дата обращения: 05.06.2020).

² Formal, non-formal and informal possibilities of young people's participation in European cities / Spaces and styles of participation. – 2018. – URL: <http://partispace.eu> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁴ Законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в РФ / Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 15.11.2020).

число целей молодежной политики включены: «обеспечение равных условий для духовного, культурного, профессионального, социального и физического развития молодежи и *создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической и культурной жизни общества*». В Национальном проекте «Образование», который должен был быть реализован до 2024 года, в результатах заявляется о молодежном участии как организованной и формализованной деятельности.

В 2019 году численность молодежи, участвующей в проектах общественных организаций и движений, по официальным отчетам составила 32 076 833 человек, в волонтерскую деятельность за год были вовлечены 4 826 952 человек¹. При этом общая численность молодежи в стране на 01.01.2020 год составляла 27 368 077 человек². Формально в принятии управленческих решений на федеральном уровне учитываются аналитические и исследовательские данные³. Однако в большей степени они решают задачу подтверждения правильности выбранных чиновниками направлений, нежели служат основой для принятия решений в системе государственного и муниципального управления и коррекции курса, исходя из объективных реалий, результатов молодежных исследований и заключений специалистов. Противоречия между политикой государства и реальными молодежными практиками становятся предметом серьезных научных проектов российских социологов, обсуждаются на научных мероприятиях⁴.

Российские исследователи изучают особенности жизнедеятельности молодежи и ее культурного пространства в изменяющейся социальной реальности, осмысливают процесс саморегуляции культурной жизни молодежи⁵, оценки и действия молодежи в различных сферах жизнедеятельности, как в стране в целом,

¹ Статистика / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). – 2020. – URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 10.04.2020).

² Там же.

³ Измерение показателей, характеризующих уровень личностного развития молодежи, влияние и степень оценки заботы государства о молодежи / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). – URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴ Жизнь в России. Жизнь в мире. Социология повседневности: X Грушинская социологическая конференция / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – 2020. – URL: https://profi.wciom.ru/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2020/programma/ (дата обращения: 10.11.2020).

⁵ Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Москва : Норма, 2020. – 304 с.

так и в отдельных ее регионах¹. Исследуют городское пространство молодежной повседневности, совмещают анализ разных измерений групповых идентичностей: субкультурных, сценовых, стилевых, этнических, религиозных². Внимание исследователей все чаще привлекают социальные, культурные движения и сообщества, возникающие и функционирующие в городской среде и в онлайн пространстве³. Несмотря на ряд научных исследований, в которых артикулируется проблематика общественной активности молодежи⁴, феномен управления социальным участием студенчества в социокультурном развитии городов в межкультурном сравнительном контексте пока не получил должного внимания со стороны ученых. Не анализируется и содержательная смысловая наполненность реальных действий молодых волонтеров в городских социокультурных пространствах сквозь призму междисциплинарности заявляемой проблематики.

Городская среда как культурно-историческое пространство, арена повседневной жизни, творчества и деятельности горожан, социальной и гражданской активности молодежи, сфера реализации молодежной, культурной и социальной политики в практиках городского управления, как правило, рассматривается в отдельных своих дисциплинарных и узко проблемных срезах. Данная монография – первый шаг в попытке осмыслить и систематизировать разноплановые научные концепции, теоретические идеи и эмпирические данные, раскрывающие социальное участие молодежи в развитии городов как целостный исследовательский объект в контексте управления.

В первой главе *Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи в социокультурном развитии городов* дается развернутая характеристика социального участия как социологической категории, анализируются подходы к ее трактовке в российских и зарубежных исследованиях,

¹ Аврамова Е. М. Тенденции занятости российской молодежи в регионах / Е. М. Аврамова // Социологические исследования. – 2018. – № 9. – С. 130-134.

² Омельченко Е. Л. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности : монография / Е. Л. Омельченко. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.

³ Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 3-18.

⁴ Щемелева И. И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ / И. И. Щемелева // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 133-141.

определяется внутренняя и внешняя структура самого феномена и управления им. В главе представлен анализ теоретических подходов, позволяющих раскрыть репертуар типичных практик молодежного участия, отраженных в современных исследованиях, определено значение волонтерства как практики социального участия, представляющей особую ценность как в контексте личностной и профессиональной самореализации студенчества, так и в социокультурном развитии городов. Концептуализация управления социальным участием молодежи в данном разделе основана на критической оценке исследовательских подходов к изучению институциональной среды и организационной инфраструктуры молодежного участия в городских пространствах вне их национального и культурно-исторического контекста. Один из разделов первой главы посвящен анализу культурно-исторических ресурсов городских пространств в логике активизации разных групп горожан и включенности материальных и социальных ресурсов урбанизированных территорий в процессы территориального брендинга. Общественные пространства и городская среда анализируются в социально-экономической и социально-коммуникативных параллелях, которые пересекаются в концепции брендинга территорий, который органично включает в себя происходящие в современных городах социокультурные процессы. Историко-культурное наследие городов в данном разделе представлено как повод совместных действий горожан – основа социальной консолидации, самосохранения и развития. В данной главе представлена авторская методология комплексного исследовательского проекта, выстроенная на общеметодологических принципах и подходах с учетом потенциала социологического, культурологического, урбанистического и архитектурного подходов в изучении городского развития и управления социальным участием. Обосновывается возможность и целесообразность выстраивания исследовательской логики изучения управления социальным участием молодежи на принципах междисциплинарности и компаративности. В разделе детализируется то, как авторская методология интегрирует возможности институционального, социокультурного, общественного и управленческого подходов.

Во второй главе *Эмпирические исследования социального участия молодежи и городского развития: исследовательские стратегии, методы и подходы* на основе вторичного анализа социологических исследований оценивается вариативность исследовательского дизайна эмпирической методологии, проблематизация управления молодежным участием в определенных тематических ракурсах. Каждый раздел главы заканчивается рядом кейсов, демонстрирующих типичные исследовательские фокусы, методические решения и актуальные выводы исследователей, изучающих разные грани молодёжного участия и управления им. В первом разделе данной главы описываются возможности стратегии смешивания методов в изучении социальной активности молодежи в городе, дается общая характеристика методики, систематизируются модели смешивания методов, выделяются возможные проблемы ее практического применения в городских и молодежных исследованиях. Второй раздел этой главы посвящен партисипаторным исследованиям с участием молодежи, описывается их становление, определяется актуальный научный статус. Особую ценность в данном разделе представляет описание методов сбора информации в партисипаторных исследованиях и специфики их практического применения в разных ситуациях. Кейсы в конце раздела демонстрируют определенный опыт применения партисипаторных исследований в изучении социального участия городской молодежи в разных странах. Заключительный раздел третьей главы раскрывает возможности виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи в формировании городских и публичных пространств. Читателям представляется описание того, как в современных гуманитарных и урбанистических исследованиях компьютерная визуализация и виртуальные модели встраиваются в разные научные и практико-ориентированные проекты. В содержании раздела выделяются достоинства метода визуального отображения информации, собранной в ходе городских социальных исследований, сделана попытка охарактеризовать возможности виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи.

В третьей главе *Волонтерские практики конструктивного участия молодежи в социокультурном развитии городов: опыт российских и зарубежных исследований* подробно раскрываются проблемные фокусы, которые сегодня выделяют исследователи, изучающие молодежную социальную активность в разных странах. В заключительной части монографии сделан обзор трех наиболее распространенных в общественной жизни молодых горожан направлений социального участия. В соответствии с поставленным в данной работе проблемным вопросом подробно анализируется молодежное волонтерство в сфере культуры. В этом направлении детализирован весь спектр наиболее популярных практик конструктивного социального участия студенчества в социокультурной жизни городов, изучение которых нашло свое отражение в различных научных публикациях. Во втором разделе на основе вторичного анализа научных работ выделены и описаны характеристики спортивного волонтерства как молодежного участия в контексте социокультурного и экономического развития территорий. Выбор данного направления обусловлен его социокультурной универсальностью и популярностью в молодежной среде, а именно присутствием данного направления в спектре организованного социального участия городской молодежи в разных странах, а также его независимостью от традиций, политического и культурно-исторического контекста развития городов по всему миру. Третий раздел данной главы раскрывает читателю особенности социального участия в виртуальном пространстве. Выделяются и описываются наиболее популярные сегодня исследовательские ракурсы изучения медиаволонтерства. В условиях вынужденной и широко распространенной цифровизации социальной жизни последнего года данное направление социального участия молодежи является наиболее актуальным, востребованным на практике и интересным для изучения. В разделе охарактеризованы тренды социального участия молодежи в информационных городских пространствах. Монография подготовлена авторским коллективом преподавателей Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

1. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ

1.1. Характеристика социального участия в научном дискурсе

Почему так важно понимание участия? На этот вопрос дается четкий ответ в классической работе *Участие в Америке: политика демократии и социальное равенство*. Автор констатирует, что участие важно не только потому, что связывает потребности и желания людей как граждан с управлением, а потому, что это наиважнейший источник удовлетворения управлением/правлением (государственным, муниципальным, организационным и т.д.) и ролью в нем каждого человека как личности¹.

Исследователи во всем мире отмечают расширение научного дискурса участия за счет его искусственного теоретического встраивания (ограничения или экстраполирования) как практики коллективных действий в локальные, национальные либо международные границы, в контексте функционирования целого ряда социальных институтов от государственного и местного самоуправления до некоммерческого сектора. А. Корнвел (A. Cornwall), обращаясь к данной проблеме, зафиксировал связь моды и популярности данного концепта с его упрощённым пониманием как «вовлечения людей для удовлетворения практически любого коллективного запроса»². По мнению автора, это только поспособствовало тому, что с возрастающей популярностью термина только усиливается его терминологическая размытость. Множественность же исследовательских подходов в некотором смысле осложняет понимание разнообразия реальных практик участия.

¹ Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. – Chicago : University Press. – 1987. – 166 p.

² Cornwall A. *Unpacking Participation: Models, Meanings and Practices* // *Community Development Journal*. – 2008. – 3 (43). – P. 269-283.

В данной работе сначала мы постараемся разобраться с сущностными характеристиками участия, проанализировав его различные определения, а также тот понятийный ряд, который сегодня фиксируется и развивается в рассматриваемом исследовательском поле. Далее мы обобщим подходы к структуре участия как процесса и практики взаимодействия; обратимся к наиболее популярным социологическим типологиям, позволяющим дифференцировать его идеальные виды через определение характеристик субъекта, целей, специфики и условий его участия; оценим распространенные методические решения в изучении участия в количественной стратегии.

К определению понятия «участие». В этимологическом словаре отмечается, что само слово «участие» заимствовано из старославянского языка, где оно было производным по своему смыслу от существительного «участь», означавшего долю или часть чего-либо. Таким образом, данное понятие определяется как «участие в какой-либо доле, части совместной работы, переживании и т.д.»¹. Если обратиться к английскому переводу и, соответственно, значению данного слова, то participation трактуется как «факт того, что вы принимаете участие либо становитесь вовлеченным во что-то»². Анализ включения данного понятия в социологический контекст исследования демократии и гражданского общества позволяет нам утверждать, что значение слова *участие* в русском языке очень близко (часто переводится) на английский язык не только как *participation*, но и как *engagement* в значении интереса к чему-либо и трактуется как «факт вовлечения во что-либо»³. В данном ряде понятий также встречается еще один перевод участия как вовлеченности. Involvement схожим образом трактуется в словарях как действия или процесс участия в чем-либо. Смысловое отличие involvement от engagement, по мнению специалистов, заключается в его

¹ Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. – URL: <https://clck.ru/RYuRe> (дата обращения: 01.01.2020).

² Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: <https://clck.ru/RYuQV> (дата обращения: 01.01.2020).

³ Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: <https://clck.ru/RYuSX> (дата обращения: 01.01.2020).

использовании при описании участия людей в чем-либо без осознания и констатации взаимности или взаимной выгоды от этого участия¹.

Таким образом, если в русском языке за понятием *участие* часто стоят разные типы коллективного действия, в том числе сам процесс, его цель или результат, а также переживания людей, то в английском языке мы видим некоторое смысловое разграничение. Термин *participation* больше связан с действием, определенной практикой группового/коллективного взаимодействия и его результатом. Термин *engagement* сопрягается с пониманием участия с точки зрения его процессуальной природы как взаимовыгодного взаимодействия и социально-психологического значения для конкретного человека, разных социальных групп.

Постараемся разобраться в различных трактовках *социального участия*, обратившись к толкованию социального и социальности. В словаре С.И. Ожегова дается определение *социального* как общественного, то есть относящегося ко всему, что относится к жизни людей и их отношениям в обществе в целом². Речь идет о достаточно широком перечне видов участия как групповой активности в социальной сфере в целом, в которую оказываются включены совместные занятия спортом, посещение театра, образовательных учреждений, церкви и т.д. Несколько иной срез в понимании смыслового значения «социального участия» проявляется, если рассматривать в его формировании словарное значение социальности. В словаре русского языка В.И. Даля отмечается французское происхождение слова, и его трактовка как общественности, общежительности, гражданственности, взаимных отношений и обязанностей гражданского быта, жизни. В данном контексте можно говорить о конкретизации социального участия в рамках гражданских отношений, формировании гражданственности, а также близости к функционированию гражданского общества. В такой трактовке смысла социальности совершенно обоснованным видится часто встречающийся в научных публикациях перевод социального участия как участия в гражданской

¹ Engagement Vs Involvement / Thought exchange. – URL: <https://www.thoughtexchange.com/engagement-vs-involvement/> (дата обращения: 01.01.2020).

² Толковый онлайн-словарь русского языка С. И. Ожегова. – URL: <https://clck.ru/RYuU7> (дата обращения: 01.01.2020).

жизни (*civil participation*), где *civil* определяется как гражданское взаимодействие или отношения обычных граждан страны, а не членов религиозных организаций или военных¹. *Citizen participation* – это еще один близкий к выше представленному значению перевод, встречающийся в научных публикациях и трактующийся как гражданское участие. В этом случае участие граждан связывается с переводом *citizen* в двух близких значениях. Во-первых, как человека, который является гражданином определенной страны и имеет права, потому что родился там или получил их официально. Во-вторых, как человека, который живет в определенном населенном пункте или городе². Значение данного термина связано с полем публичной политики и участием граждан в управлении.

В научной литературе можно встретить особый подход к трактовке социального участия в логике демократии, основанной на участии граждан в политике (*participatory democracy*), когда кроме акторов публичного управления социальные и экономические субъекты на добровольных основаниях в качестве полноправных участников управления могут принимать участие в процессах, влияющих на их окружающую среду³.

По мнению А. Рейсингер (A. Reisinger), если мы говорим о развитии преимущественно на локальном уровне и об участии граждан либо гражданских неправительственных организаций в управлении, направленном на эти процессы, мы говорим о социальном участии как об участии людей (*social participation*). Такое участие в решении следующих социально-экономических вопросов может быть реализовано: в принятии законов, формировании повестки местных дел, в планировании расселения, территориального и экономического развития, в реализации урегулирования интересов.

В соответствии с политикой Совета Европы участие граждан в общественной жизни местных сообществ (*participation of citizen*) реализуется в двух направлениях. Во-первых, это политическая роль граждан, которую они

¹ Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: <https://clck.ru/RYuWo> (дата обращения: 01.01.2020).

² Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: <https://clck.ru/RYuV2> (дата обращения: 21.10.2020).

³ Reisinger A. Social Participation and Local Development – Role of Civil/nonprofit Organizations // Economics and Business Studies. – 2012. – 52. – P. 1-20.

реализуют через участие в голосовании, участие в деятельности политической партии, в прямых или косвенных политически окрашенных действиях. Второе направление – это участие граждан в общественных акциях, их вовлечение в работу неправительственных, некоммерческих организаций¹.

В словаре некоммерческих терминов и определений *гражданское участие* (civil participation) трактуется как «индивидуальное участие горожан в группах или в других групповых или индивидуальных, конвенциональных (общепринятых, соответствующих традициям) или девиантных локальных политических или добровольных коллективных действиях»². Гражданское участие (citizen participation) характеризуется как самоорганизация граждан в сообществе, где для решения общих задач на низовом уровне люди совершают определённые действия, как правило, через неправительственные организации, чтобы оказывать влияние на процесс принятия решений, затрагивающих их интересы³. Данный термин стал активно использоваться для идентификации усилий по исправлению положения, направленных на вовлечение неактивных граждан или клиентов в деятельность органов власти, а также включает в себя автономную гражданскую деятельность в более широком контексте развития местного сообщества, социального планирования или реализации социальных действий. К целям гражданского участия относят передачу либо обмен информацией, развитие отношений в местном сообществе, развитие способности людей действовать для сохранения или изменения условий своей жизни. К средствам гражданского участия относят объединения граждан в сообщества, участие в создании общественных организации или их создание, организацию встреч, официальных запросов, либо техническую помощь⁴.

По мнению Д. Смита (D. Smith), *гражданское участие* (citizen participation) как понятие намного шире, чем *гражданское участие* как вовлеченность (civic

¹ Participation of citizens in local public life / Council of Europe. – URL: <https://book.coe.int/en/root/1947-participation-of-citizens-in-local-public-life-local-and-regional-authorities-in-europe-no72.html> (дата обращения: 01.01.2020).

² Smith D. A Dictionary of Nonprofit Terms and Concepts. – Bloomington : Indiana University Press. – 2017. – 41 p.

³ Gilbreath-Holder G., Zakharchenko O. Citizen Participation Handbook. – Kiev : Project International Centre for Policy Studies. – 2002. – 117 p.

⁴ Baum H. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – Berlin : Institute of Human Development. – 2001. – 175 p. – ISBN 978-0-08-043076-8.

engagement), так как оно строго не концентрируется на обязательствах или ответственности и включает в себя неполитические коллективные действия. Последнее же характеризует использование гражданами социально приемлемых средств и подразумевает осознание участвующими гражданами определенного гражданского долга, ответственности или обязательства в процессе улучшения общественного положения. Ряд других исследователей, определяя гражданское участие или вовлеченность (civic engagement) как любую индивидуальную или коллективную деятельность, подчеркивают значимость ее влияния на общественную жизнь светского общества¹.

Термины, фиксирующие гражданское участие (civil or citizen participation и citizen engagement), – дискуссионные, они многозначны в связи с теоретическими идеями демократии и практическими подходами к их продвижению. Представителями разных научных школ они часто используются наряду с такими понятиями, как *публичное участие* (public participation), *участие местного сообщества* (community participation или community engagement)². В этом ключевое участие общественности (public participation) трактуется как процесс, посредством которого общественные интересы, потребности и ценности включаются в процесс принятия государственных и корпоративных решений. Это двусторонняя коммуникация и взаимодействие, общей целью которых является принятие лучших решений, которые поддерживаются общественностью. Это организованный процесс вовлечения общественности, а вовлеченные участники из числа граждан имеют определенный уровень влияния на принимаемое решение³.

Исследователи выделяют два концептуальных подхода к определению гражданского участия (citizen participation). Во-первых, оно определяется в более широком контексте как участие граждан в политической, социальной и

¹ Cooper T. L., Bryer T. A., Meek J. W. Citizen-Centered Collaborative Public Management // Public Administration Review. – 2006. – 66. – P. 76-88.

² Abdul M. J., Lim S., Tahir Z. Understanding the issues of citizen participation // Journal of Nusantara Studies. – 2019. – 4 (1). – P. 1-22.

³ Creighton J. The Public Participation Handbook: Making Better Decisions through Citizen Involvement. – San Francisco : Jossey-Bass. – 2005. – 77 p.

административной активности. Во-вторых, гражданское участие трактуется как действия и интересы граждан, демонстрирующие их гражданскую вовлеченность и участие в локальном управлении, которые являются необходимым условием гражданского общества и сконцентрированы в активном гражданском участии как неотъемлемой части процессов вовлечения жителей (community engagement)¹.

Гражданское участие (citizen participation and involvement) как теоретический концепт и феномен неоднократно прорабатывался различными международными ассоциациями. Для актуализации и возможности объективной оценки данного явления в методологии мирового банка *гражданское участие* (citizen engagement) определяется как «двухстороннее взаимодействие между гражданами и правительствами либо частным сектором с учетом интересов Мирового банка в реализации политического диалога, программ, проектов, консультационных услуг и аналитики, что в своем единстве дает гражданам возможность участвовать в принятии решений с целью улучшения развития сообществ как результата вмешательства»². Спектр участия как вовлеченности граждан включает в себя различные практики консультации и сотрудничества чиновников с населением, а также разные формы участия как взаимодействия, нацеленного на расширение прав и возможностей граждан.

Анализ включения термина *гражданское участие* или *участие граждан* (civic engagement) в исследовательское проблемное поле позволил Р. Адлеру (R. Adler) и Д. Гоггин (J. Goggin) построить исследовательскую типологию трактовок *гражданского участия: как общественных услуг, как коллективных действий, как вовлечения в политику, как социальных изменений*³. По мнению исследователей, первое значение гражданского участия как общественных услуг более узкое и конкретное, так как в нем акцент сделан на содержании и характере участия. Речь идет о добровольных действиях людей в интересах местного сообщества как о

¹ Olimid A. P. Civic Engagement and Citizen Participation in Local Governance: Innovations in Civil Society Research // RSP. – 2014. – 44. – P. 73-84.

² Strategic framework for mainstreaming citizen engagement in world bank group operations / World Bank. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/266371468124780089/pdf/929570WP0Box380ategicFrameworkforCE.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).

³ Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By «Civic Engagement»? // Journal of Transformative Education. – 2005. – 3 (3). – P. 236-253.

социальных услугах, которые люди могут оказывать другим людям как индивидуально, так и в составе определенной социальной группы. В этом случае человек берет на себя ответственность и определенные обязательства активно участвовать самостоятельно или совместно с другими людьми в каких-то локальных социальных, чаще всего волонтерских проектах, которые укрепляют местное сообщество.

Вторая трактовка гражданского участия как коллективных действий, направленных на улучшение общественной жизни, исключает индивидуальную активность. Исследователи, которые берут ее за основу своей логики, определяют гражданское участие как средство, с помощью которого любой человек присоединяясь к коллективным действиям может влиять на активность гражданского общества в целом. В таком контексте приоритет важности в определении смысла понятия отдается значению общественного сотрудничества людей во всех секторах общества, в котором каждый может проявить свою активную гражданскую позицию через включение в коллективные действия.

Третья исследовательская трактовка гражданского участия как вовлечения в политику ограничена сферой политической активности, в том числе и со стороны правительств. Такая трактовка позволяет отделить этику социального служения отдельного человека от прямых индивидуальных усилий в отношении коллективных действий. Четвертая группа определений в анализируемой типологии фокусируется на социальных изменениях, присущих гражданской активности, которая способна формировать будущее общества, конкретных сообществ.

В классической работе, где представлена одна из самых популярных в наше время теорий гражданского участия «Лестница участия граждан/гражданского участия», Ш. Арнштейн (S. Arnstein) определяет данный термин участия как «силу или власть граждан, как механизм перераспределения власти, который позволяет исключенным из политических и экономических процессам граждан быть

сознательно включёнными в будущее»¹. Еще в 1996 году исследовательница точно отметила, что в реальной сфере есть разные проявления участия по целям и его результатам, такие как бесцельный ритуал, симулирующий активность, и реальная гражданская сила, способная продвигать изменения. Последнее, реальное состояние, она объясняла тем, что при определении способа обмена информацией, благодаря конкретизации целей, участие граждан способно становиться стимулом или двигателем социальных реформ, которые позволяют участвующим в этих процессах гражданам влиять на социальные блага через установление определенной политики.

Следует особо подчеркнуть, что на международной политической арене в деятельности международных ассоциаций и организаций четко прослеживается отличие в трактовке общественного, социального либо гражданского участия (*civil or citizen participation*) как практики взаимодействия, где основную роль играют общественность, граждане. В трактовке участия как вовлеченности (*civil or citizen involvement*) смысловой акцент сделан на инициативе по созданию условий для участия граждан и их стимулировании в поле публичного управления.

Разница между *гражданским участием* (*civil participation*) и *гражданской вовлеченностью* как участием (*civil engagement*) рефлексировалась и в практической сфере управления. Сторонниками и идеологами партисипаторного управления повышение качества общественных услуг и политических проектов признается как общая цель гражданского участия как в первом, так и втором значении. Однако, гражданское участие (*civil participation*) четко определяется как инициатива и активность самих граждан. Участие же как гражданская вовлеченность (*civil engagement*) трактуется как инициатива сверху, которая исходит от руководства страны, региона или муниципалитета и стимулирует граждан к обсуждению, оцениванию текущей политики, проектов и программ.

¹ Arnstein S. R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Planning Association. – 1969. – 35 (4). – P. 216-224.

Гражданское участие (civil engagement), как правило, это формализованный процесс, когда чиновники обеспечивают граждан необходимыми инструментами для их участия в принятии важных для города, региона, страны решений. Гражданское участие (civil participation), как правило, имеет неформальную основу, не требует официального регулирования и не затрагивает все политически важные для территории проекты¹.

Парситипаторное управление требует, чтобы руководство регионов, муниципалитетов предоставляло населению современные инструменты для консультаций и доступа к общественной информации; обсуждения с избранными представителями общественно значимых проектов, а также условий для осуществления внешнего контроля управленческих решений со стороны общественности. В идеальной модели гражданское участие (civil engagement) как вовлечение граждан должно быть формализовано, ограничено правилами, разработанными местными чиновниками совместно с горожанами.

Внутренняя и внешняя структура социального участия. В работах российских социологов чаще всего можно встретить обращение к пониманию различий и поиск общего между такими понятиями, как социальная и гражданская активность, социальное участие, общественное участие, гражданское участие и политическое участие. Разные концептуальные подходы определяют смысловое значение близких по контексту понятий, иногда используемых как синонимичные либо противоположные друг другу. Вариативно представляется и структура участия как социального феномена, а также методические решения, которые применяют исследователи, изучающие общественную и политическую жизнь местных сообществ.

И.А. Скалабан, на наш взгляд, удачно смогла выделить два важных процесса в социологическом определении социального участия. Во-первых, она отметила усиление социально-гуманитарного дискурса участия, тесно связанного с процессами спонтанной или ассоциированной коллективной деятельности,

¹ Citizen Engagement versus Citizen Participation / Citizenlab. – URL: <https://clck.ru/S5Chf> (дата обращения: 01.01.2020).

осуществляемой в рамках повседневной жизни, как причину размывания границ между гражданским и социальным участием в теории, а также и в реальной сфере социального взаимодействия. Во-вторых, она выявила интеграцию западной традиции гражданского общества и активизма с советской традицией общественной активности и общественной работы в российском дискурсе, где предметное пространство и его императивы значительно шире за счет вариативности практик социального участия, в которых проявляется социальное доверие, солидарность, защита социальных и политических прав и свобод, толерантность, помощь и взаимопомощь, а также особым образом реализуются территориальное общественное самоуправление, деятельность некоммерческих организаций (НКО), гражданские инициативы, в том числе волонтерство¹.

В российской научной литературе можно встретить два различных по своей логике подхода к определению соотношения понятий и, соответственно, структуры социального и гражданского участия, сделанные на основе оценки характера активности участвующих людей. В первом случае гражданское участие рассматривается как вид, проявление социального участия. Во втором случае социальное участие органично вписывается в палитру общественной деятельности и активности граждан.

С.В. Патрушев обосновывает включение в более широкий контекст социальной активности как социального взаимодействия индивидов двух типов гражданской активности людей, а именно гражданского участия и гражданского действия. Он трактует *гражданское участие* как адаптивную публичную активность, связанную с реализацией универсальных прав, свобод и соответствующих компетенций, а именно знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающих (как правило, в сотрудничестве с другими индивидами) достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях. *Гражданское действие* определяется как неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами

¹ Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории / И. А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – № 5. – С. 44-59.

реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах¹.

По нашему мнению, демаркационная линия между двумя типами гражданской активности (участие и действие) населения как части социальной активности связана с вектором социальной напряженности в поле публичной политики, характером взаимодействия активных граждан с представителями институтов публичного управления, обуславливающим степень адаптивности различных видов действий граждан к функционирующей политической системе. Следует отметить важные характеристики выделенных типов гражданского участия и гражданского действия, а именно *сложность и многовариантность взаимного перехода от одного к другому, связанного не только с изменением природы активности субъектов, но и сознания граждан*.

А.М. Евлагина, обобщив ряд зарубежных исследований, представила свою типологию гражданского участия, основанную на типе организации взаимодействия акторов публичной политики (активных граждан, некоммерческих организаций, представителей местной власти, бизнес-сообщества), где гражданское участие можно разделить на виды, связав их с вертикальным, горизонтальным либо смешанным типами коллективного взаимодействия². Скорее всего, в данной работе, автор столкнулся с широким значением (citizen participation) и перевел участие граждан не как общественное, а как гражданское участие.

Проанализировав контекст научных работ зарубежных и российских авторов мы скорее разделяем подход Л.И. Никовской и И.А. Скалабан, в рамках которого в качестве базового, внутренне дифференцированного понятия рассматривается термин *общественное участие* (community participation или community

¹ Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования / С. В. Патрушев // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24-32.

² Евлагина А. М. Проблема классификации гражданского участия / А. М. Евлагина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2016. – № 8 (64). – С. 6-14.

engagement), который авторы определяют как процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата. В их трактовке общественное участие происходит за пределами или на границах частной сферы и сферы экономических отношений и включает в себя всю совокупность видов участия: социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое¹. Общественное участие как социологическая категория обладает двумя социально значимыми и тесно связанными свойствами: принадлежности (причастности, идентичности) и интенциональности социального действия. Общественное участие как состояние, обращенное в будущее, имманентно содержит в себе характеристики изменений, на уровне индивида и группы участие конечно, так как ограничено временем участия².

Л.И. Никовская отмечает, что за гражданским участием закрепляется *вертикальное участие*, связанное с процессами со-управления (с органами власти различного уровня, а также различными институтами демократического свойства и пр.) и принятия решений, направленных на коррекцию или разработку альтернатив в любых отраслях общества с точки зрения общественных интересов. Социальное участие как коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса, *локализуется на горизонтальном уровне*, более отвечая практике коллективной взаимопомощи и кооперации³.

В традиции научной школы социологии управления А.В. Тихонова, при выборе для определения анализируемого понятия приоритета социальности как основы взаимодействия людей в рамках контекста управления под социальным участием социологи понимают управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан, групп населения с

¹ Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43-60.

² Там же.

³ Никовская Л. И. Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог / Л. И. Никовская // Государственное управление и современность. – 2017. – С. 33-39.

органами власти и управления. Исследователи определяют данный процесс как двухстороннюю коммуникацию населения и отвечающего за принятие решений органа власти (учреждения, ведомства) с обратной связью, как гибридный способ выработки, принятия и реализации управленческих решений¹.

Типология социального участия и структура управления им. Определение пространственных и временных границ социального участия, его понимание как процесса и социального взаимодействия открывают исследователям возможность обозначения разных оснований для разработки типологий, и, соответственно, выделения и критической оценки разных его практик. По виду субъекта И.А. Скалабан разделяет индивидуальное и коллективное участие, по степени самостоятельности субъекта – автономное и мобилизационное, по степени активности последнего участие может быть пассивным и активным. По степени упорядоченности практик, которая зависит от условий организации, участие может быть спонтанным, ситуативным либо формализованным². По направленности участия можно выделить: вертикальное, направленное на вовлечение граждан в процесс социального управления, и горизонтальное участие как коллективную деятельность в рамках ассоциаций или сообществ. По отношению субъектов участия к социальным изменениям их совместные действия могут быть направлены на сопротивление либо стимулирование каких-либо изменений. По избираемой стратегии в отношении причины или проблемы объединения людей социальное участие может интерпретироваться как ответная реакция или упреждение³.

Участие как коллективное действие всегда имеет *цель*. Как процесс взаимодействия участвующих людей между собой, а также участвующих с организаторами, социальное участие *всегда нормировано*. Выработка норм коллективного взаимодействия происходит в процессе коллективной,

¹ Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 65-77.

² Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории / И. А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – № 5. – С.44-59.

³ Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий / И. А. Скалабан // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1 (13). – С. 130-139.

объединяющей деятельности, как правило, в разных условиях имеющая свою специфику и особенности. В процессуальном континууме совместной деятельности на основе самоорганизации постепенно создаются учреждения и структуры, которые, позволяя и поощряя социальное участие, образуют систему. Последняя в своем функционировании расширяет вариативность форм и видов социального участия как горизонтального взаимодействия в сфере культуры, образования, здравоохранения, социальной защиты.

В соответствии с концепцией *гражданственности* (citizenship) Ю.Б. Савельев выделяет в структуре участия два взаимосвязанных компонента. Первый – это институциональные возможности для реализации активной гражданской позиции людей, а именно: наличие прав (гражданских, политических и социальных), определенный уровень их автономии и возможности выбора. Второй компонент включает реальные практики действующих людей (акторов), основанные на их гражданских ценностях, взаимном доверии, солидарности и реализуемые собственными силами, исходя из имеющихся социальных навыков, степени ответственности и уровня самоуправления. Такой подход, где разделяются виды гражданских прав, позволяет разграничить и выделить виды участия: политическое, гражданское и социальное¹.

Если рассматривать внешнюю структуру общественного, социального или гражданского участия со стороны создания институциональных условий для его реализации, то следует обратиться к действующим практикам публичного управления, в которых данные процессы изучаются, нормативно и методически поддерживаются и распространяются. Основанная в 1990 году Международная ассоциация публичного участия (Public Participation (IAP2)), объединяющая более чем 6000 специалистов из 26 стран, разработала стандарт общественного участия, в котором отражено изменение целей публичного участия в соответствии с расширением возможностей влияния людей на принимаемые решения,

¹ Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю. Б. Савельев // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 64-71.

затрагивающие их жизнь¹. При таком подходе четко выделяются стадии или этапы, на которых субъект управления должен создавать определенные условия для вовлечения широкого круга участников как граждан.

На первом, начальном *уровне информирования*, важно обеспечить информирование общественности таким образом, чтобы проявилось понимание проблемы, имеющихся альтернатив и возможных путей ее решения. На втором *уровне консультирования* значима обратная связь от общественности по оценке проблемы, альтернатив и возможных решений. На стадии вовлечения ведется прямое сотрудничество с общественностью, когда на протяжении всего процесса последовательно понимаются и принимаются во внимание общественные беспокойства. На следующем *уровне взаимовыгодного сотрудничества* речь идет о взаимодействии по каждому аспекту, в том числе о совместной с заинтересованными группами общественности разработке решений и альтернатив. На *уровне наделяния полномочиями* окончательное принятие решений находится в руках общественности. На каждом из выделенных этапов расширяется компетентность и заинтересованность тех, кто вовлекается.

В структуре взаимодействия субъектов и объектов управления в практиках организации социального участия как процесса взаимодействия для принятия решений в рамках реализации городских проектов выделяются специальные меры информирования, активный сбор и учёт мнений заинтересованных граждан, их предпочтений и предложений².

С. Уайт (S. White) разработала свой подход к определению структуры участия граждан в проектах или программах. Исследовательница доказывает, что политика участия динамична, как и структура участия, которая находится в зависимости от разнообразия интересов и целей организаторов и взаимодействующих в проектах и программах людей. Это позволило ей выстроить на основании позиций и отношения акторов, вовлечённых в поле

¹ Public Participation Pillars / International Association for Public Participation. – URL: <https://clck.ru/S5CuB> (дата обращения: 21.08.2020).

² Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 65-77.

управленческого взаимодействия, свою типологию участия через понимание разнообразия форм, функций и интересов акторов внутри определенной организационной структуры, реализующей какой-либо проект или программу. В ней выделяются четыре основных типа участия: номинальное, инструментальное, репрезентативное и трансформирующее¹.

Важно подчеркнуть, что этапность коммуникативного взаимодействия субъектов управления с потенциальными и реальными участниками, в зависимости от готовности последних к совместным действиям и их информированности, идентична по своей структуре как в политической и социальной сферах взаимодействия, так и на разных уровнях управления (от управления конкретным проектом или отдельной организацией, которая хочет привлечь людей, до управления городом в ходе разработки, согласования и реализации городских программ).

О методических решениях в изучении участия. В европейском социальном обследовании традиционно изучается вариативность традиционных (общепринятых) и нетрадиционных (протестных) практик политического участия, а также формальное и неформальное социальное участие, и неформальная помощь вне социальных и благотворительных организации и ассоциаций. В исследовании практик участия в деятельности общественных объединений замеряется членство граждан в разных типах общественных объединений, содействие этим структурам без участия в них в качестве членов, а также пожертвование своего времени (добровольная работа) и денежных средств для них, передача средств и добровольная работа в объединении. В изучении неформальных видов участия анализируются различные формы индивидуального и группового участия в общественной жизни вне организаций и ассоциаций, а также разнообразные формы активной индивидуальной и групповой помощи другим или волонтерство вне социальных и благотворительных объединений².

¹ White S. Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation // Development in Practice. – 1996. – 6 (1). – P. 6-15.

² Newton K., Giebler H. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. – Berlin : WZB. – 2008. – 201 p.

В Европейском исследовании ценностей¹ социальное участие жителей разных стран измеряется по ряду показателей, которые Ю.Б. Савельев разбил на три группы. К когнитивно-аффективным составляющим он отнес: готовность помогать соседям; готовность к волонтерству в форме помощи больным, людям с ограниченными возможностями, престарелым людям. В группу статусных составляющих социального участия было отнесено членство в добровольческих организациях. К поведенческим составляющим были отнесены: такие практики или виды волонтерства, как помощь людям преклонного возраста с физическими ограничениями или обездоленным, помощь в образовательных, художественных или культурных мероприятиях, помощь в организации спортивных мероприятий или при активном отдыхе.

Еще одно методическое решение в изучении участия с 2012 года апробируется в Великобритании в рамках мониторингового исследования общественной жизни. Социологи отслеживают последние тенденции и события в различных областях, которые являются ключевыми для поощрения социальных действий, расширения прав и возможностей местных сообществ. В мониторинге оцениваются распространенность среди населения практик волонтерства и благотворительных пожертвований, мнения населения о месте своего проживания, сплоченность и принадлежность к сообществу; общественные полномочия и оценки ключевых локальных решений и событий, а также субъективное благополучие (социальное самочувствие)².

В Японии, измеряя социальное участие, социологи оценивают участие в волонтерских сообществах, в спортивных группах и сообществах по интересам, в клубах горожан, ассоциациях граждан или жителей, в образовательных или культурных клубах, исследуют активность людей вне их профессионального поля деятельности по поддержке пожилых людей и других нуждающихся в помощи

¹ Data-set Release / World Values Survey Association. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 21.08.2020).

² Community Life Survey: experimental online survey findings / UK Government. – 2015. – URL: <https://clck.ru/S5CxL> (дата обращения: 21.08.2020).

социальных групп. В данной методике дополнительно замеряется и участие японцев в улучшении городской среды¹.

В лонгитюдном европейском исследовании TILDA собирается информация о трех различных типах социального участия: об опыте волонтерского участия за последний год и частоте волонтерской деятельности, о формальной вовлеченности в 14 видов социальной активности (походы в кино, театр или на концерты, посещение образовательных занятий, игры в карты, бинго, посещение кафе, занятия спортом и т.д.) как пассивного и активного досуга, а также об участии в различных организованных группах и сообществах².

М. Анк (M. Ank), изучая взаимосвязь социального участия с вовлечением общественности для развития своих сообществ и городов (public engagement), замеряет идентичность горожан как чувство, связанное с городом или городским сообществом; их готовность быть активным в своем городе или местном сообществе, уровень ответственности как граждан, а также участие в конкретных инициативах в своем городе³.

В количественной стратегии социологи, применяя опросные методы, изучают пассивное и активное участие населения в социальной жизни городов через вовлечение в мероприятия и деятельность организаций сферы культуры, образования, спорта, социальной защиты населения. Социальное участие горожан обязательно связывается с разными видами гражданского участия для городского развития. Традиционное методическое решение практически во всех приведенных исследовательских проектах обязательно включает замер вовлеченности населения в деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций, в том числе распространенность среди населения типичных практик волонтерства и просоциального поведения. Через понимание различных аспектов социального благополучия людей исследователи фиксируют не только наличие у представителей разных социальных групп опыта социального участия, но и

¹ Yusuke I., Katsunori K., Kazushige I. Correlations between Forgetfulness and Social Participation: Community Diagnosing Indicators // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – 16 (13). – P. 19-26.

² Gibney S., Mosca I., Ward M. Volunteering and Social Participation // Irish Studies on Ageing. – 2016. – P. 47-64.

³ Michels A. Participation in Citizens' Summits and Public Engagement // International Review of Administrative Sciences. – 2019. – 85 (2). – P. 211-227.

показатели информированности населения, готовности людей к различным формам участия в социальной жизни той территории, где они проживают.

Анализ традиционных методических решений, а также проанализированного выше ряда понятий, которые сопрягаются с практиками соучастия людей в жизни других людей, их включенности в различные важные для общественного развития на глобальном, национальном и локальном (местном) уровнях процессы, проекты, движения, на наш взгляд, затруднен вследствие нескольких причин. Во-первых, поле общественного, гражданского, социального участия динамично, оно постоянно трансформируется под воздействием геополитических процессов и благодаря все большему проникновению в повседневную жизнь людей новых информационных технологий. Глобальные изменения, которые сегодня происходят в разных странах и на разных континентах, с одной стороны, расширяют палитру видов и типов участия людей за счет видимости культурного разнообразия сложившихся традиционных форм социального взаимодействия в разных странах, с другой – способствуют сближению многих форм и типов участия за счет проникновения в национальные и территориальные границы социально-политических отношений унифицированных идей демократии, целей устойчивого развития, востребованных подходов и технологий партисипаторного коллаборативного (Citizen-Centered Collaborative Public Management) управления, культуры управления. Во-вторых, интерес к этой проблематике обусловил появление огромного количества разных трактовок при переводе понятий, повлиял на смешение смыслов и их значений. В-третьих, свою роль в этих процессах играют разные подходы социологов, культурологов, политологов, экономистов и урбанистов к изучению социального участия в узких дисциплинарных коридорах, не всегда учитывающих контекст нарастающих изменений социальных отношений.

При всей вариативности как исследовательских подходов, так и научных трактовок в контексте публичного управления все научно-практические выводы зарубежных и российских социологов объединяет одна важная

особенность – включение в структуру гражданского и социального участия волонтерской активности населения.

Итак, общественное, гражданское и социальное участие имеют общую природу, обусловленную социальной коммуникацией между людьми и характером институционального взаимодействия государства и гражданского общества, который влияет на направление, силу и идеологическое содержание разных форм и видов участия как коллективных действий.

Феномен участия по своей сути динамичен. Постоянно трансформируется его внутренняя и внешняя структура, изменяется и политика самого участия, и политика в отношении участия. Данный феномен часто рассматривается как процесс, связанный с разными типами коллективного действия, преследующими конкретные цели и встраиваемые в определенные институциональные условия, стимулирующие или затрудняющие, различные практики группового взаимодействия как проявления социального участия.

В своей идеальной модели общественное, гражданское или социальное участие – двусторонняя коммуникация с общей целью принятия лучших для людей решений, но с разным направлением взаимодействия (вертикальным либо горизонтальным), а также центром инициирования вовлечения. В одних случаях, первична активность граждан их самоорганизация, в других доминирует организационное начало. Участие населения в принятии решений в вертикальном взаимодействии с представителями региональных и муниципальных органов власти способно оказывать влияние на официальный алгоритм решения определенных социальных проблем. Участие граждан в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, общественных объединений и ассоциаций в горизонтальном взаимодействии институций публичного пространства способствует видимости проблем определенных социальных групп, поиску и реализации оптимальных действий для их непосредственного решения.

В своем широком понимании социальное как общественное участие включает в себя все виды коллективных взаимодействий в обществе, где люди как граждане самореализуются в разных сферах, в том числе в политике и управлении. В узком

смысле социальное участие – это конструктивные социальные практики взаимодействия, горизонтальная активность людей, вписанная в повседневную жизнь и направленная на решение текущих проблем местных сообществ, способствующая решению актуальных для развития территорий вопросов. Последняя трактовка не противоречит широкой и не исключает возможности определения социального участия как общественных услуг, коллективных действий, механизма социальных изменений и вовлечения в политику (социальную, культурную, образовательную).

Внутренняя структура участия определяется характеристиками вовлеченного человека или группы людей как акторов, спецификой взаимодействия внутри возникающих в ходе активизации участия сообществ, связанной с целями и результатами их активности, а также условиями, в которых эта активность в виде различных практик группового взаимодействия реализуется.

Социальное участие может раскрываться (и соответственно измеряться), не только как практики взаимодействия/действий людей, но и в своем социально-психологическом значении этого взаимодействия для конкретного человека, разных социальных групп через понимание последними гражданской ответственности, личных обязательств, а также через готовность действовать. Поле социального участия нормировано, оно ограничено территориальными и временными границами.

В локальных сообществах, привязанных к определенным территориям, например, участие горожан – это практики, реализуемые самими горожанами, исходя из степени их ответственности и имеющихся ресурсов, основанные на их гражданских ценностях, взаимном доверии, солидарности, поддерживаемые или не поддерживаемые структурами территориального управления.

1.2. Социальное участие молодежи: теоретические подходы и концептуализация

Р. Харт (R. Hart), ученый, который провел целую серию исследований по молодежному участию для ООН, уточнил возрастные границы не только понятия «дети» в соответствии с принятой Конвенцией ООН о правах ребенка, где речь идет о правах людей, не достигших восемнадцатилетнего возраста, но и понимание молодежи – через включение в данную группу молодых людей и девушек в возрасте до тридцати лет¹. По мнению, исследователя, который обобщил практики работы с данными возрастными группами во многих странах для ЮНИСЕФ, процесс, формирующий уверенность и компетентность детей, подростков и молодежи как граждан – процесс постепенного вовлечения последних в общественную среду через практику имеет свою логику и структуру. Для эффективности этого вовлечения должно быть создано много возможностей для разных видов и форм участия как детей и подростков, так и молодежи.

О субъекте участия. Понятие «молодежь» в нашей стране закреплено в «Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года». В данном документе зафиксировано, что «молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ, до 35 и более лет»². В 2020 году активно рассматривается законопроект «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором границы молодежного сообщества будут официально расширены, обосновано включение в молодежную группу подростков с 14 до 18 лет, а также лиц до 35 лет включительно³.

¹ Hart R. Children's Participation: From Tokenism to Citizenship. – Florence : UNICEF Publishing. – 1992. – 39 p.

² Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

³ Законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в РФ / Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 15.11.2020).

В социологическом значении можно трактовать участие молодежи как активность конкретного индивида в возрасте 14-35 лет, которая его связывает с какой-либо группой, сообществом или общественностью, тем самым выводя ряд его действий в публичную (не частную, личную) сферу. Феномен участия, который мы детально рассмотрели в предыдущем разделе, в любом своем проявлении затрагивает отношения между людьми, а соответственно, является социальным.

Различные формы молодежного участия в публичной сфере имеют не индивидуальное или частное, а общественное значение. Они во многом связаны как с социально-психологическими и ценностно-нормативными характеристиками самой молодежи, так и с ментальными чертами национального характера, во многом определяющими социальную, национальную, локальную (городскую) идентичность поколения. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров к таким важным национальным особенностям молодых россиян относят любовь к Отечеству, приоритетность чести и достоинства, любовь к ближним и милосердие. Доминирующими же чертами российской молодежи являются равнодушие к правам человека, сочувствие нуждающимся в помощи, отношение к стране как месту проживания, толерантность, открытость ко всему иностранному и рационализм¹. Представления о справедливости российского общества входят в число ключевых мировоззренческих установок российской молодежи². И разные проявления несправедливости, незаконности сложившихся социальных реалий способны оказывать существенное влияние на поведение молодых людей, быть своеобразным триггером для роста протестных настроений³.

По мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, это поколение «свободно от груза памяти о ломке институтов советского общества, в целом ориентировано на позитивную деятельность, гораздо свободнее в своих устремлениях, ощущает

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вестник Института социологии. – 2019. – № 10 (4). – С. 164-186.

² Черныш М. Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М. Ф. Черныш // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 342-345.

³ Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 года / Д. В. Руденкин // Социодинамика. – 2019. – № 2. – С. 23-33.

себя частью мирового сообщества и лучше ориентируется в современном коммуникационном пространстве¹.

Молодежь сегодня характеризует повышенная активность и разносторонность использования Интернета, который для этого поколения чаще является не техническим инструментом для работы с информацией, а, скорее, полноценной средой обитания². Большинство молодых россиян, как и большинство молодых граждан в других странах мира являются «цифровыми аборигенами». Им свойственны высокий уровень интенсивности ежедневного использования интернета, широкая включенность в социальные сети, микроблоги и мессенджеры. Увлеченность потреблением развлекательного контента – характеристика поколения³. Молодые люди и девушки часто проявляют склонность к публичной самопрезентации в виртуальном пространстве. Повсеместное применение в повседневной жизни камеры мобильного телефона становится неотъемлемой частью жизни молодежи, широко распространенной практикой, которая играет важную роль в том, как они взаимодействуют друг с другом. Возникающие в социальных сетях молодежные сообщества отличает «взаимосвязанность членов группы», «совместная активность» и «групповая саморефлексивность», реализуемая через обмен информацией и визуализацию⁴. Важным в самовосприятии и выстраивании отношений между молодыми людьми и девушками становится акцент на эмоциональной, чувственной стороне взаимодействия, которая проявляется в ожидании обратной связи, сформированной в онлайн-пространстве и закрепленной в их опыте сетевого общения⁵.

¹ Горшков М. К. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 662 с.

² Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски / Д. В. Руденкин, А. И. Руденкина // *Juvenis scientia*. – 2019. – № 1. – С. 43–47.

³ Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А., Карзубов Д. Н. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. А. Азаров, Д. Н. Карзубов // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2019. – № 14 (1). – С. 37–58.

⁴ Сушков И. Р., Козлова Н. С. Интернет-активность как проявление потребности личности в коллективном субъекте / И. Р. Сушков, Н. С. Козлова // *Психологический журнал*. – 2015. – Т. 36. – № 5. – С. 75–83.

⁵ Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 1. – С. 3–27.

В пространстве повседневного взаимодействия проявляется особое противоречие в поведении молодых россиян. С одной стороны, каждый хочет быть индивидуальностью, имеет намерения для самовыражения, старается быть непохожим на других. С другой стороны, в молодежном сообществе проявляется стремление к объединению со своими сверстниками, повсеместная коллективность¹. В стратегиях поведения отражается ценность насыщенной жизни и желание самореализации в ней².

Российские социологи отмечают, что современная молодежь сталкивается с проблемами социального неравенства. Особенно это проявляется в сфере занятости, так как в большей степени молодежь выходит на рынок труда и стремится закрепиться на нем, имея для этого не только разные стартовые возможности, но и различающиеся социальные условия³. С конца первого десятилетия XXI века молодежная активность становится более маргинализованной, происходит расширение и периферизация субкультурных групп. Несмотря на эти процессы, по мнению Е.Л. Омельченко, все чаще среди молодых горожан актуализируются новые формы гражданственности. Социологи идентифицируют их как «низовые практики горожанства и локального патриотизма» и относят к ним волонтерство, низовое добровольчество, поисковые практики, сетевую взаимопомощь, инициативные формы городского туризма. Ценности гражданской ответственности, альтруизма и готовности к заботе об окружающих разделяют молодые люди и девушки из всех российских городов вне зависимости от групповых идентичностей и культурных выборов⁴.

Репертуар молодежного участия в исследованиях. По мнению зарубежных социологов, участие молодежи не отличается принципиально по своей структуре

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4 (3). – С. 3-13.

² Шаповалова И. С. Самосохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? / И. С. Шаповалова // XXII Уральские социологические чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 17-18 марта 2020 г. – Екатеринбург, 2020. – С. 181-188.

³ Черныш М. Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М. Ф. Черныш // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 342-345.

⁴ Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 3-27.

от участия в целом. Оно интегрирует политическое участие молодых как граждан (citizen) и социальное или гражданское (civil) участие. Социальное участие молодежи определяется как «взаимодействие индивидов, социальных групп и сообществ в рамках некоммерческих организаций, различных ассоциаций, формальных и неформальных объединений»¹. Есть и другой подход к структурированию практик участия, в рамках которого разграничивают четыре его вида: гражданское участие, участие в межгрупповом взаимодействии и социально-политическом развитии, а также участие молодежи в деятельности местных некоммерческих организаций².

В социологических исследованиях социальное участие молодежи может изучаться через оценку специфики отношений, возникающих в молодежных группах и объединениях, между участниками и организаторами. Социальное участие может критически оцениваться через формируемый в разных странах политический дискурс и анализ реальных практик молодежного участия на локальном уровне. Важными в этом смысле являются и выявляемые исследователями противоречия между политическими, социальными институтами и повседневным жизненным миром молодежи³. Сложная структура феномена открывает возможности для выделения разных видов и типов молодежного участия.

Обозначим лишь самые основные типы и виды молодежного участия. Если оценивать социальное участие с позиции актора, его мотивации, намерений и опыта, участие *может быть следствием внешнего принуждения и инициативной практикой*. По степени вовлеченности человека в проект и по характеру его, деятельности, а также активности во взаимодействии с другими участниками молодежное участие может быть *пассивным и активным*.

По содержанию, интенсивности и регулярности действий в различных практиках социальное участие может быть пассивным либо активным. Такое

¹ Andersson B., Demozi S. PARTISPACE: National Contexts, Comparative Report. – Bologna : UNIBO. – 2016. – 150 p.

² Checkoway B., Aldana A. Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy // Children and Youth Services Review. – 2013. – 35. – P. 1894-1899.

³ Walther A. Re-Thinking Youth Participation – Contributions of PARTISPACE. – Bologna : UNIBO. – 2018. – 144 p.

разграничение важно и значимо для понимания особенностей вовлечения молодежи в социальные и культурные проекты. Например, в программе ЮНИСЕФ «Голос молодежи», где молодежное участие четко определяется как множество способов и средств вовлечения молодежи, вариативность форм, видов и типов активности, в которых молодые люди могут быть вовлечены в процессы, институты и решения, влияющие на их жизнь, четко прослеживается разграничение этих двух видов участия молодежи: *активное и пассивное*¹. Качество организационной среды и условия вовлечения определяют по интенсивности еще два вида участия: *разовое и регулярное* участие. Последний вид реализуется, как правило, если организационные условия соответствуют желаниям, возможностям и интересам вовлеченной в конкретные проекты молодежи. С позиции интереса и предрасположенности актора, разовое участие может быть охарактеризовано как случайная, ситуативная либо не подходящая человеку практика. Регулярное же участие, скорее всего, характеризует расположение конкретных индивидов к тем людям, с которым он взаимодействует, и их предрасположенностью к реализуемой совместно с ними деятельности. По локализации общественной инициативы, участие молодежи может быть *неформализованным*, базирующемся на самоорганизации людей, либо *институционализированным*, закрепленным в конкретной структуре, организации, учреждении, оформленном движении. По характеристикам организованности процессов взаимодействия, по степени самостоятельности субъекта и природы его выбора в отношении конкретной практики, можно выделить *автономное и мобилизационное участие*.

По содержанию деятельности и ролям, которые играют участвующие молодых люди и девушки, исследователи выделяют целый ряд локальных практик горизонтального взаимодействия в сообществах. К ним относится помощь в сообществе различным социальным группам, нуждающимся в помощи (детям, пожилым, одиноким людям и т.д.), участие в субботниках вместе с сообществом

¹ Voices of Youth / UNICEF. – URL: <https://www.voicesofyouth.org/understanding-youth-participation> (дата обращения: 21.10.2020).

(горожанами, соседями), посещение и активное участие в деятельности городских советов, заседаниях правительств, встречах, конституционных дебатах. Отдельно выделяется регулярная продолжительная работа в больницах, некоммерческих организациях и благотворительных фондах, а также эпизодическая помощь в организации и участие в благотворительных марафонах для благотворительных организаций. Отдельным видом социального участия молодежи является информационно-агитационная деятельность в поддержку политических вопросов в обществе (снос исторических зданий, утилизация отходов и т.д.); участие в фандрайзинговых мероприятиях, в программах по охране окружающей среды¹.

Работа с информацией и образовательно-просветительское направление работы с молодежью международными организациями рассматривается как перспективное и имеющее глобальное значение для активизации молодежного участия в целом. Разные его виды определяются как «коллективный голос для защиты определенных прав и поддержки различных инициатив». Информационные акции в рамках молодежных движений могут достигать глобальных масштабов, преследуя цели информирования и не требуя серьёзных усилий и временных затрат со стороны участвующих. По числу вовлеченных людей они могут быть массовыми (например, большие масштабные молодёжные информационные кампании #FeesMustFall, #NotTooYoungToRun) и индивидуальными.

Опыт европейских стран показывает, что практики молодежного участия, требующие определенного вклада усилий со стороны участников, можно разделить на следующие виды: проведение инициативных исследований, ведение блога, организация мероприятий для обмена мнениями, легальных массовых демонстраций и митингов. Участие, связанное с коммуникационным взаимодействием в информационно-агитационном направлении, можно разделить на типы по ролям вовлеченных молодых людей, которые могут в данной логике

¹ Have your say! / Council of Europe. – URL: http://partispace.eu/cms/wp-content/uploads/2015/10/Have_your_say_en.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

быть описаны как исследователи, ораторы, писатели либо исполнители¹. С увеличением проникновения интернета в повседневную жизнь молодежи начинают развиваться практики социального участия молодежи, предполагающие активность и взаимодействие молодежи как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве сети интернет.

Для понимания структуры и функциональности управления молодежным участием важно охарактеризовать *институциональную среду*, в которой реализуются разные его практики. Определяющее место в данной среде занимают организационные структуры, при содействии которых данные практики развиваются. К таким институциональным организационным структурам можно относить как различные некоммерческие организации и неформальные гражданские объединения, так и органы местного самоуправления, которые ресурсно обеспечивают функционирование муниципальных учреждений, реализующих разные направления муниципальной молодежной и культурной политики. Именно в таком контексте гражданское социальное участие молодежи может рассматриваться как совместная деятельность граждан с органами власти и управления по вопросам реализации политических, экономических и социальных прав². Включенность молодежи в организованные мероприятия, акции и программы муниципальных учреждений получила свое развитие в нашей стране исключительно из-за слабости гражданского общества, особого статуса местного самоуправления и зависимости институций системы образования, учреждений социально-культурной сферы от государственных и муниципальных бюджетов.

Молодежное участие может быть организовано на основе протополитической инфраструктуры местных сообществ в нашей стране. Она развивается в системе образования при официальной поддержке муниципальной и региональной власти, а именно на базе школьного и студенческого самоуправления, деятельности молодежных парламентов и дум при органах государственной власти и местного

¹ Voices of Youth / UNICEF. – URL: <https://www.voicesofyouth.org/understanding-youth-participation> (дата обращения: 21.10.2020).

² Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления : спец. 22.00.08 «Социология управления» : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Мерзляков Андрей Александрович : Институт социологии РАН. – Москва, 2007. – 27 с.

самоуправления. Молодежные отделения политических партий, привлекающие в свои проекты и акции молодежь, могут рассматриваться как политическая инфраструктурная база, где участие молодежи реализуется в таких специфических видах, как официальное членство в них, а также участие в акциях и программах молодежных общественных движений и союзах, преследующих, как правило, не социальные, а политические цели. Еще один тип организационной инфраструктуры – всероссийские детско-юношеские и молодежные объединения, всероссийские общественно-государственные и общественные движения, в которых создаются условия для различных волонтерских практик социального участия.

По заключению социологов, в реализации молодежной политики и развитии инфраструктуры для молодежного участия в нашей стране доминируют жесткие механизмы управления транзитом молодежи. Проекты СО НКО, ориентированные на молодежь как целевую аудиторию, чаще всего оказываются нацеленными на массовость и разовое участие молодых людей и девушек в массовых мероприятиях без каких-либо дальнейших перспектив как для самих организаций, так и для вовлеченной в данные акции и мероприятия молодежи¹. Такой подход к организации молодежного участия основан на устоявшихся традициях, апробированных и закреплённых в советское время методах общественной работы с молодежью. Результаты социологической оценки самоорганизации и организации молодежных движений, функционирования организаций и ассоциаций демонстрируют устойчивость ограниченных по функционалу организационных практик общественной работы, сформированных в XX веке, как правило, на базе учебных заведений, и не претерпевших серьезных изменений в современный период². В управлении участием молодежи в России приоритет отдается организации одобряемой общественно-политической

¹ Смирнов В. А. Молодежная тематика в публикациях российских исследователей: ключевые тренды и противоречия / В. А. Смирнов // Социология образования. – 2018. – № 2. – С. 23-33.

² Меркулов П. А., Малик Е. Н., Бударина К. А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы / П. А. Меркулов, Е. Н. Малик, К. А. Бударина // Власть. – 2015. – № 23 (4). – С. 140-145.

активности, а также патристическому воспитанию¹. Понятность администрирования при таком подходе позволяет в государственном управлении проводить оценку функционирования таких массовых и однотипных молодежных сообществ с четко поставленными целями при сильной кураторской поддержке. В итоге такие институционально закреплённые организационные решения в сфере молодежной политики более долговечны и эффективны с точки зрения контроля и отчетности². В такой логике получили свое развитие сетевые движения волонтеров разных направлений в рамках программ Ассоциации волонтерских центров. Социальное волонтерство стало практикой молодежного участия, которую популяризуют Волонтеры-медики. Волонтеры культуры продвигают различные практики участия молодежи в сфере культуры. Однако такая формальная линейная логика управления в молодежной политике ограничивает привлекательность создаваемых и поддерживаемых государством структур для разных групп молодежи. Нехватка институциональных организационных форм для разнообразия интересов разных групп молодежи компенсируется за счет досуговой инфраструктуры молодежной активности, которая получает свое развитие по инициативе самой молодежи, объединяющейся в группы по интересам, присоединяющейся к творческим клубам, а в некоторых случаях и опирающейся в своих инициативах на традиционную инфраструктуру городских учреждений культуры.

Особое место в инфраструктуре молодёжного участия занимает сектор социально ориентированных некоммерческих организаций. По уровню и широте распространенности таких некоммерческих структур, объединяющих идеи, которые лежат в основе данных некоммерческих организаций, молодежное участие может быть включено в глобальный или локальный контекст. Например, студенческое участие в рамках проектов международной молодежной организации AIESEC – молодежная вовлеченность в глобальном контексте, тогда

¹ Кочнев С. В. Участие детей и молодежи в принятии общественно значимых решений / С. В. Кочнев, Н. В. Васильева. – Москва : РУТА, 2013. – 138 с.

² Юдашкина В. В. Управление молодежным сообществом / В. В. Юдашкина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 3 (47). – С. 126-132.

как деятельность в качестве волонтера в местном городском музее – пример молодежного участия в локальном контексте.

При всем многообразии городской инфраструктуры наиболее динамичны и рефлексивны в отношении социальных и экономических изменений, происходящих в мире, конкретных странах и городах, структура и функционал негосударственных некоммерческих организаций и образовательных учреждений. В школах, колледжах и вузах, где сосредоточена сама молодежь, аккумулируются и ее интересы. В некоммерческом секторе при сокращении финансовых ресурсов значение активных практик молодежного участия как волонтерского труда становится все важнее. При всех видимых организационных трудностях, по мнению зарубежных социологов, ярче проявляется переход к системе устойчивых отношений между профессионалами, реальными и потенциальными волонтерами¹.

В образовательной среде, особенно в университетах, инфраструктура для социального участия молодежи развивается параллельно с процессами организации волонтерских программ для студентов. Сетевые проекты, например, экологического волонтерства, получают популярность в молодежной среде благодаря таким организациям, как Ассоциации зеленых вузов России. Глобальным трендом в развитии образования становится расширение практико-ориентированного обучения и организация профессиональных стажировок, как включенных в учебный процесс, так и дополнительно предлагаемых студентам для развития профессиональных компетенций в свободное от обучения время. Именно в образовании происходит гибридизация молодежного участия, где студенческое волонтерство как ориентированная на общество (сообщество, конкретный город) практика социального участия становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Будущие культурологи и искусствоведы помогают в театрах, музеях и галереях, историки – в архивах и библиотеках, психологи и педагогики – в детских учреждениях дополнительного образования.

¹ Meijls L. Reinventing Strategic Philanthropy: The Sustainable Organization of Voluntary Action for Impact. – Rotterdam : Erasmus University. – 2010. – 50 p.

Такая форма социального участия становится необходимой для профессионального развития и часто обязательной для студентов деятельностью в рамках практики «Service-Learning» и обязательных профессиональных стажировок¹. Она идентифицируется с волонтерством даже в тех случаях, когда не является полностью добровольной².

Со второго десятилетия XXI века на базе ведущих учебных заведений страны в крупных российских городах стали активно функционировать волонтерские университетские центры. Импульсом к их стремительному организационному развитию послужили международные спортивные мероприятия, где Россия выступила страной-организатором, а российские города принимали большое количество гостей из разных стран мира. Именно для XXVII Всемирной летней универсиады в 2013 году вузы начали прицельно готовить спортивных волонтеров-студентов. XXII Зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи сделали спортивное волонтерство студентов одним из самых популярных видов социального участия городской молодежи³.

На популяризацию волонтерства в молодежной среде работает и идеология третьей миссии университетов как центров технологических и социальных инноваций. Сотрудники ведущих учебных заведений и студенты активно включаются в общественные проекты и мероприятия, нацеленные на решение проблем местных сообществ. Студенческая молодежь оказывается вовлеченной в развитие города, в том числе за счет своего творческого потенциала, экологической ориентации, добровольческого участия в событийной повестке социальной и культурной жизни современных городов. Городской ивент вовлекает студенчество в проекты, повышающие социальную ценность исторического и архитектурного наследия, органично вписываясь в повседневные досуговые практики молодых горожан и активизируя их социальную память.

¹ Hastings L., Wall M., Mantonya K. Developing Leadership Through Service Ship: Leveraging the Intersection Between Service-Learning and Professional Internship // *Journal of Leadership Education*. – 2018. – 17 (1). – P. 141-151.

² Holmes K., Paull M., Haski-Leventhal D., MacCallum J., Omari M., Walker G., Scott R., Young S., Maher A. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models // *Journal of Higher Education Policy and Management*. – 2020. – 42 (3). – P. 1-17.

³ Gorlova N. I., Starovojtova L. I., Troska Z. A. Model of Stress Resistance Formation in Volunteers Through Participation in the «Sochi 2014» Project // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – № 9 (14). – P. 106-112.

Городские культурные мероприятия все чаще наполняют общественные пространства конструктивными видами активности, привлекательными для молодежи.

Городские учреждения культуры в соответствии с целями национального развития активно уходят в цифровую среду, что существенно влияет на их традиционные подходы к организации деятельности и взаимодействие с разными группами горожан, в том числе с молодежью. Еще до кризисного периода, связанного с пандемией, участие населения в культурных мероприятиях и посещение культурных учреждений начало связываться с развитием цифровых ресурсов городских организаций данной сферы. В рамках государственной и региональной политики, благотворительной стратегии частных фондов-доноров начали получать поддержку творческие инициативы граждан, культурно-просветительские проекты, реализуемые в партнерстве некоммерческих организаций, учреждений культуры и образования. Волонтерские сообщества отдельных музеев, библиотек и театров получили определенный импульс развития за счет федеральной программы «Волонтеры культуры». Молодежное волонтерство в сфере культуры постепенно стало занимать определенное место в повседневной жизни молодых россиян.

По всему миру все больше городов поддерживают на муниципальном уровне волонтерские инициативы как способ решения проблем развития, как механизм создания более сплоченных городских сообществ, чтобы поощрять гражданское участие горожан и укреплять связи между различными сообществами, объединяя добровольцев разного возраста и происхождения. Такие программы включают в себя целый спектр активности от одноразовых мероприятий до долгосрочных проектов (от участия в субботнике до проектов регулярной помощи детям) и распространены в большинстве крупных городов мира¹.

Соотнесение описанной выше вариативности видов молодежного участия и разнообразия инфраструктуры для его реализации позволяет определить

¹ Grandi F., Lough B., Bannister T. Global Trends in Volunteering Infrastructure a Background Paper for the 2018 State of the World's Volunteerism Report: The Thread that Binds. – Geneva : United Nations Volunteers (UNV). – 2018. – 39 p.

молодежное волонтерство в качестве одного из ключевых видов социального участия студентов как молодых горожан. В контексте социокультурного развития городов свое место занимают культурное, образовательное, социальное и спортивное направления добровольчества, реализуемые в событийном и информационном типах волонтерства как социального участия и попадающие в общие рамки управления общественной активностью молодежи.

Рассмотрим *особенности управления молодежным участием* в контексте национального и социокультурного развития городов. Если рассматривать его как субъект-субъектное взаимодействие, можно обозначить формирование гражданственности и солидарности молодого поколения горожан на основе территориальной идентичности как цель управленческого воздействия. Именно идентичность выступает формирующим признаком социокультурного пространства территорий, а персонализированные чувства и действия членов региональной общности, в том числе из числа молодежи маркирует его границы¹. Таким образом, знания, чувства и действия должны лежать в основе конструктивных практик социального участия молодежи в социокультурном развитии городов. Это во многом соответствует и структуре городской идентичности, в которой специалисты выделяют определенные компоненты: когнитивный (знаниевый), ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный. *Когнитивный компонент* включает представление и знания о материализованных образах городской среды. По мнению Е.В. Голованевой, они формируются на быденном и профессиональном уровнях и измеряются специалистами через построение «ментальных карт» территории. Ценностный компонент включает осознаваемые и переживаемые смыслы и ценности горожан: *чувственно-эмоциональный* – проявления эмоциональности (часто приписываемые), устойчивые состояния-переживания. *Регулятивный компонент*

¹ Авилов Г. М., Кранзеева Е. А., Яницкий Л. С. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона / Г. М. Авилов, Е. А. Кранзеева, Л. С. Яницкий // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 1 (33). – С. 110-119.

обеспечивает предрасположенность к определенным действиям, способам поведения, привязанным к пространству¹.

В нацеленности управления социальным участием в нашей стране крайне важно понимать возникающие в практиках участия связи гражданственности и солидаризации. Исследования российских социологов не смогли обнаружить значимую корреляцию между элементами городских идентичностей и склонностью жителей к солидаризации. Однако неоспоримым является то, что элементы городской идентичности могут стать основаниями, по которым возможно развивать самоорганизацию молодежи, активность и участие самых разных городских сообществ при целенаправленной работе с представлениями горожан о власти и результативности взаимодействия с ее представителями в конкретном городе².

Еще одним важным компонентом институциональной среды, важным для понимания перспектив эффективного управления молодежным участием выступает культура жизнедеятельности, в том числе благотворительная культура жителей конкретного города либо определенной страны в целом. Поведение, конкретные действия со стороны социального окружения, родителей, друзей, знакомых, а также лидеров общественного мнения в конкретных сообществах выступают определенными ориентирами, образцами для развития конструктивных практик молодежного участия. Социологи аргументированно доказывают, что гражданское, в том числе политическое и социальное, участие по-разному реализуется молодым поколением в странах с разным уровнем демократизации и культуры благотворительного участия населения в целом³. В условиях дефицитности культурных оснований для солидаризации и социального участия важную роль начинает играть неформальное образование, в том числе в

¹ Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре : спец. 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Головнева Елена Валентиновна : Омский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2018. – 38 с.

² Евстифеев Р. В., Задорин И. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации / Р. В. Евстифеев, И. В. Задорин, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев // Символическая политика. – 2016. – С. 245-258.

³ Helve H., Wallace C. Youth, Citizenship and Empowerment. – New York, NY : Routledge. – 2018. – 346 p. – ISBN 978-1-315-18290-2.

реализации социальной работы с молодежью по информированию и вовлечению молодых горожан в разные виды волонтерства. Оказание социальных услуг как практика молодежного участия играет первичную роль в построении соучаствующего сообщества молодых граждан. В рамках молодежной политики ЕС такой подход реализуется через городские программы молодежного лидерства и гражданского образования¹, через просветительские молодежные программы в сфере культуры, которые не только формируют у молодых важные компетенции для рынка труда, но и вызывают неподдельный интерес со стороны самой молодежи.

В нашей стране только в последние годы в рамках национальных проектов и государственных программ прослеживается внимание государства к дополнительному образованию и в некотором смысле неформальному образованию с прицелом на талантливую молодежь. В национальных проектах перед чиновниками поставлена задача развития городских территорий с активизацией участия в этих процессах самих горожан. Ограниченность коммуникации городских властей с горожанами, неумение, а в некоторых случаях нежелание вести открытый диалог выводит самоорганизацию и активность горожан в проблемное поле управления социальным участием. Молодежь во многих российских городах активно вмешивается в процессы благоустройства общественных зон, которые реализуют чиновники, не всегда согласовывая свои действия с интересами горожан². *Право на город* молодое поколение начинает реализовать, создавая низовые некоммерческие организации и вовлекая в свои социальные проекты неравнодушных горожан.

Таким образом, сфера публичного управления социальным участием выходит за пределы государственного и муниципального управления, так как социокультурное развитие городов напрямую связано с публичной сферой, где сетевое взаимодействие различных структур в городском пространстве порождает

¹ Carreto M., Hastle H., Bermudez A. Civic Education: Handbook of Educational Psychology. – London : Routledge Publishers. – 2016. – 308 p.

² Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства / А. А. Желнина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – № 18 (2). – С. 45-59.

разные формы организации социального участия молодежи и, соответственно, разные его практики.

В развитии концепции управления социальным участием молодежи обозначим структуру и особенности взаимодействия организаторов и участвующей молодежи, приводящие к конкретным результатам управленческого воздействия как внутриорганизационной и публичной коммуникации с молодежью. В организации молодежного участия в конкретной программе или проекте выделяются три базовых элемента: усилия молодых людей по планированию программ с учетом их собственного выбора; вовлекающие молодежь организаторы их деятельности; результаты участия как действительный позитивный эффект для самой молодежи от этого участия¹. Вне зависимости от специфики разнообразных видов социального участия и инфраструктуры, в рамках которых эти практики организуются, результат прямо или опосредованно связывается с формированием идентичности молодых граждан как горожан и граждан в соответствии с контекстом социокультурного развития территорий.

Управление молодежным участием в границах конкретной организации, проекта или программы как субъект-субъектное взаимодействие предполагает определенные усилия и действия молодых людей с учетом их собственного выбора и действий организаторов, как правило, из числа взрослых для совместной работы в партнерских отношениях, где реализуются межпоколенческие отношения, и конкретизацию результата или цели как позитивного эффекта для самой молодежи от этого участия как взаимодействия². В логике социокультурного развития городов субъект управления должен рефлексировать в отношении поставленной и достигаемой в конкретной практике участия цели как результата, соответствующего или противоречащего ожиданиям и представлениям самой молодежи. При ориентации такого взаимодействия на создание условий для проявления индивидуальности как типичной

¹ Checkoway B., Gutierrez L. Youth Participation and Community Change // Journal of Community Practice. – 2006. – 14. – P. 1-9.

² Там же.

характеристики российской молодежи, результаты социального участия также могут быть вариативны.

Классический подход к выделению типов молодежного участия на основе понимания взаимодействия между участниками и организаторами и достигаемых в этих практиках целей реализовал в своей теории Р. Харт (R. Hart)¹. Он определил данный феномен как процесс совместного принятия решений, влияющих на жизнь человека и жизнь общества, в котором он живет². В опоре на широко известную модель Ш. Арнстайн (Sh. Arnstein) Р. Харт разработал «лестницу участия молодежи», включающую в себя 8 уровней участия молодых людей в проектах. В данной типологии или лестнице первая группа уровней, или, в терминологии автора, ступеней – это *манипуляция, декорация и токенизм*. По мнению исследователя, она в действительности характеризует практики неучастия молодежи, выдаваемые организаторами тех или иных социальных проектов за молодежное участие. Самая низкая ступень в данной группе – «манипуляция». Этот тип участия, или, точнее сказать, неучастия, характеризует непонимание вовлеченными участниками какого-то процесса (проекта или действия) его сути и своих действий в рамках него. Со стороны организаторов данного процесса обычно отсутствует интерес к обсуждению каких-либо вопросов как части вовлечения участвующих.

Декорация или украшение как вторая ступень в данной группе характеризуется минимальными представлениями молодых людей о том, в чем они участвуют, и, как правило, искажением мотивации последних. Организаторы же процесса участия в этом случае просто используют молодежь, в том числе детей и подростков, для решения каких-то своих задач. *Токенизм* включает практики участия, когда молодым людям дается право голоса, но на деле оно никак не учитывается. Так организаторы не оставляют последним никакой возможности сформулировать и выразить в действиях свое собственное мнение.

¹ Hart R. Children's Participation: From Tokenism to Citizenship. – Florence : UNICEF Publishing. – 1992. – 39 p.

² Там же.

Следующая группа в лестнице участия характеризует уже разные уровни реального участия молодежи и включает в себя следующие ступени: «назначен, но информирован», «консультирован и информирован», «инициированные взрослыми решения, разделяемые с детьми», «инициированные молодежью и управляемые», «инициированные молодежью решения разделяются со взрослыми». На ступени «назначен, но информирован» участвующие понимают намерения проекта, знают, кто принимал решения относительно их участия и почему, они играют значимую (а не «декоративную») роль, добровольно участвуя в проекте, суть и цели которого им понятны. Уровень участия «консультирован и информирован» включает практики, в которых участвующие понимают процесс, к их мнению относятся серьезно, но их не информируют о его результатах, а также не обсуждают эти результаты с ними. На следующей ступени лестницы Р. Харта – «инициированные взрослыми решения, разделяемые с детьми» – проявляется, по мнению исследователя, истинное участие, так как сам процесс принятия решений происходит совместно с молодежью и затрагивает проекты широкой общественной повестки. «Инициированные молодежью и управляемые» – это ступень, на которой очень часто в игровой ситуации детьми, подростками и молодежью задумываются (в игровом формате) идеи осуществляемых в реальности проектов. Однако такие проекты крайне редко встречаются, так как взрослые, как правило, не очень хорошо реагируют на идеи молодых, боясь потерять контроль за ситуацией даже в очень простых случаях. Высшая степень участия и ступень лестницы – «инициированные молодежью решения разделяются со взрослыми» – встречается на практике еще реже, так как требует особой компетентности и чувствительности заботливых взрослых, настроенных на особые интересы молодежи и способных реагировать на тонкие показатели энергии и сострадания у подростков. Примерно той же логики, основанной на качественных характеристиках взаимодействия субъектов управления с молодыми участниками, придерживаются многие исследователи, делающие попытки классифицировать практики молодежного участия.

Например, Х. Шнайдер разработал позволяющую понять важные качественные характеристики управления социальным участием молодежи типологию молодежного участия, основанную на определении ответственности взрослых, которые реализуют конкретный проект или акцию. В данной типологии выделяются пять уровней участия. На первом уровне организаторы слушают молодежь. На втором уровне, в рамках взаимодействия, молодым людям и девушкам оказывается поддержка в выражении своих взглядов. На третьем уровне участия молодежи оказывается поддержка в выражении своих взглядов и при этом учитываются их мнения в проекте. На четвертом уровне участия молодежь оказывается вовлечена в процесс принятия решений. На самом высшем – пятом уровне – власть и ответственность за принятие решений разделяется между организаторами и молодыми участниками¹. Пониманию качественных характеристик взаимодействия организаторов и участников городских проектов, оценке роли участвующей молодежи соответствует и типология С. Уайт (S. White), в рамках которой социальное участие идентифицируется как номинальное, инструментальное, репрезентативное или трансформирующее².

Разработанные учеными исследовательские подходы к изучению организации молодежного участия, методические решения и результаты их применения, которые отражены в представленных выше типологиях и теориях среднего уровня, обладают признаками универсальности. Они применимы как для научного осмысления отдельных практик молодежного участия, так и для социального управления общественной активностью молодого поколения через создание условий для реализации разных видов молодежного участия в контексте социокультурного развития определенных территорий. Универсальность хорошо прослеживается через выделение внешней и внутренней структуры управления

¹ Shier H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations // Children and Society. – 2001. – 15. – P. 107-117.

² White S. Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation // Development in Practice. – 1996. – 6 (1). – P. 6-15.

социальным участием в городских пространствах и его социокультурным контекстом.

Внешняя структура управления социальным участием, с одной стороны, иерархична, а с другой стороны, базируется на сетевой природе взаимодействия акторов публичной сферы в институциональной среде городских пространств. Во внутренней структуре управления социальным участием молодежи как субъект-субъектном персонализированном взаимодействии оказываются важными качественные характеристики процесса коммуникации в рамках совместной деятельности организаторов и участников, а также конкретизация результата, его осмысление всеми субъектами данного взаимодействия.

В социокультурном контексте любой вид молодежного участия сопрягается с правами и обязанностями молодежи как граждан, с характеристиками их гражданственности, а также с культурно-историческими и политическими особенностями территорий, повседневностью городской жизни, в которую молодые люди и девушки оказываются включены. Информационное пространство для горожан является средой информирования и репрезентации практик социального участия, пространством реальных действий молодежи в виртуальной среде, ресурсом организации молодежного участия, а также формирования культуры участия в целом.

Управленческое воздействие при формировании основы для различных практик социального участия молодежи включает в себя действия и управленческие решения, направленные на формирование когнитивного, эмотивного и поведенческого компонентов в сознании и деятельности вовлеченной либо вовлекаемой в конкретный городской проект или акцию молодежи. Структура управленческого воздействия при формировании основы различных практик социального участия на базе разных типов городской инфраструктуры социокультурной сферы включает в себя разные уровни взаимодействия субъектов управления с потенциальными и реальными участниками.

На первом, начальном *уровне информирования*, важно обеспечивать информирование молодежной аудитории как потенциальных и реальных участников проектов и программ таким образом, чтобы у них формировалось понимание конкретной проблемы, специфики разных альтернатив и возможных путей ее решения, возможностей и выгоды от разных форм участия в данном проблемном поле как для конкретных людей и организационных структур, так и для самой молодежи. На втором *уровне консультирования*, когда предыдущим этапом создан базис для развития когнитивной компоненты, значимым оказывается диалоговый режим и обратная связь. Включение молодежи в оценку и обсуждение проблемы, альтернатив и возможных путей ее решений закладывает базис формирования эмотивной компоненты, определяющей в дальнейшем мотивацию молодежи к конкретным действиям, например, к волонтерскому участию. На стадии вовлечения и организации участия ведется прямое сотрудничество организаторов с молодыми участниками, которое расширяет знаниевый и углубляет эмотивный компоненты через формирование у молодых людей и девушек индивидуального опыта участия. При осознанной работе по осмыслению достигнутого в практике участия результата молодежная аудитория сохраняет свой потенциал вовлечения для организаторов в будущих социальных или культурных проектах. При переходе на следующий *уровень взаимовыгодного сотрудничества* практики социального участия уже могут легко тиражироваться, так как реальные участники обладают определенными знаниями, понимают проблему и имеют навыки ее решения в рамках определенных программ и проектов. На *уровне наделения полномочиями* практики социального участия могут быть инициированы уже самой молодежью. Важно отметить, что на каждом из выделенных этапов расширяется компетентность и заинтересованность тех, кто вовлекается.

В субъект-субъектном взаимодействии усилия организаторов могут способствовать развитию конструктивной (в некоторых случаях деструктивной) мотивации молодежи к действиям в рамках определенных практик социального участия и развитию компетентности вовлеченной молодежи в определённой

области (культуры, искусства, социальной защиты, образования, спорта и т.д.). Сформированная компетентность, в свою очередь, способствует мотивации к продолжению участия как деятельности, конструктивной активности, которая реализуется индивидом в дальнейших городских проектах. Участие молодежи в социокультурном развитии городов зависит не только от процесса организации вовлечения, мотивации и способностей самой молодежи, но и от внешнего контекста, а именно социального взаимодействия с ближайшим окружением, культурной и организационной среды (учебы, досуга, работы), в которую он включен в повседневной жизни. Участие молодежи – часть широкого поля общественного участия в целом, где сформирована или формируется культура участия граждан любого возраста, в том числе благотворительная, добровольческая деятельность горожан в режиме повседневности.

1.3. Культурно-исторические ресурсы городских территорий как условие социокультурной активности граждан

О всеобъемлющем значении культуры и культурных ресурсов в деле развития территорий, правда, применительно только к городам, активно заговорил британский урбанист Ч. Лэндри (Ch. Landry) в 1990-х годах¹. Обобщая личный опыт проектов и подчеркивая сложность городских процессов, он призывал отойти от унифицированных технологий городского развития и «подключить воображение», изменить характер взаимодействия администраций и городских сообществ, активизировать все коммуникативные процессы, привлекать к развитию городов представителей искусства и духовного производства, разрабатывать стратегию развития с учетом культурной и иной уникальности каждого места. За последние тридцать лет к этим установкам прибавилось понимание: а) горожан как неотъемлемой части города и его процессов; б) междисциплинарности и многослойности культурно-исторических городских

¹ Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – Москва : Классика-XXI, 2006. – 399 с.

проектов; в) историко-культурного наследия как драйвера городского развития¹. В формирование этой позиции внесли вклад различные специалисты – от градостроителей до маркетологов². Изменились и социальные детерминанты деятельности по работе с историческим наследием. Поэтому для начала перечислим ряд объективных предпосылок поворота к культуре в этот период.

Включение работы с наследием в действия по *устойчивому развитию* территорий, понимание специалистами «эволюционного потенциала» наследия, способного повлиять на все стороны жизни – от среды обитания до духовной культуры. Это сопровождается переходом от «точечного» к «средовому» видению наследия, стремлением актуализировать не отдельные, разрозненные объекты, а комплексы, среду, «дух места».

Смена *парадигмы управления*, весьма заметная и в рассуждениях Ч. Лэндри (Ch. Landry), с первых страниц книги подчеркивающего силу концепций, меняющих взгляд на жизнь города³, происходила под влиянием европейских процессов демократизации, с одной стороны, и стремительного нарастания масштабов урбанизации и сложности рождаемых ею задач, с другой. Управленческая «вертикаль» больше вынужденно, чем добровольно, сменялась «горизонтальными» и, позже, сетевыми моделями, не только распределяющими ответственность за принятие решений, но и преодолевающими разрыв между административными органами и жителями территорий.

Соответственно, возникает и все более активно используется целый ряд терминов, характеризующих городские преобразования, к примеру, в отношении историко-архитектурного наследия, и предполагающих соучастие жителей в широком спектре форм – от участия в опросах до инициативных урбанистических проектов. Понятия «исторический город»⁴ или «культурный ландшафт»¹

¹ Быстрова Т. Ю. Теоретико-методологическое обоснование понятия «культуральная регенерация территории» / Т. Ю. Быстрова // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24. – № 2 (174). – С. 106-114.

² Шульгин П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития / П. М. Шульгин // Мир России. – 2004. – № 2. – С. 115-134.

³ Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – Москва : Классика-XXI, 2006. – 399 с.

⁴ Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. Р. Крогиус. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – 312 с.

имплицитно подчеркивают необходимость сохранения, наряду с физическими объектами, занятий, ремесел, технологий, образа жизни, притом, не только для туристов. Термин *culture-led regeneration*² отдает приоритет социокультурным, а не чисто техническим или даже экономическим интересам в деле актуализации депрессивных мест, включая индустриальные объекты³. Когда речь идет о реабилитации⁴ или ревалоризации⁵, подчеркивается, прежде всего, момент изменения отношения жителей к территории и ее объектам, с одной стороны. И проговаривается понимание города как места жизни горожан, с другой. Изменять качество жизни в этих городах можно только при включенности горожан в процессы развития.

Социально-экономические основания обращения к культуре обусловлены переходом целых регионов в период конца 1980-2010-х годов от индустриального к постиндустриальному укладу. Заводские корпуса, шахты, домны, мельницы, трамвайные депо, мастерские уже невозможно было считать хоть в какой-то мере полезными с хозяйственной точки зрения. Вместе с тем, столь же невозможно было отрицать их существование как элементов ландшафта, пейзажа, образа жизни.

Социально-коммуникативной параллелью этих процессов явилось развитие концепции брендинга территорий, скорее, сменяющей собой, чем развивающей, маркетинговый подход, существовавший с середины 1970-х годов. Два отличия маркетинга территории (А.П. Панкрухин) и брендинга территории (К. Динни) весьма радикальны: преобладание в брендинге *качественных* методов над количественными, а также *ценностного* подхода — над описательным. В 2000-х годах бренд понимается как культурно-ценностный феномен (Д. Огилви,

¹ Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции / А. А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 151-157.

² Barnett A. Culture-led Regeneration. Achieving Inclusive and Sustainable growth. – London : UK Branch. – 2019. – 27 p.

³ Satherley S. Identifying Landscape Meanings: Images and Interactions at Gas Works Park. – Queensland : University of Technology. – 2016. – 275 p.

⁴ Быстрова Т. Ю. Реабилитация промышленных территорий городов: теоретические предпосылки, проектные направления / Т. Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2013. – № 3. – С. 21-25.

⁵ Алексеева Е. В. Ревалоризация индустриального наследия в России и странах Западной Европы: подходы, объекты, ландшафты, акторы / Е. В. Алексеева // Экономическая история. – 2017. – № 36. – С. 9-23.

Дж. Грант, К.Л. Келлер, Л. Чернатони, М. Ньюмейер)¹. Брендинг целенаправленно выявляет либо конструирует нематериальные ценности, связанные с той или иной территорией, проецирует их на город или его составляющие и мотивирует жителей, инвесторов, туристов или кого-то еще к контакту с ним. Чем шире аудитория бренда, тем проще необходимо ему быть – это требование существенно осложняет процесс вычленения уникальной ценности городского бренда там, где специалистов не хватает. Города подражают друг другу, что лишает процесс всякой эффективности.

Развитие урбанистики в рассматриваемый период охватывает стадии, опыт каждой из которых учитывается на следующих этапах и включается в них. Идеи представителей Чикагской школы социологии (L. Wirth, R. Park, E. Burgess) о городе как «социальной лаборатории», Дж. Джекобс (J. Jacobs) о городе как месте жизни горожан, а не просто совокупности транспортных коммуникаций или архитектурных объектов (1961) приводят к росту самосознания жителей – сначала мегаполисов, а позднее – городов разного масштаба. Относительно короткий период господства идей постмодернистской имиджевой архитектуры от «звездных» архитекторов и крупных мегасобытий (1990-2000-е годы) в качестве источников развития городов сменяется темами устойчивости, разумной экономии, роста качества жизни (Я. Гейл, В.Л. Глазычев, А.Э. Гутнов, Дж. Джекобс, А.В. Ефимов, К. Линч, Н. Салингарос, Р. Флорида, К. Эллард). Время постиндустриальной гигантомании проходит, эклектичные над-интернациональные города-тексты не формируются специально, как это было полтора десятилетия назад. «Дух места» толерантно включает в себя все пласты его истории и служит интересам жителей. «Город участия» приходит на смену «городу частей»; ведущую роль играют культурные практики горожан, а крупные проекты все чаще предлагают осуществлять в несколько приемов (концепция

¹ Мы упоминаем, но не разделяем противоположный названному и получивший широкое распространение в России подход Д. Аакера, отождествляющего бренд с материальными носителями, будь то символика страны, сама страна происхождения, а также с образом места (Аакер Д. Создание сильных брендов / Д. Аакер. – Москва : издательский дом Гребенникова, 2003. – 433 с.). Они выглядят, во-первых, взятыми из разных логико-понятийных рядов (образ – и страна?), а во-вторых, из разных теорий (образ – термин эстетики либо имиджологии).

позапного урбанизма – *Incremental Urbanism*)¹. Одновременно с этим констатация одиночества и отчужденности горожан друг от друга и от территории приводит к разработке темы совместных городских практик, сообществ, вовлечения в проекты в самых разных формах. Так одновременно решаются задача преодоления автономности городского существования и задача досуга становящихся все более многочисленными горожан.

Научные предпосылки в гуманитарном знании связаны с нарастающей ролью концепта *повседневности* («Школа Анналов», Ф. Бродель, П. Бурдьё, А. Шюц) и расширением теоретических представлений о том, что входит в поле культуры. Наиболее значительную роль здесь сыграло развитие как культурологии в российском гуманитарном знании, так и *cultural studies* в других странах. Одновременно приходило понимание того, что вымывание культурной памяти по мере деградации культурного наследия приводит к утрате культурной идентичности, отчуждению людей от мест их обитания.

Безусловно, список этих, взаимосвязанных и весьма значимых, факторов не полон. Однако он позволяет понять закономерности перехода крупных институций и специалистов к работе с культурным наследием. В свою очередь, в 2010-х годах это наследие понимается все шире. От списков паспортизованных памятников, консервацией которых заняты исключительно профессионалы, мир постепенно приходит к осознанию культурной ценности любого объекта – художественного, архитектурного, индустриального и даже исчезнувшего², «поднимать» которые нужно силами самих жителей.

Любая система расселения иерархична. Проблема нынешнего этапа урбанизации (и состояния городских территорий) – отток жителей городов меньшего масштаба в более крупные, что может привести к опустыниванию больших площадей, их деградации. Переосмысление и усиление культурного потенциала городов, особенно малых, составляет часть стратегии устойчивости.

¹ Incremental Urbanism and the Art of Revitalization / Buildipedia.com. – 2012. – URL: <http://buildipedia.com/aec-urban-planning/incremental-urbanism-and-the-art-of-revitalization> (дата обращения: 04.12.2019).

² Schicchi S. The Cultural Heritage of Small and Medium-Size Cities: A New Approach to Metropolitan Transformation in Sao Paulo, Brazil // Traditional Dwellings and Settlements Review. – 2015. – 17 (1). – P. 40-54.

Основная научно-практическая проблема текущего этапа видится нам в том, что опыт крупных городов не изучается и не адаптируется остальными городами, терпеливо ждущими чудесного исцеления своих экономических и социальных недугов посредством таинственного внешнего вмешательства. Этот инфантилизм администраций и жителей необходимо менять на более активную позицию, проводя воркшопы, конкурсы грантов и проектов, занимаясь просветительской работой, частью которой является данный текст.

Имидж и бренд: выбор терминологии исследования или проекта. Поскольку оба термина возникают в междисциплинарном пространстве и в постнеклассических дисциплинах, они не поддаются системному сопоставлению, вызывая путаницу или непонимание у самых разных людей. Поэтому, предваряя возможные неясности, необходимо ввести рабочие определения. Для этого коротко сравним технологии и продукты имидж-билдинга и брендинга – исключительно в коммуникативном аспекте и только в контексте проектов развития городов и территорий.

Имидж в русскоязычной литературе чаще переводят, как «образ», тогда как бренд сопровождается характеристикой «желаемый образ». Оба феномена могут возникать спонтанно либо формироваться специалистами; в первом случае велик шанс: а) очень длительного формирования, снижающего конкурентоспособность места; б) «распыления» смыслов, попадания случайной информации, разрушающей смысловое ядро. Оба представляют собой дискретные ценностно-смысловые континуумы, существующие в момент их актуализации потребителем (пользователем, воспринимающим – любым актором).

При этом в имидже больше воображаемого, тогда как бренд устойчиво привязан к определенной предметности. Бывая в имиджевом месте, посетитель переживает, прежде всего, эту имиджевость (качество места может быть так себе). Делая покупку брендового товара, человек приобретает бренд плюс товар. Бренд не отчуждаем от материального носителя его смыслов. Вот почему понятие бренда шире и не ограничивается пространством PR-деятельности. В этом свое

качестве оно более продуктивно для анализа или инициирования городских проектов.

Выделим характеристики связи брендинга территории (города) с социокультурными процессами. Начиная с 2000 года брендинг городов является обязательной практикой для развитых стран как на Западе, так и на Востоке (например, Сингапур¹, Шанхай²). Этому способствует усиливающаяся конкуренция между городами, растущая мобильность капитала и человеческих ресурсов, европейская интеграция. Городской брендинг привлекает внимание ученых и практиков и в России. При этом, теоретические работы по данной проблематике можно пересчитать по пальцам³; большую часть научных публикаций составляет исследования кейсов⁴, часто в связи с туристической проблематикой⁵. В теории под брендингом (включая брендинг территории) понимается деятельность по созданию дополнительных нематериальных характеристик продукта или услуги, придающих ему большую привлекательность в глазах потребителей или инвесторов, а значит, увеличивающих его конкурентоспособность⁶.

Поскольку брендинг представляет собой не только экономический, но и социально-коммуникативный инструмент привлечения внимания к территории или ее объектам, в нем, наряду с ценностной составляющей, есть еще целый ряд моментов, сближающих его с социокультурными процессами на этой территории.

Во-первых, бренд существует в мире *ценностей и значений*, то есть в пространстве культуры. Как уже сказано, он связан со своим материальным носителем, но не сводится к нему. Выявляя или конструируя ценности бренда,

¹ Chang T. C. Renaissance revisited: Singapore as a Global City for the Arts // International Journal of Urban and Regional Research. – 2008. – 24 (4) – P. 818-831.

² Брук Д. История городов будущего / Д. Брук. – Москва : Strelka Press, 2016. – 436 с.

³ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2006. – 488 с.

⁴ Пашкус В. Ю., Пашкус Н. А., Пашкус М. В. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке / В. Ю. Пашкус, Н. А. Пашкус, М. В. Пашкус // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 4 (427). – С. 19-30.

⁵ Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В., Оконникова Т. И. Историко-культурные основания формирования туристского бренда «Ижевск – оружейная столица России» / Г. В. Мерзлякова, Л. В. Баталова, Т. И. Оконникова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 4. – С. 44-53.

⁶ Шеррингтон М. Незримые ценности бренда / М. Шеррингтон. – Москва : Вершина, 2006. – 304 с.

специалисты сначала изучают степень информированности, культурные стереотипы образ жизни, характер потребления аудитории, к которой он обращен. Дж. Грант в работе «Манифест инноваций бренда» разрабатывает типологию из 32 культурно-ценностных концептов («идея лидерства», «идея уникальности», «связующие идеи» и т.д.). Достоинством этого подхода можно считать широкое аксиологическое понимание культуры, не сводимое только к институциональным ее проявлениям. На примере конкретных компаний Дж. Грант убедительно показывает, как один и тот же продукт может сопровождаться разными брендовыми «упаковками»¹. Этот материал вполне распространяется на городские процессы. Вместе с тем, по прошествии почти 15 лет с момента выхода книги на русском языке можно отметить, что типология видоизменяется и расширяется – например, темы устойчивости или этнокультурных традиций в начале 2000-х не звучали столь ярко. И, напротив, ценности гламура или моды, несущие по преимуществу информацию об элитарности, сошли на нет за этот период.

Во-вторых, бренд – это не столько статичный продукт, сколько социально-коммуникативный *процесс*, включающий в себя различные способы и пути репрезентации смыслов. Длительность важна как фактор, обеспечивающий соприкосновение с брендом большего числа людей. Если для территории важно представлять себя через «лица», то для убедительности и объема восприятия им нужны биографии, события, трансформации и т.п. В этом смысле стандартная маркировка, к примеру, туристической сувенирной продукции каким-либо логотипом или персонажем представляет собой крайне банальный и неэффективный путь усиления ценностного значения территории. Подобное понимание брендинга делает его частью других культурных процессов – образовательных (выявление ценностей территории требует знания ее истории), информационных (трансляция этих ценностей сближает действия СМИ и представителей культурных институций, туристического сектора, администраций), художественных (в современном мире образ территории в

¹ Грант Дж. Манифест инноваций бренда / Дж. Грант. – Москва : Группа ИТД, 2007. – 272 с.

значительной мере предопределяется тем, как она показана в фильмах, видео, картинах и т.п.), коммуникативных (люди составляют неотъемлемую часть «портрета» города, их эмоции, действия, реплики входят в бренд, в ряде случаев становясь его основой).

В-третьих, адекватность ценностей бренда *физическим* характеристикам его носителей, безусловно, укрепляет бренд. Реальное состояние памятников архитектуры, зеленых насаждений, даже погоды не может находиться в противоречии с транслируемой информацией о бренде. «Открытость», «инновационность», «доброта» территории не могут быть голословными декларациями. В городе с десятками заборов никто не поверит в его «открытость», а с грязными тротуарами – в высокий уровень культуры его жителей. Бренд требует для своего продвижения связи материальной и ценностной сторон жизни, не дает забывать о материальной культуре.

В-четвертых, два подхода к брендингу, выделенных нами ранее и обозначенных, как конструктивистский и феноменологический¹, диаметрально противоположны по установкам. Наделение ценностными значениями в ходе конструирования бренда территории слишком часто носит произвольный популистский характер («Кострома – столица Снегурочки») и очень маловероятно связывается с историко-культурным наследием, часто находящемся в состоянии деградации.

В-пятых, прагматическое требование нахождения *уникальности* бренда для усиления его узнаваемости и конкурентоспособности прекрасно ложится на тему неповторимости любого субъекта культуры.

Расставив необходимые акценты, мы можем перейти к анализу того, какое место в брендинге территорий занимают сегодня практики горожан, связанные с историко-культурным наследием.

Историко-культурное наследие как повод для совместных действий.

Понимание специалистами брендинга места в связи с его культурой приводит к

¹ Быстрова Т. Ю. Теоретико-методологическое обоснование понятия «культуральная регенерация территории» / Т. Ю. Быстрова // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24. – № 2 (174). – С. 106-114.

целому ряду важных следствий. Прежде всего, оно уводит от тождества наследия со списком паспортизованных памятников. Это особенно значимо для провинциальных городов прошлого и настоящего, которые в старой, иерархической, системе координат автоматически становились аутсайдерами при сравнении со столицами. Ценности бренда территории могут возникать в самых разных сферах жизни, от повседневной кухни и этнических традиций до международной выставочной деятельности или архитектуры.

Одновременно в общественном сознании происходит отказ от модернизационной доктрины с ее стремлением заместить «старое» «новым». Проектировщики волей-неволей переходят от статичного мышления о городе или отдельном историческом объекте к динамическому, поскольку одной из их задач является «возвращение» объекта в городские процессы, (вос)создание связей между ним и остальными пространствами, событиями, людьми. Это возможно только при раскрытии горожанами (туристами, инвесторами) функционального и культурного потенциала объекта или территории, включая личные истории, особенности строительных технологий и др. «Наследие – это творческий динамический процесс, происходящий во многих измерениях, благодаря которому общество объединяет, защищает, обогащает и проецирует свою культуру», – отмечает автор¹.

Специалисты из разных регионов² подчеркивают, что объекты и здания наследия могут оказать существенное положительное влияние на все аспекты жизни сообщества. Здесь взаимодействуют и влияют друг на друга регенерация территории и повышение степени ее устойчивости, жилье, образование, туризм³, экономический рост и вовлечение представителей сообщества разного возраста, усиление эстетической привлекательности, идентичности. По мнению ученых, это происходит потому, что:

¹ Barrera-Fernandez D., Hernández-Escampa M., Balbuena A. Tourism Management in the Historic City. The Impact of Urban Planning Policies // International Journal of Scientific Management and Tourism. – 2016. – 2 (1). – P. 379-387.

² Ashworth G., Tunbridge J. The Planning, Management and Marketing of the Tourist-historic City // The Tourist-Historic City. – 2000. – P. 135-153.

³ Orbaşlı A. Tourists in Historic Towns: Urban Conservation and Heritage Management. – London : Routledge. – 2015. – 210 p.

- Историческая среда является несомненным источником развития местной экономики, особенно через развитие туризма.
- Привлекательная среда наследия способствует привлечению внешних инвестиций, а также поддержанию существующих предприятий всех типов, не только связанных с туризмом.
- Люди гордятся местной историей, но не всегда выражают, насколько они ценят место, пока оно не окажется под угрозой. Наследие является фундаментом в создании «духа места» для сообщества.
- Адаптивное повторное использование объектов наследия является важным фактором в создании устойчивых сообществ.
- Объекты историко-архитектурного наследия добавляют ценность для проектов по регенерации, как с точки зрения экономического и экологического преимущества повторного использования по сравнению с новой постройкой, так и в добавлении характера участку.
- Места наследия могут стать мощным стимулом для общественных действий.
- Путем сосредоточения внимания на вопросах наследия может быть достигнут рост социальной интеграции.
- Места наследия являются отличным местным образовательным ресурсом для людей всех возрастов. Изучение истории места является хорошим способом объединения сообществ посредством общего понимания уникальной культурной самобытности, которую места дают этой местности.

Общий порядок работы с историческими городскими ландшафтами определен в рекомендациях ЮНЕСКО, он имеет стратегический характер – проведение всеобъемлющей оценки природных, культурных и людских ресурсов города; планирование и консультации с заинтересованными сторонами для определения целей и мероприятий в области сохранения наследия; проведение оценки уязвимости городского наследия перед лицом социально-экономических проблем и последствий изменения климата; включение ценностей городского наследия и

степени его уязвимости в расширенные рамки городского развития; определение приоритетной политики и мероприятий в области сохранения и развития, включая рациональное управление; установление партнерских связей государства с частным сектором, создание местных управленческих структур; разработка механизмов координации мероприятий между различными заинтересованными сторонами¹.

В данных рекомендациях косвенно признается «право на город» (А. Лефевр), возможность соучастия горожан процессам реабилитации (актуализации, трансформации, редевелопмента, ревалоризации и др.), но конкретные пути привлечения не прописаны. Зафиксированный в статьях и монографиях мировой опыт показывает наличие широкого спектра практик, «крайними» вариантами которых выступают:

- Проекты с доминированием архитектурного подхода, авторы которых прекрасно справляются с задачами сохранения облика исторических зданий или территорий, не прорабатывая какой-либо специальной программы вовлечения горожан в реализацию проекта. В лучшем случае проект предусматривает создание комьюнити *после* его завершения.

- Проекты вовлечения, описание которых не сопровождается оценкой исходных архитектурно-художественных качеств объектов наследия.

Синтез достигается редко и только при наличии междисциплинарной команды специалистов². В первом случае возможны недооценка жителями обновленного места своей истории, сохранение отчужденности от городской среды и культуры. Второй чреват волонтаризмом, принятием специалистами решений без учета мнения жителей. Ниже представлен материал, иллюстрирующий оба этих, достаточно распространенных, варианта. Он позволяет сделать выводы о необходимости усиления междисциплинарности городских проектов.

¹ Haraguchi S. New Life for Historic Cities: The Historic Urban Landscape Approach Explained. – Paris : UNESCO. – 2013. – 77 p.

² Raines A. B. Wandel Durch (Industrie) Kultur: Conservation and Renewal in the Ruhrgebiet // Planning Perspectives. – 2011. – 26 (2). – P. 183-207.

Конвертация фабрики в жилой квартал, Лодзь, Польша. Проект Ecommunity был разработан для польской Лодзи и получил приз престижного конкурса LafargeHolcim Award за 2017 году (рис. 1). С учетом общего индустриального характера города, автор – М. Мадер – предлагает вариант реновации, в котором производственные помещения остаются практически в не измененном виде, сверху над ними надстраивается деревянная конструкция. Из отдельных жилых единиц формируется коллективное жилье. Несколько внутренних дворов позволяют жителям чаще взаимодействовать друг с другом¹. Решение рационально и экономично, баланс между историческими и новыми элементами достигнут. Несмотря на естественную монотонность фабричной архитектуры, М. Мадер добивается выразительности обновленной формы за счет пропорционирования крупных и более мелких архитектурных элементов, учитывает ритмическую организацию вертикальных окон, встраивает дополнительные двери (отметим, что приз вручен в новой для того времени номинации «Next Generation» для нереализованных проектов молодых архитекторов). При всей деликатности архитектурного вмешательства в историческое здание, возникновение комьюнити учитывается только на третьем этапе, когда само здание уже преобразовано, то есть автор как бы не замечает социально-коммуникативный ресурс совместных действий в ходе реабилитации территории. Второй пример имеет ярко выраженную гражданскую, частично даже политическую направленность. При этом в проекте и комментариях к нему отсутствуют даже упоминания о каких-либо архитектурных достоинствах объекта.

¹ Ecommunity in Poland / Lafarge Holcim Foundation. – URL: <https://www.lafargeholcim-foundation.org/projects/ecommunity> (дата обращения 29.02.2020).

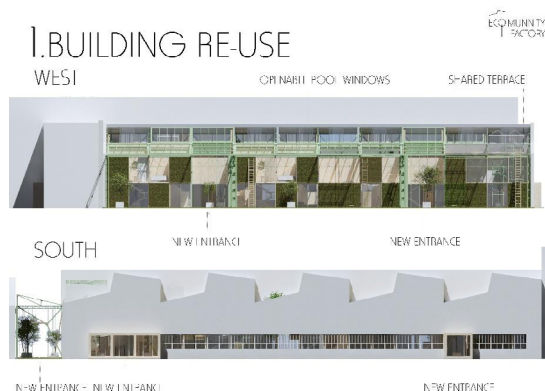

Рис.1. Проект Ecommunity¹

С. Динарди (C. Dinardi) из Аргентины описывает процесс работы с историко-архитектурным наследием, подававшийся специалистами, как версия культурной регенерации, актуальная для культурной политики столицы этого государства². В основу ее работы положен кейс рефункционализации большого здания штаб-квартиры национальной почты в центральной части г. Буэнос-Айреса в начале 2000-х годов, а поводом для весьма резкой критики становится столкновение в работе с наследием противоположных по своей направленности «культурных» (ценность архитектуры 1920-х годов, ценность почтовой службы как показателя цивилизованности страны и т.п.) и политических смыслов объекта. Именно в это время политика, в том числе культурная политика, оценивалась общественностью как «синоним коррупции и недобросовестности». Все происходившее со зданием без участия населения негативно интерпретировалось гражданами и частью СМИ, в том числе и потому, что они не чувствовали своей связи с происходившим. (Подобное отчуждение горожан от городских процессов часто можно видеть и в России, притом, не только по вине городских властей, но и из-за инертности самих жителей).

¹ Ecommunity in Poland / Lafarge Holcim Foundation. – URL: <https://www.lafargeholcim-foundation.org/projects/ecommunity> (дата обращения 29.02.2020).

² Dinardi C. Unsettling the Role of Culture as Panacea: The Politics of Culture-led Urban Regeneration in Buenos Aires // City, Culture and Society. – 2015. – 6 (2). – P. 9-18.

По мнению С. Динарди, всецело учитывающей реалии региона и конкретного периода времени, маркировка проекта регенерации как «культурного» давала и дает дополнительные поводы для риторики. Она подчеркивает, что «в Латинской Америке риторическое значение, придаваемое дискурсам культурной политики для развития городов, не сопровождается систематическими академическими подходами, анализирующими эту политику»¹.

Участники проекта, дававшие интервью автору статьи, говорили о двух основных причинах рефункционализации здания: девальвации его предыдущей функции; необходимости для города площадки по исполнению симфонической музыки. Критику С. Динарди вызывает имплицитная постановка акторами процесса музыкальной площадки как более «ценной» для города, чем производственной. «Реальное наполнение здания не играет роли, если есть политкорректные оболочки», – говорит она². На деле перепрофилирование было единоличным решением высокопоставленного политика в конце 1990-х годов, видевшего в нем символ «золотого века» страны. Такая персонализация неправомерна, но закономерна для «биномиальной политической культуры» Аргентины того периода. С ней до сих пор не согласны сторонники приватизации и маркетинга объекта, равно как и почтовые работники.

Важно, что, разбирая кейс из Аргентины, автор упоминает все политические изменения 2000-х и показывает, что ни в одном из случаев культура не была эмансипирована от политики. Выбрав этот аспект в качестве основного, С. Динарди не только деконструирует урбанистический дискурс конкретного региона, но и закономерно приходит к довольно узкому кругу вопросов социологии культуры, оставляя в стороне стилевые, эстетические, коммуникативные и другие процессы. Узкое понимание городских процессов и культуры оборачивается сужением оценки здания и его перспектив при том, что в процессе участвуют горожане. Однако, если почитать критику, видно, что

¹ Dinardi C. Unsettling the Role of Culture as Panacea: The Politics of Culture-led Urban Regeneration in Buenos Aires // *City, Culture and Society*. – 2015. – 6 (2). – P. 9-18.

² Там же.

нарекания вызывает не происходящее с архитектурным объектом, а лишь смена его функции, представляющаяся неоправданной.

Таким образом, работа по актуализации историко-культурного наследия с участием горожан и последующему брендингу территории имеет междисциплинарный характер и требует создания многопрофильных команд специалистов. При этом меняется сам подход к проекту, поскольку удорожание исследований на начальном этапе как бы компенсируется действиями волонтеров или активистов. Успешный результат подобных проектов включает в себя как минимум три компонента: активное взаимодействие инициаторов и исполнителей проекта с горожанами, обратная связь, общие практики, в ходе которых меняется отношение жителей к наследию и к месту в целом; внимательная тактичная проектная работа с архитектурными объектами; информационное сопровождение проекта, способствующее брендингу города.

Многообразие теоретических подходов к концептуализации феномена участия молодежи, к исследованию культурно-исторических ресурсов городских территорий является методологической базой для изучения основной проблемы нашего проекта – социального участия молодежи в социокультурном развитии городов. Данная проблема, обретая статус междисциплинарной, претендует на расширение исследовательского поля за счет привлечения методологических возможностей целого ряда социогуманитарных дисциплин. Это предполагает разработку комплексной методологии исследования, которая интегрировала бы в единое целое разные дисциплинарные дискурсы и, намечая направления исследовательского поиска, обозначила бы роли и задачи каждого из них, учтя преимущества и ограничения, возможности их комбинирования на теоретическом и эмпирическом уровнях. К описанию этой методологии мы переходим в следующем параграфе.

1.4. Общеметодологические принципы и потенциал социологического, культурологического, урбанистического и архитектурного подходов в изучении социального участия молодежи в социокультурном развитии городов

Проблема социального участия молодежи в социокультурном развитии городов находится в поле рассмотрения широкого спектра социогуманитарных дисциплин. Это обуславливает и особый статус методологии ее исследования. Разработка методологии опирается на теоретический потенциал социологии и ее отдельных отраслей (социологии города, культуры, управления, молодежи, массовых общественных движений, общественного мнения, визуальной социологии, политической социологии и др.), теоретической и прикладной культурологии, антропологии (городской, управленческой, экологической, визуальной, прикладной и пр.), урбанистики, теорий архитектуры и пр. Особенности исследуемой проблемы требуют комплексного подхода, что возможно в рамках микс-методологии, предполагающей интеграцию исследовательских процедур различных дисциплин на уровне базовых принципов и теоретических положений, основных методических стратегий, элементов эмпирической методологии, методов и технических приемов.

В данном параграфе мы рассмотрим систему принципов и общеметодологических подходов, лежащих в основе исследования этой проблемы. В параграфе 2.1 обратимся к обоснованию микс-методологии на уровне методических стратегий и смешивания методов сбора и анализа информации (mixed methods research).

Особенности микс-методологии исследования данного объекта заключаются в том, что ее основными принципами выступают междисциплинарность и компаративность. Обоснование применения принципа междисциплинарности к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов позволяет концептуализировать проблему, обозначить основные направления исследовательского поиска и контуры будущего результата. При этом в рамках

микс-методологии невозможно простое механическое соединение исследовательских процедур различных дисциплин. Реализация принципа междисциплинарности заключается в комбинировании их методологических возможностей, позволяющем достичь результата, избегая эклектики при их сочетании и взаимной координации.

Процесс дифференциации научного знания о проблеме социального участия, ее описание и интерпретация в контексте разных научных дисциплин постепенно приводит к необходимости интеграции накопленных научных данных и разработки методологии междисциплинарного исследования. При этом жесткая демаркация дисциплинарных дискурсов создает ограничения для междисциплинарного синтеза, препятствует формированию комплексной методологии, обеспечивающей интегративные процессы исследовательского поиска и получения целостного научного знания, являющегося его результатом.

Задачей данного параграфа является описание комплекса исследовательских социогуманитарных подходов, имеющих междисциплинарный статус в сочетании с принципом компаративности, обеспечивающим исследование инструментами сравнительного анализа¹.

Принцип междисциплинарности. Рассмотрим возможности применения данного принципа через сочетание и взаимную координацию ряда междисциплинарных подходов: институционального, социокультурного, управленческого, общностного. Все они достаточно активно и практически в равной мере используются в социологии, культурологии, урбанистике, исследованиях в области городской архитектуры. Именно поэтому их методологический потенциал значим для изучения социального участия молодежи в социокультурном развитии города.

Корректное сочетание этих подходов дает возможность объединить в единое исследовательское поле разные дисциплины, разграничив их проблематику в соответствии со спецификой каждой, обозначить их цели и задачи, место в

¹ Котенко В. П. Компаративистика – новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки / В. П. Котенко // Библиосфера. – 2007. – № 3. – С. 21-27.

процессе реализации исследования и его результатах. Интеграция данных исследовательских подходов возможна на основе принципа дополнительности, который позволит конструировать методологию исследования, сочетая предметные области дисциплин, их аналитические подходы и системы описаний, возможности эмпирической методологии и методических стратегий. Она обеспечит прогнозирование и достижение комплексного результата, который ляжет в основу разработки модели управленческих решений, оказывающей регулятивное воздействие на социальное участие молодежи в развитии городов.

Охарактеризуем возможности каждого их описанных выше междисциплинарных подходов.

Институциональный подход. При изучении проблем социального участия молодежи данный подход обеспечивает 1) анализ институциональной среды социального участия (нормативных документов, регламентирующих деятельность молодежи и развитие городской среды, социальных программ, концепций развития городов, культуры, образования и т.д.); 2) исследование организационных структур участия молодежи (НКО, общественных, волонтерских организаций и движений, деятельность муниципальных органов по развитию города, учреждений культуры и образования, обеспечивающих разные формы участия молодежи в его развитии и пр.); 3) изучение взаимодействия молодежных сообществ в городской среде.

Институт социального участия предполагает наличие взаимодействующих социальных субъектов, к которым относятся: молодежь как социальная общность (она неоднородна и дифференцирована на отдельные группы, характеризующиеся разным уровнем социального участия); местные сообщества (они также разнообразны, некоторые являются устойчивыми группами с высоким уровнем социального контроля и организации, например, НКО, но большинство – разновидностью квазигрупп, возникающих ситуативно как отклик на насущные проблемы города); представители управленческих структур муниципального уровня и организаций культуры, науки, образования. Взаимодействия между ними могут быть как горизонтальными (сетевыми), так и вертикальными

(иерархизированными). Институциональный подход позволяет исследовать их особенности, характер, соответствие конкретной ситуации, эффективность нормативной регуляции.

Институт социального участия – это устойчивое взаимодействие субъектов социального участия в системе социальных связей и организационных форм, обеспечивающих их функционирование, нормативное регулирование и социальный контроль. В рамках институционального подхода социальное участие рассматривается как «система формальных и неформальных «правил игры», существующих в поле социального взаимодействия, структурирующих и упорядочивающих социальную активность, обеспечивающих ее устойчивость, долговечность, воспроизводимость»¹.

Задачей институционального подхода к изучению социального участия молодежи является характеристика особенностей его институциональной природы, сложившихся в условиях определенной институциональной среды устойчивых практик, моделей участия, структуры деятельности молодежи как социальной общности в социокультурном пространстве города, где реализуется участие как форма ее социальной активности, выявление возможностей и ограничений взаимодействий социальной общности молодежи с иными институциональными субъектами. Данный подход позволяет анализировать и тенденции институциональных изменений, связанные с трансформациями традиционно сложившихся типов социального участия институциональных субъектов (молодежных сообществ, групп, организаций, движений и пр.), меняющих цели, мотивацию, формы социального участия в соответствии с требованиями времени.

Структура социального участия молодежи как институциональный феномен может получить комплексное описание через реализацию ряда аналитических процедур:

¹ Кирдина С. В. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества / kirdina.ru. – URL: http://кирдина.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=213 (дата обращения: 19.08.2020).

- анализ социальных функций участия (в данном случае в развитии социокультурной сферы города, описание функций осуществляется на макро- и микроуровнях, как в отношении города, так и в отношении молодежи как субъекта социального участия);

- характеристику нормативного регулирования социального участия через анализ комплекса формальных и неформальных норм, которые определяют возможности и ограничения, сложившиеся практики и перспективы развития социального участия молодежи в условиях городской среды;

- изучение организационных форм социального участия молодежи (организаций, которые воспроизводят нормативные стандарты институциональной среды молодежного участия, а в данном конкретном случае еще и организаций города, в рамках которых осуществляется деятельность молодежи, направленная на его социокультурное развитие);

- изучение молодежи как субъекта социального участия (норм, ценностей, сложившихся практик и стандартов социального участия, включенности, степени активности, мотивации этого вида деятельности и др. характеристик);

- исследование влияния институциональной среды на конкретные практики социального участия молодежи в городе, формы и характер социального контроля.

Институциональный анализ социального участия молодежи в системе классификации социальных институтов позволяет отнести его к категории «институт – социальная практика». Генезис данного социального феномена осуществлялся на основе традиционно сложившихся норм сельской общины, соседских сообществ, религиозных общностей и местных городских сообществ. Неформальные нормы соучастия и взаимовыручки имеют этнокультурные и национальные различия, по-разному воспроизводятся в социокультурных средах различных территорий (стран, регионов, городов) и практикуются в местных сообществах. Культурные нормы и практики взаимопомощи, взаимоподдержки, лежащие в основе стандартов и правил повседневного поведения, оказывали и

оказывают влияние на становление различных форм социального участия в современном городе, городских сообществах, включая молодежные.

Институт социального участия является одновременно и неформальным, и формальным. Степень его формализации зависит от конкретного территориального субъекта и принятых в нем норм. В России процесс формализации социального участия молодежи в последние десятилетия интенсифицировался, осуществляется все более активно. Смысл, социальные роли, предназначение социального участия молодежи отражен в комплексе нормативных документов (начиная с конституции, программ стратегического развития страны, документов о молодежной политике и пр.). Характер и уровень организации социального участия, степень развитости общественных организаций, молодежных движений, уровень активности и степень включенности в них молодежи в значительной мере определяется системой формальных правил, принятых в том или ином обществе.

Институциональная среда конкретной страны, определяющая нормы реализации социального участия, как правило иерархизирована и представляет собой систему разноуровневых нормативных регуляторов. Самую широкую сферу влияния имеют формальные правила и законодательные нормы федерального уровня, оказывающие воздействие на институты гражданского общества, определяющие условия и формы социального, гражданского, политического участия. Эти нормы транслируются на региональный и местный уровень, обеспечивают реализацию прав граждан на участие в общественных движениях, организациях на конкретных территориях, отражая при этом запросы этих территорий, их специфику, особенности культуры, традиций данной социальной среды, ее территориальных сообществ.

Зрелость и развитость институциональной среды определяется ее целостностью (комплексностью) и полнотой. Эти параметры как базовые системные характеристики свидетельствуют об уровне ее сформированности. Что касается институциональной среды социального участия молодежи в России, то уровень ее сформированности достаточно высок и определяется комплексом

нормативных документов, представляющих собой систему законов, законодательных актов, социальных программ развития молодежных инициатив и пр. на трех уровнях – федеральном, региональном, местном. При этом необходимо учесть, что эффективность функционирования данной системы норм зависит, прежде всего, от активности и инициативности реальных практик социального участия молодежи. Последние исследования социального участия молодежи показывают неоднозначное и противоречивое влияние на него этой системы нормативных регуляторов.

Еще одной значимой характеристикой институциональной среды считается уровень ее плотности, насыщенности. Объективный показатель плотности институциональной среды – это системность и непротиворечивость формальных правил и норм. Субъективным показателем является восприятие людьми степени развитости и адекватности своим потребностям различных форм социального контроля. Показатель плотности институциональной среды обусловлен уровнем принятия институциональных норм конкретным субъектом социального участия и деятельности. Если в России институциональная среда социального участия молодежи объективно вполне обеспечена формальными регуляторами, то само молодежное сообщество далеко не в полной мере их освоило, плохо информировано о данных нормах, не может применять их на практике, не осознает тех нормативно закрепленных возможностей и ограничений, которые определяют их деятельность. Другими словами, данная институциональная среда не выступает фактором активизации и эффективного регулирования социального участия молодежи в культурном развитии городов, ее нормы можно скорее отнести к «спящим», плохо связанным с мотивационной сферой социальной активности молодых людей, мало влияющим на реальные практики социального участия. Институциональная среда не может быть определена как насыщенная именно потому, что не актуализирована в полной мере молодежью, не может быть ей оценена по критерию достаточности этих норм, их эффективности и полезности.

Применение институционального подхода к исследуемой проблеме социального участия молодежи в социокультурном развитии города может иметь еще один ракурс. Дело в том, что институциональный анализ города как социального феномена, дает возможности получения системной информации об участии молодежи в развитии его социокультурной среды. В рамках институционального анализа – город как социальный институт представляет собой многоуровневое и чрезвычайно сложное образование.

При рассмотрении его в контексте реализации практик социального участия горожан прежде всего необходим анализ особенностей социокультурной политики города, которая увязывает общие тенденции и перспективы его развития с участием в нем граждан. Город как социальный институт через свою институциональную среду определяет нормы и стандарты этого участия, возможности и ограничения его реализации.

Особенности институциональной среды города обуславливают характер культурной политики, задают модели социального участия, распределяют роли участвующих социальных субъектов, определяя их базовые параметры. Так, в контексте либеральной модели культурной политики взаимодействие городской администрации и местными сообществами предполагает совместность в разработке направлений, целей, задач, миссии городского развития, расширения сфер участия горожан в принятии важных решений, касающихся сферы культуры, ее сохранения, доступа горожан к культурным ценностям, удовлетворения их культурных запросов и регулировании культурного потребления. Городские сообщества рассматриваются в качестве значимых акторов городской политики, их социальное участие является ее неотъемлемым элементом. Взаимодействие городских властей и жителей имеет диалоговый характер. Это является ключевым моментом в реализации управленческой деятельности. Управление социальным участием рассматривается как важный аспект реализации городской культурной политики и необходимая сфера компетенций для административных структур.

В рамках этой модели молодежное участие характеризуется широкой сферой свободы и открытым доступом к разнообразным формам социокультурной

деятельности от участия в управлении, связанного с приобщением к решениям по стратегическому планированию развития города, до включенности в конкретные проекты сохранения и развития определенных культурных объектов, создания событийной культурной среды города либо простого пассивного потребления молодежью культурных продуктов.

Рассмотренная методология институционального подхода, обладающего статусом междисциплинарности, дает возможность интегрировать разные дисциплинарные контексты, дифференцируя при этом их роли, общие направления и задачи в анализе социального участия молодежи в социокультурном развитии городов. Для нашего исследования важным является объединение и координация возможностей социологического, культурологического, урбанистического и архитектурного знания (таблица 1).

Таблица 1

Институциональный подход к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов: дисциплинарные контексты

Дисциплинарные контексты	Содержание
Социологический	Анализ функционирования института социального участия, социальной эффективности его нормативной базы, регламентирующей возможности и ограничения социокультурной деятельности молодежи в городе
Культурологический	Анализ неформальных норм и практик социального участия молодежи, сформированных социокультурным контекстом в ходе культурно-исторического развития городской среды
Урбанистический	Исследование противоречий между формальными нормативными стандартами городского развития и потребностями местных сообществ в трансформации социокультурной сферы города
Архитектурный	Изучение соотношения формальных профессиональных норм градостроительной деятельности с их возможностью соответствовать запросам современного развивающегося города

Социокультурный подход. Особенности его применения к исследованию социального участия молодежи связаны с определенным фокусом на сфере

культуры участия основных социальных субъектов. Нам представляется, что формирование и развитие феномена социального участия обусловлено прежде всего процессами освоения элементов культуры участия разными группами населения и управленческими структурами. Это касается культуры управления социальным участием представителей администраций муниципалитетов, руководителей учреждений культуры, образования, науки, туризма разных форм собственности, которые ответственны, в той или иной мере, за реализацию культурной политики и вовлечение молодежи в реальные практики участия путем создания для этого определенных условий.

Культура управления социальным участием молодежи является проблемной зоной для российских городов. Если современные тенденции в формировании и развитии этой культуры требуют перехода от авторитарных моделей управления к сетевым, то необходимо констатировать факт неготовности управленческих структур к такому переходу и сохранение доминанты «вертикальной» модели управления над «горизонтальной». Вместе с тем, развитие культуры управления социальным участием предполагает длительную и кропотливую работу не только над формированием необходимых компетенций у управленцев, достижения баланса между иерархизированным и сетевым типами управления, но и создания объективных условий для реализации диалога власти и общества.

Овладение культурой участия является прерогативой и местных сообществ (включая молодежные), которые в практике участия формируют значимые компетенции социокультурной деятельности, культурных инициатив, осваивают нормы взаимодействия с другими акторами социального участия для повышения эффективности своей организационной, творческой, проектной, образовательной и пр. самореализации в социокультурном пространстве города.

Сущностной характеристикой культуры участия является то, что люди имеют «свободное право включаться в социальные и культурные процессы и

содействовать развитию, и они делают это добровольно, деятельно и с полным пониманием происходящего»¹.

Социокультурный подход позволяет поставить проблему культуры участия через анализ комплекса ее элементов, раскрытие их потенциала, рассмотрения системы факторов, создающих условия для ее формирования, развития и реализации в контексте социокультурной среды города.

Традиционно к базовым элементам культуры относят систему ценностей, норм, стандартов поведения, традиций и языков (обыденных и специализированных). Заложенное в основу методологии исследования культуры социального участия молодежи и других социальных акторов представление о системе ее элементов позволяет выстроить исследовательский процесс через понимание того, 1) какие ценностные регуляторы определяют их деятельность; 2) какие нормы социального участия освоены этими акторами, какого соотношения формальных и неформальных норм, регулирующих их деятельность; 3) каковы традиционные и новые культурные практики участия, принятые в разных средах, как они сформированы социокультурным контекстом; 4) каковы особенности дискурсов участия у разных социальных субъектов, насколько они схожи и различны, какой этап культуры участия репрезентируют.

Еще один ракурс применения социокультурного подхода связан с анализом города как социокультурного феномена, изучением особенностей его социокультурного пространства. Для его характеристики обратимся к описанию социокультурного поля, сделанному П. Штомпкой. Он рассматривал социокультурное поле как некое измерение, где объединены сети правил (норм и предписаний) и сети идей (верований, доказательств и дефиниций) в комплексе образующие феномен культуры². Методологический потенциал социокультурного подхода создает условия для анализа специфики взаимодействия социального и культурного в пространстве города.

¹ Копелянская Н. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Н. Копелянская, А. Шербакова. – Москва : Музейные решения, 2012. – 176 с.

² Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Пространство интеграции социального и культурного характеризуется неоднородностью, многослойным напластованием подпространств, уникальное сочетание которых формирует многообразие городских идентичностей и, в связи с этим, потребности в многообразии форм социального участия и включенности в культурное пространство города. Процесс конструирования личностью себя в контексте городской среды определен системой коммуникативных практик и деятельности, обусловленных пониманием города как ценности и ценности его культурной среды. Эти параметры культуры участия дают понимание глубины связи личности и города, определяют ориентиры и направления ее развития.

Особенности методологии социокультурного подхода к изучению социального участия молодежи позволяют интегрировать различные междисциплинарные контексты, определяя исследовательское поле каждого из них (таблица 2).

Таблица 2

Социокультурный подход к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов: дисциплинарные контексты

Дисциплинарные контексты	Содержание
Социологический	Анализ культуры участия через рассмотрение комплекса базовых элементов: ценностей; представлений о нормах; стандартных моделей поведения; дискурсивных практик социокультурной деятельности молодежи в городе. Изучение потребности молодежных сообществ в различных моделях культуры управления социальным участием
Культурологический	Анализ культурных пространств городской среды, культурного зонирования, моделей конструирования/реконструирования их в практике социокультурного взаимодействия местных (молодежных) сообществ
Урбанистический	Исследование соотношения стратегических инициатив развития городской среды, ее социокультурного контекста и инициативной роли местных (молодежных) сообществ по ее сохранению, воспроизводству, развитию
Архитектурный	Анализ триады «местное сообщество – архитектор – управление градостроительства и архитектуры» в контексте изучения влияния потребностей молодежных сообществ на разработку архитектурных проектов и развитие архитектурной среды города

Общностный подход. Методологический потенциал общностного подхода применительно к проблеме социального участия молодежи в социокультурном развитии городов очень достаточно велик. Он позволяет прежде всего осуществить комплексный анализ ресурсных возможностей участия молодежи как социальной общности вообще¹ и применительно к специфике городской среды, в частности.

Изучение молодежи как социальной общности дает возможность ее углубленного и системного анализа как субъекта социального участия. Молодежь как социальная общность имеет в той или иной мере сходные условия для реализации социального участия, общие стили жизни и деятельности, его обуславливающие, характеризуется определенным единством ценностей, которые влияют на выбор стратегий социального участия и самоидентификации как самостоятельного актора участвующей деятельности.

Вместе с тем, общностный подход позволяет дифференцировать молодежное сообщество на отдельные социальные общности и группы, принципиально отличающиеся своими моделями поведения и практиками участия, что позволяет анализировать сложность и многосоставность общности молодежи по широкому спектру критериев.

Анализируя социальное участие молодежи как общности в социокультурном развитии городов, дадим ее характеристику по ряду критериев: базовому виду деятельности, пространственной локализации, уровню социального участия, субкультурным особенностям, взаимосвязи участия и типа социальной общности.

Базовый вид деятельности молодежи в рамках нашего исследования – это образование. Мы изучаем образовательные общности школьников, студентов ссузов и вузов. Реализуя социальное участие, они различаются потребностями и интересами, мотивами социального участия, ценностно-нормативными характеристиками, уровнем готовности к участию в развитии городской среды, особенностями практик социального участия, информированностью о городе, его

¹ Зборовский Г. Е. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : монография / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 200 с.

истории, культуре, проблемах социокультурной сферы, системой факторов образовательной среды, обуславливающих эти различия.

Анализ пространственной локализации социальной общности молодежи позволяет применить процедуры сравнительного анализа (межстранового, межрегионального, межобщностного и внутриобщностного) путем сопоставления молодежных сообществ городов, проявляющих свои особенности через сходства и различия. Сравнительный анализ применим и при сопоставлении молодежных сообществ локализованных и в виртуальном пространстве. Это позволяет выявить различия в потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристиках их социального участия, социокультурные особенности в восприятии города и своего места в нем, его культуре, развитии, жизни сообществ.

Общностный подход дает возможность оценить уровень субъектности представителей молодежных сообществ, реализующих в социальном участии ценности и нормы развитого гражданского общества, проанализировать целостность и разобщенность сообществ по социально-демографическим, субъективно-личностным характеристикам, обусловленным совокупностью мотивов, установок, ценностных ориентаций, целей социального участия, его значимостью в жизни и деятельности молодежи.

Общностный подход дифференцирует городские сообщества молодежи в зависимости от уровня социального участия, границы которого простираются от пассивной вовлеченности в культурное потребление, с одной стороны, до творчески-активной деятельности и организационно-управленческого участия в развитии городской среды, с другой.

Рассмотрение молодежи как социальной общности дает возможность типологизировать ее в зависимости от отношения к городу и субкультурных особенностей, определяющих специфику каждого из этих городских молодежных сообществ. Выделенные кластеры (типы) сообществ по-разному организуют социокультурное пространство города, в то же время являясь производной от культурных особенностей городской среды.

Общностный подход позволяет исследовать взаимосвязь характера социального участия и типа социальной общности, которая его реализует. Это дает возможность оценить различия между массовыми молодежными общностями, местными сообществами молодежи и групповыми общностями, существующими на формальных основаниях, имеющих жесткую организационную структуру.

Подводя итог анализу методологических возможностей общностного подхода, можно констатировать, что они ориентируют исследователей на выявление внутренних и внешних ресурсов социального участия молодежи как общности в целом и ее подобщностей. К внутренним ресурсам относится комплекс социально-психологических, образовательных, культурных, мотивационных, деятельностных характеристик молодежи как социальной общности.

Внешними ресурсами социального участия общности молодежи являются институциональные возможности нормативно-правового характера, организационные условия, материально-финансовый потенциал, доступ к медиаресурсам.

Систематизация ресурсов социального участия в контексте концепции капитала П. Бурдье представляет собой следующие структурные элементы:

- ресурсы экономической природы;
- культурный капитал, характеризующий возможности образовательной и культурной среды и личности, реализующей участие;
- социальный капитал как уровень развитости внутри-общностных и межобщностных связей;
- символический капитал, имеющий информационную природу и информационные инструменты для реализации социального участия молодежи.

Общностный подход, имея междисциплинарный статус, позволяет координировать знания о социальном участии молодежи в социокультурном развитии городов, полученные в разных дисциплинарных контекстах, разными научными дисциплинами (таблица 3).

Таблица 3

Общностный подход к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов: дисциплинарные контексты

Дисциплинарные контексты	Содержание
Социологический	Анализ ресурсного потенциала молодежи как социальной общности в реализации социокультурной деятельности по развитию городской среды
Культурологический	Культурологический анализ формирования социокультурной идентичности местных (молодежных) сообществ, реализующих практики социального участия в пространстве города. Исследование символической природы феномена социального участия, его социальной значимости в представлениях горожан (молодежи, в частности)
Урбанистический	Изучение влияния социального участия молодежных сообществ на городское планирование и социокультурную трансформацию разного типа пространств современного города
Архитектурный	Анализ элементов архитектурного мышления в повседневных практиках социального участия различных групп городской молодежи

Управленческий подход. Методологический потенциал этого подхода к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов определяет направления исследований в рамках различных научных дисциплин, ориентируя на получение с их помощью знания о стратегиях и моделях управления, а также социальных последствий и эффектов их реализации для городского социума и городских (в том числе и молодежных) сообществ. Особенность управленческого подхода заключается в его тесной связи с институциональным, социокультурным и общностным подходами, которые формируют информационную базу для разработки системы управленческого знания, имеющего как теоретический, так и прикладной характер для решения исследуемой проблемы.

Управленческий подход объединяет разработки в области анализа институциональной среды социального участия, составляющей ядро

управленческой деятельности, исследований отношения основных институциональных субъектов к этой среде, что обеспечивает эффективность ее функционирования и регулятивные возможности в сфере социального участия молодежи в социокультурном развитии города.

Еще один спектр исследовательских направлений институционального анализа, который вбирает в себя управленческий подход, связан с изучением организационной среды социального участия молодежи, т.е. всей организационной инфраструктуры, которая его обеспечивает: общественных организаций, молодежных движений, городских сообществ, объединенных системой НКО, сети организаций волонтерской деятельности, городских организаций культуры, дополнительного образования, спорта, досуга, муниципальных, региональных структур и их работы в области управления культурой и социального участия молодежи.

Уровень развития городской инфраструктуры участия, ее потенциальные возможности, тенденции развития и проблемы его ограничивающие, сформированность ее запросов к молодежи, готовность к взаимодействию с ней в тех формах, которые наиболее приемлемы молодежными сообществами, дают теоретическую и эмпирическую базу для разработки новых технологий управления социальным участием молодежи.

В целом взаимосвязь институционального и управленческого подходов обеспечивает анализ сложной системы взаимодействия всех институциональных субъектов участия, социальных условий и факторов, его обуславливающих.

Углубление этой проблематики напрямую связано с использованием возможностей общностного подхода и рассмотрения субъектов социального участия как социальных общностей. Прежде всего это касается социальной общности молодежи. Общностный подход дает возможность получить более тонкую, дифференцированную информацию о различных характеристиках ее участия, как объективных, так и субъективных. Анализ молодежи и иных социальных субъектов участия с позиций общностного подхода, выявление характера их межобщностных взаимодействий, создает возможности для

выявления и понимания наиболее успешных и востребуемых стратегий участия социальных акторов и разработки современных технологий управления ими.

Эта задача является одной из наиболее сложно реализуемых, поскольку требует комплекса теоретических и прикладных разработок по постепенной трансформации культуры участия и культуры управления социальным участием. Здесь в полной мере проявляется связь управленческого и социокультурного подходов.

Управленческий подход функционально различно представлен в дисциплинарных контекстах социологии, культурологии, урбанистики, теорий архитектуры. Эти его характеристики отражены в таблице 4.

Таблица 4

Управленческий подход к изучению социального участия молодежи в социокультурном развитии городов: дисциплинарные контексты

Дисциплинарные контексты	Содержание
Социологический	Создание информационной базы для реализации управления социальным участием, включающей следующие структурные блоки: социокультурные проблемы развития городской среды; актуальные тенденции развития города; потребности, уровень готовности горожан (молодежи, в частности) в реализации социального участия, связанного с решением конкретных проблем города и направлениями городской культурной политики; ресурсный потенциал субъектов социального участия; культура управления социальным участием, характерная для различных институций как вид ресурса субъектов социального участия и др.
Культурологический	Социокультурный потенциал города и социального участия молодежных городских сообществ как элемент управленческой деятельности культурных институций разного уровня и аспект культурной политики города
Урбанистический/ архитектурный	Анализ запросов местных молодежных сообществ по трансформации объектов городской среды как основа разработки стратегии и конкретных направлений ее развития на основе диалогового взаимодействия с населением города

Разработка проблем культуры участия и культуры управления участием делает актуальным вопрос о расширении социальной базы участия и понимания культуры управления как технологии развития горизонтальных связей между субъектами участия и управления, формирования взаимодействий диалогового типа, ориентации при реализации культурной политики на необходимость соотносить между собой современные тенденции развития городской среды, исторически обусловленные культурные ориентиры и ценности горожан и культурных институций города, а также социокультурные потребности различных групп молодежи, касающиеся содержания, смысла, целей их социального участия и форм активности.

Принцип компаративности. Возможности конструирования и реализации микс-методологии для изучения социального участия молодежи в социокультурном развитии городов проявляются не только в контексте принципа междисциплинарности, но и принципа компаративности. Именно его применение дает возможность использовать сравнительный анализ, учитывая всю сложность процедур сравнения социального участия молодежи России и постсоветских стран.

Этот принцип научного познания при реализации научных исследований выступает в качестве методологической ориентации для широкого спектра междисциплинарных подходов – институционального, социокультурного, общностного, управленческого. Поскольку анализ любой научной проблемы проходит компаративистскую стадию и чаще всего не одну, то в каждом конкретном случае важно понимать, в каких исследовательских плоскостях будет осуществляться сравнение и какие научные средства, и инструменты для этого понадобятся и будут задействованы.

Так, для исследуемой нами проблемы необходимым станет сравнение институциональных сред и организационных структур социального участия молодежи различных постсоветских стран; сопоставление социальных общностей молодежи как субъектов социального участия в развитии городов; сравнение потребностно-мотивационных, ценностно-нормативных, деятельностных

характеристик общностей (дифференцированных по уровню активности участия, культурному потенциалу, информированности и образованности, коммуникативной компетентности, степени самоорганизации и самоуправления, развитости культуры участия).

Компаративный анализ необходим для сравнения социокультурных особенностей территорий, выявления с его помощью специфики социокультурного пространства городов как объекта социального участия и культурной деятельности молодежи, понимаемого ими с точки зрения его ценности, значимости культурного наследия и перспектив культурного развития.

В контексте управленческого подхода сравнительный анализ позволяет сопоставить уровень культуры и особенности стратегий участия молодежи, существующие в разных странах, регионах, городах, модели управления социальным участием, реальные практики управления.

Принцип компаративности в контексте конструируемой нами микс-методологии социального участия молодежи в социокультурном развитии городов ставит узловую проблему сопоставимости методологий и методических стратегий разных дисциплинарных дискурсов и подходов, погружает в контекст дискуссий относительно возможности сравнения количественной (ориентированной на сравнение переменных) и качественной (ориентированной на сопоставление кейсов) стратегий, восходящих позитивистской и интерпретативной парадигмам соответственно¹.

На уровне теории принцип компаративности обеспечивает углубление анализа методологий исследования участия сообществ в социокультурном развитии городов, реализуемых в социологической науке, культурологии и урбанистике, для понимания единства и различий в постановке проблемы, целей и задач исследования, выявления возможности взаимного дополнения в решении ключевых вопросов. При разработке методической стратегии принцип сравнения позволяет обеспечить условия сопоставимости при анализе кейсов (городов,

¹ Резаев А. В. Сравнительная социология : учебник / А. В. Резаев. – Санкт-Петербург : Изд-во С-Петерб. гос. ун-та, 2015. – 396 с.

типичных управленческих стратегий и практик участия), открытых количественных данных, статистического материала разного типа. Сравнительный анализ на уровне техники исследования – это решение проблемы сопоставимости данных:

- 1) количественных с количественными;
- 2) качественных с качественными;
- 3) количественных с качественными.

Базовой проблемой реализации принципа компаративности является возможность сравнения социальных объектов (и их репрезентантов – показателей, выбранных для сравнения) в разных социокультурных контекстах (N. Smelser)¹.

Применение принципа компаративности в исследовании социального участия молодежи в социокультурном развитии городов осуществляется при комплексном решении задач социального сравнения:

- 1) на теоретическом и эмпирическом уровнях;
- 2) на уровне методологии, методики и техники;
- 3) при выборе объекта исследования на межстрановом, межрегиональном уровне; на уровне городов (между городами); организационном (между организациями различного типа); межгрупповом (между общностями/группами); индивидуальном (между индивидами как типичными кейсами).

Возможности применения принципов компаративности и междисциплинарности для анализа социального участия молодежи в социокультурном развитии региональных городов представлены в таблице 5.

¹ Зиммель Г. Социологическая теория: история, современность, перспективы / Г. Зиммель. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 851 с.

Таблица 5

Межстранный сравнительный анализ в изучении социального участия молодежи в социокультурном развитии городов в разных дисциплинарных контекстах

Дисциплинарные контексты	Междисциплинарные подходы в сравнении городов/стран
Социологический	<p><i>Институциональный подход:</i> сравнение институциональной среды социального участия молодежи в социокультурном пространстве городов.</p> <p><i>Общностный подход:</i> сравнение ресурсного потенциала участия городской молодежи в социокультурном развитии городов.</p> <p><i>Социокультурный:</i> сравнение культуры участия молодежи.</p> <p><i>Управленческий:</i> сравнение культуры управления социальным участием молодежи, характерной для муниципальных структур и различных институций в социокультурном пространстве города</p>
Культурологический	<p><i>Институциональный подход:</i> сравнение неформальных норм и культурных практик участия молодежи, сложившихся в контексте культурно-исторического развития городской среды.</p> <p><i>Общностный подход:</i> сравнение характера идентификации молодежи с городом; символической роли ее социокультурного участия для молодежных сообществ.</p> <p><i>Социокультурный подход:</i> сравнение культурных пространств городской среды как социокультурного контекста участия молодежи.</p> <p><i>Управленческий подход:</i> сравнение культурного потенциала городов, особенностей их культурной политики как условия социального участия молодежи</p>
Урбанистический/ архитектурный	<p><i>Институциональный подход:</i> сравнение моделей учета потребностей местных сообществ при разработке и реализации нормативных стандартов городского развития, городского планирования.</p> <p><i>Общностный подход:</i> сравнение роли участия молодежных сообществ в развитии общественных пространств и культурных объектов города.</p> <p><i>Социокультурный:</i> сравнение культурных пространств городов и их значимости для молодежи на основе методов картографирования, go-along, морфологического анализа и др.</p> <p><i>Управленческий подход:</i> сравнение стратегий развития городской среды, места и роли инициатив молодежных сообществ в сохранении культурного наследия и культурном развитии в соответствии с тенденциями, характерными для современных городов</p>

Данная авторская методология, разработанная для проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления», реализует комплексный подход к исследованию. Его смысл заключается в сочетании двух базовых методологических принципов – междисциплинарности и компаративности. Принцип междисциплинарности структурирует методологию исследования, обеспечивая ее функциональность и надежность через комбинирование ряда междисциплинарных (социогуманитарных) подходов – институционального, социокультурного, общностного, управленческого.

Институциональный подход определяет границы исследовательского поля, формируя три базовых направления исследования: изучение институциональной среды, организационных условий социального участия, а также особенностей межобщностного взаимодействия в городской среде молодежных сообществ. Социокультурный подход ориентирован на изучение потенциала социального участия молодежи через анализ культуры участия; исследования культуры управления социальным участием местных сообществ (включая молодежные), а также изучение особенностей влияния социокультурной среды города на реализацию социального участия молодежи в его развитии. Общностный подход позволяет осуществить углубленный анализ потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристик участия молодежи в развитии городской среды. Управленческий подход ориентирован на изучение тенденций развития технологий управления социальным участием, выявление наиболее успешных практик его реализации в различных институциональных средах.

Принцип междисциплинарности взаимодействует с принципом компаративности, при котором выясняется сопоставимость методологий исследований участия сообществ в социокультурном развитии городов, реализуемых в социологии, культурологии, урбанистике, что обеспечивает возможности их взаимного дополнения в анализе ключевых проблем. На уровне разработки методической стратегии данный принцип позволяет сочетать между

собой различные методы сбора и анализа информации, понять их возможности и ограничения, адекватность использования, последовательность применения; а на уровне техники исследования – обеспечить сопоставимость результатов.

Потребность в сравнительных исследованиях объясняется необходимостью решения ряда проблем научного поиска и социального управления в сфере социального участия молодежи, связанных с задачами межрегионального и межстранового сравнения. Эти проблемы стали драйвером в конструировании методологии исследования, привели к пересмотру ряда теоретических положений, к выработке авторской методической стратегии. В целом, при разработке комплексной методологии исследования проблемы социального участия молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран была осуществлена взаимосвязь между междисциплинарными (социогуманитарными) подходами, компаративным анализом и дисциплинарными дискурсами.

2. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

2.1. Mix-research методология: новые возможности в изучении социальной активности городской молодежи

Общие характеристики методической стратегии смешивания методов. Идея комбинирования качественных и количественных методов имеет длительную исследовательскую традицию¹. Ее терминологическим аппаратом можно считать такие понятия, как комплексные исследования², интегративные исследования, mix research-методология, стратегия смешивания методов (mixed methods research), смешанная модель (mixed model), смешанные методы (mixed methods), смешиваемые методы (mixing methods) и пр. Эта совокупность понятий отражает видение того, как процедуры смешивания методов оказывают влияние на разработку эмпирической методологии исследования, его методической стратегии и, непосредственно, на практики и техники сочетания и применения методов.

Само направление возникло как результат актуализации новой волны обсуждения проблемы QQ методов (quality-quantity method – Г.С. Батыгин)³, ставшей предметом активных дискуссий в 90-е годы XX столетия. Идея смешивания методов проблематизирована необходимостью соотнесения методологических особенностей и методических возможностей двух социологических метапарадигм⁴, лежащих в основе применения количественных и качественных подходов. Первый подход базируется на позитивистской доктрине, восходящей в своем становлении к представлению о едином

¹ Демин А. Н. О совмещении количественного и качественного подходов в исследовательском цикле / А. Н. Демин // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 1999. – № 11. – С. 5-25.

² Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании / А. С. Готлиб // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2000. – № 12. – С. 5-24.

³ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» / Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 28-42.

⁴ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций / В. А. Ядов. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2009. – 138 с. – ISBN 978-5-94348-053-9.

методологическом основании и единстве метода для всех наук, объединяющих естественнонаучное и гуманитарное знание. Широкий спектр направлений, вариаций и трактовок позитивизма, неопозитивизма, постпозитивизма, неомарксизма, структурного функционализма и др., принадлежащих к классической, неоклассической и постклассической линиям развития социологии¹, в большей степени ориентирован на применение в эмпирических исследованиях количественной методической стратегии².

Герменевтическая (интерпретативная) доктрина, апеллирующая к явному противопоставлению наук о природе и наук о культуре, проходящая лейтмотивом сквозь неклассическую линию развития социологии (символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология и др.) тяготеет в эмпирической своей части к качественной методической стратегии использования методов³.

Предельно огрубляя, гипотетически можно предположить, что теоретическим фактором актуализации проблемы смешивания методов стал переход социологии на постнеклассическую линию развития, связанную с появлением интегративных концепций, постмодернистских трендов, теории коммуникативного действия, развитием феминистической социологии и др., ориентированных на изучение интегративных процессов в социумах разного типа, рассматривающих общество как единство социальной структуры и действий личности.

В практике эмпирических исследований проблема соотношения качественного и количественного подходов была всегда актуальной. Конфликт между подходами рассматривался на нескольких уровнях: уровне парадигм, определяющих теоретические и методологические основания исследования объекта (теоретико-методологический уровень); уровне методической стратегии, методических приемов, методов, их сочетания и особенностей применения

¹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века / Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2007. – 364 с. – ISBN 5-7741-0091-0.

² Johnson R. B., Onwuegbuzie A. J. Mixed-methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come // Onwuegbuzie Educational Researcher. – 2004. – 33 (7). – P. 14-26.

³ Smith J. K. Quantitative Versus Qualitative Research: An Attempt to Clarify the Issue // Educational Researcher. – 1983. – 12. – P. 6-13.

(уровень методики); на уровне организации исследовательского процесса (организационный уровень)¹.

Ряд исследователей сохраняли достаточно радикальную позицию, ставя вопрос о возможности в принципе сочетать оба подхода. З. Бауман, обосновывая позицию исторически последовательной смены парадигм, писал о невозможности примирения законодательного и интерпретативного разумов² как старого с новым, тем самым противопоставляя методологию классического и качественного социологического исследований. Более мягкая экзистенциальная позиция заключалась в том, что познавательные возможности подходов различаются, а их методологии плохо совместимы³. Концепция парадигмального релятивизма предполагает возможность использования любого методологического подхода, который работает для конкретной исследуемой проблемы. Не существует серьезной проблемной области, которую следовало бы изучать исключительно с помощью одного типа методов исследования⁴. И наконец, прагматически ориентированная позиция, базирующаяся на обобщении опыта эмпирических исследований, заключалась в констатации функциональной ориентированности каждого подхода, имеющего свою зону релевантности и область исследовательских задач.

Считалось, что количественные подходы используются тогда, когда объект должен быть изучен с точки зрения структуры, функций, типологических особенностей, взаимосвязи между признаками и пр. на основе существующей теоретической концепции с целью получения количественной информации (описательной или аналитической). Для количественных подходов характерна «нисходящая» стратегия анализа данных, переход от априорного теоретического

¹ Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О. Б. Савинская, А. Г. Истомина, Т. Ю. Ларкина, К. Д. Круглова // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 21-29.

² Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии / З. Бауман // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 14-15.

³ Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании / А. С. Готлиб // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2000. – № 12. – С. 5-24.

⁴ Tashakkori A., Teddlie C. Introduction to Mixed Method and Mixed Model Studies in the Social and Behavioral Science // The Mixed Methods Reader. – 2008. – P. 7-26.

положения с помощью логической дедукции к формированию эмпирической методологии исследования. При этом эмпирические данные получают с помощью жестко формализованных процедур, их анализ осуществляется на последнем, завершающем этапе исследования, все научные выводы делаются на основе анализа статистических закономерностей и обосновываются логически.

Качественные исследования применимы, когда: проблема нова, необходимо получение предварительной информации для определения направлений дальнейших исследований; объект эксклюзивен, не является массовым, не требует количественных описаний; динамичен и изменчив; предметом исследований выступает субъективная сфера, сложные внутриличностные характеристики и процессы и др. Для качественного подхода характерна «восходящая» стратегия анализа данных, от частного к общему (метод индукции); сбор и анализ данных совмещены во времени, осуществляются постоянно в ходе всего исследования; конструирование мини-теории протекает на базе эмпирических обобщений при отсутствии жесткой логической схемы процесса научного поиска и ситуативном, гибком подборе методов; открытость теоретических положений и эмпирических обобщений для непрерывного притока новых данных предполагает возможность кардинальных изменений всех элементов исследования.

Вместе с тем, еще в 90-е годы прошлого столетия было обосновано, что ни количественный, ни качественный подходы не целесообразно рассматривать как вид методологии, характеризующийся единством и комплексностью. Они не представляют собой целостности, а базируются на широком спектре разнообразных теоретических направлений. Для данных подходов был определен статус методической стратегии (Г.С. Батыгин), поскольку они в большей степени определяют практики исследовательской деятельности, чем формы теоретизирования. Именно это дает основания говорить об особенностях качественной и количественной методических стратегий, более того ставить вопрос о становлении и оформлении самостоятельной методической стратегии смешивания методов.

Направление *mixed methods research* – автономная часть многометодных (*multi-methods research*)¹ академических и практико-прикладных исследований. Специфика этого направления заключается в том, что здесь ставится вопрос о смешивании именно качественных и количественных методов (J. Creswell)². Статус *mixed methods research* в последнее время легитимизирован за счет систематизации и обобщения накопленных знаний и большого исследовательского опыта по смешиванию методов в рамках одного исследования³. Стратегия смешивания применима для сложных междисциплинарных исследований с динамичным и быстро меняющимся объектом. Она позволяет в ходе исследования интегрировать достоинства и преимущества каждого из подходов, нивелируя их недостатки⁴. Сочетание методов дает возможность получить данные, с одной стороны, выявляющие структурные особенности и тенденции развития объекта, с другой – помещенные в контекст повествований, историй, нарративов, обогащенные контекстуальными смыслами, интерпретациями, сложными визуальными образами. Исследования такого типа сложны и многозадачны, требуют особых компетенций и навыков работы в разных исследовательских парадигмах⁵.

Модели смешивания методов. Классификация *mixed methods research* осуществляется по разным критериям: предмету смешивания (что смешивается); месту смешивания (этапам исследования); широте фокуса смешивания (от данных до подходов); причинам и целям смешивания (полнота понимания событий, процессов или подтверждение фактов); способам категоризации в процессе

¹ Tashakkori A., Teddlie C. Introduction to Mixed Method and Mixed Model Studies in the Social and Behavioral Science // The Mixed Methods Reader. – 2008. – P. 7-26.

² Creswell J. Controversies in mixed methods research // The Qualitative Research. – 2011. – P. 269-283.

³ Tashakkori A., Teddlie C. Handbook of Mixed Methods in Social and Behavioral Research. – Washington : Sage Publishing. – 2003. – 912 p.

⁴ Burke J. R., Onwuegbuzie A. J. Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come // Educational Researcher. – 2004. – 33 (7). – P. 14-26.

⁵ Полухина Е. В., Савинская О. Б. Через исследования к доверительному глобальному сотрудничеству: перспективы качественных исследований в XXI веке / Е. В. Полухина, О. Б. Савинская // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 122-125.

реализации смешанного исследования – «восходящей» (апостериорной) либо «нисходящей» (априорной) категоризации¹.

Классическим примером классификации смешивания методов является триангуляция и ее виды: триангуляция данных; триангуляция интерпретаций исследователей; триангуляция теоретических подходов; триангуляция методологий – качественной и количественной².

Смешивание методов реализуется на принципах дополнения, комбинирования, интеграции, параллельного и/или последовательного использования и пр. В зависимости от дизайна исследования, количественные и качественные данные можно собирать одновременно или последовательно. При таких подходах приоритет отдается одной из стратегий. Так, в зависимости от доминанты той или иной ветви использования методов в исследовании³:

- приоритет отдается количественной ветви/стратегии;
- приоритет отдается качественной ветви/стратегии;
- обе вносят одинаковый вклад в исследование.

В зависимости от размещения точки смешивания методов, их пересечение/интеграция осуществляется:

- во время разработки дизайна исследования;
- во время сбора данных;
- во время анализа данных;
- во время интерпретации данных для итоговых выводов и рекомендаций.

Рассмотрим характеристики *последовательной модели* смешивания методов:

1) сначала реализуется стратегия применения количественных методов, потом качественных (вначале осуществляется комплексное количественное описание объекта, выявление причинно-следственных связей, факторов, типологий и пр.,

¹ Burke J. R., Onwuegbuzie A. J. Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come // Educational Researcher. – 2004. – 33 (7). – P. 14-26.

² Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction into Sociological Methods. – New-York : McGraw-Hill. – 1970. – 382 p.

³ Morgan D. L. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. – Los-Angeles, CA : Sage Publications. – 2014. – 288 p.

затем анализируются смыслы, значения, полученные при использовании мягких методов сбора информации, которые дополняют и интерпретируют количественные данные); 2) сначала используется стратегия применения качественных методов, потом количественных (вначале выявляется информация об особенностях объекта, он получает комплексное описание качественными методами, затем дается его количественная характеристика).

В рамках данной модели последовательное использование методов не отменяет их взаимодействия, взаимовлияния. Так, полученные вначале количественные данные могут определять стратегию применения качественных методов, поскольку последние призваны выполнять процедуры интерпретации количественных значений, нуждающихся в дополнительном описании (например, использование последующих интервью для лучшего понимания процентных распределений, построенных на данных анкетирования). Количественные описания объекта дают возможность построения целевых выборок для дальнейших качественных исследований отдельных аспектов изучаемой проблемы.

Полученное в начале качественное описание объекта влияет на разработку элементов эмпирической методологии и методики для сбора количественных данных, задает матрицу эмпирических признаков, которые должны быть оценены количественно. Качественные методы ориентированы на выявление новых аспектов проблемы, латентных характеристик объекта, их описание необходимо для формулировки гипотез. Качественно-количественная модель используется для доказательства гипотез и проверки элементов теории. И в первом, и во втором случаях основные процедуры смешивания/интеграции происходят на этапе сбора и анализа данных¹, а разработка технологий смешивания осуществляется при создании дизайна исследования.

Далее охарактеризуем *параллельную модель* смешивания методов. При ней обе стратегии/ветви использования методов (качественная и количественная) реализуются одновременно, осуществляется автономный сбор данных, которые в

¹ Creswell J. Controversies in Mixed Methods Research // The Qualitative Research. – 2011. – P. 269-283.

итоге объединяются в общую картину. При этом приоритет может быть отдан а) количественной ветви; б) качественной ветви; в) они могут быть равноправными.

Существуя параллельно, независимо друг от друга, обе ветви взаимодействуют в конце исследования. В этом случае основные процедуры смешивания/интеграции происходят на этапе итоговой интерпретации данных. Исследователи делают выводы и обобщения на основе синтеза или сравнения результатов, полученных с помощью количественных и качественных методов.

Многофазовая конвергентная модель смешивания методов предполагает последовательно-параллельную многофазовую комбинацию. Здесь пересечение/интеграция данных осуществляется и во время разработки дизайна исследования, и во время сбора и анализа данных, и при интерпретации данных для итоговых выводов и рекомендаций¹.

Процедура смешивания методов предполагает использование средств контроля качества информации. Для них существуют установленные правила контроля достоверности, используемые в стандартных количественных и качественных исследованиях². Принципиального различия в реализации контроля качества в разных моделях смешивания методов нет.

Проблемы смешивания методов (mixed methods research) в городских исследованиях. В городских исследованиях применяются различные модели смешивания и все разнообразие методов сбора информации, принадлежащих к количественной и качественной стратегиям. Это опросные и неопросные методы от мягкого до жесткого формата, комплекс методик визуальной социологии и антропологии, работа с большими данными, методы, объединяющие анализ территориального размещения городских объектов, измерения социокультурного пространства города и его субъективных интерпретаций (например, различные

¹ Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О. Б. Савинская, А. Г. Истомина, Т. Ю. Ларкина, К. Д. Круглова // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 21-29.

² Bazeley P. Mixing Qualitative and Quantitative Approaches to Research // Marketing Management Research. – 2004. – P. 141-156.

виды картографирования и пр.), мобильные и игровые методы, практики геймификации, проективные методики и пр.

Их разнообразие способствует увеличению разнородности и многослойности получаемой информации о социальном пространстве города. Это требует комплексного подхода к использованию *mixed methods research* для изучения городских реалий. Именно городская проблематика с ее многообразием инновационных методов исследования стала одним из драйверов расширения представлений о смешивании методов и постановки проблемы более широкого толкования *mixed methods research* как комбинирования не только качественно/количественных моделей использования методов, но и любых методов сбора информации в рамках каждой из стратегий, и, соответственно, связанной с этой проблематикой их сочетания и интеграции.

Особенностью изучения социокультурных аспектов городской среды является необходимость исследования ее *пространственных характеристик*. Физическое пространство города совмещено с пространством социальным и фиксируется в определенных образах и символических структурах восприятия. Для их изучения осуществляется сочетание методов, измеряющих их взаимовлияние: комплекс визуальных методов (фото, видео), картографирования, анализа маршрутов с помощью Big Data и широкого спектра опросных методик.

Другим вызовом для исследователя являются *динамические характеристики* городской среды. Город в постоянном движении, динамике, взаимообменах, сочетании физических перемещений и перемещений в пространстве социальных отношений исследуется с применением *mix*-стратегии мобильных методов и совокупности традиционных методик исследования социальной мобильности объектов в городской среде.

Еще одним аспектом смешивания методов служит *временная протяженность* города, выступающая в сочетании астрономического и социального времени, включая и социокультурный исторический контекст городской жизни. Сочетание биографических методов и Big Data, мягких опросных методик и визуальных

документальных свидетельств времени является задачей для конструирования адекватных ей методик.

Возможности, которые предоставляет mixed methods research для городских исследований заключается в следующем:

- во взаимном обогащении и взаимной компенсации ограничений качественных и количественных стратегий, использующихся в исследованиях социокультурных проблем города и городской среды;

- возможности построения выводов на основе данных разного типа, полученных с помощью широкого спектра методов сбора информации, что дает более полную и многостороннюю картину описания городских объектов и социокультурных процессов в городе, их социального контекста, а также многообразия его субъективных интерпретаций;

- триангуляции теоретических подходов, методологий, данных и их интерпретаций, обеспечивает процесс валидации, контроль качества первичной информации и повышение надежности эмпирических, теоретических обобщений и итоговых выводов как в прикладных городских исследованиях, так и в теоретических разработках, обогащающих социологию города как отраслевую дисциплину¹.

Рассмотрим кейсы применения стратегии смешивания методов в городских и молодежных проектах.

Кейс 1. Городской мобильный квест: анализ практик геймификации городского пространства. Одним из примеров интеграции методов, дающей новые возможности для изучения социокультурных проблем города, является использование мобильных методов.

Под мобильными методами понимается «комбинирование «традиционных» методов получения исследовательской информации (преимущественно качественных и включающих в себя опросные, визуальные, экспериментальные техники) с *мобильной методикой*, при которой исследователь получает

¹ Bryman A. Integrating Quantitative and Qualitative Research: How is it Done? // Qualitative Research. – 2006. – 6 (1). – P. 97-113.

информацию последовательно, в процессе перемещений, так или иначе связанных с изучаемым объектом»¹. Их использование актуализировалось в связи с мобильным поворотом как в теории, так и практике прикладных исследований². Потребность их систематизировать представлена в одном из вариантов классификации: «интервью в движении», «исследование как фильм»/видеоэтнография, картографирование мобильности/дневники мобильности и исследование при помощи мобильных гаджетов, имеющих доступ в Интернет (смартфонов, планшетов), описанном в работе К. Глазкова и А. Стрельниковой³.

Для этого типа исследований, активно применяемых при изучении социокультурных аспектов городской среды, характерны такие сочетания методов, как интервью с поездкой вместе с респондентом; биографический метод, соотнесенный с маршрутом (биографическая прогулка); «пространственные карты памяти»; видеоэтнография/фильм-исследование (сочетание наблюдения на жизнь городского сообщества, интервью, визуальных методов, анализа текстов); картографирование (фиксация маршрутов, популярных мест, практик перемещения с помощью рисунков или геолокации, анализ текстов комментариев к ним); совмещение исследования с мобильными городскими квестами и др.

Городские квесты – один из феноменов участия молодежи в освоении городской среды. Их применение объединяет ролевую игру с использованием преимуществ новых медиа (дополненной реальности, геолокации) и мобильности, перемещений по городу. В исследовании была поставлена задача изучить практики использования мобильных приложений в городе и осуществлен анализ квеста с применением многопользовательской игры «Ingress». Для этого комбинировались такие методы, как «нэтнография (наблюдение в режиме онлайн за событиями в игровых сообществах, картографирование через визуализацию

¹ Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии / К. Глазков, А. Стрельникова // INTER. – 2015. – № 10. – С. 80-93.

² Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Феррарис. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с.

³ Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии / К. Глазков, А. Стрельникова // INTER. – 2015. – № 10. – С. 80-93.

игровой активности), полуформализованное интервью с участниками игры, а также включенное (участвующее, мобильное) наблюдение за игровыми практиками в городском пространстве, подразумевающее, в частности, «мобильное» освоение игровых практик посредством перемещений в городском пространстве (как самостоятельно, так и вместе с другими участниками игровых сообществ), и анкетный онлайн-опрос»¹. Исследовались мотивация, частота и продолжительность использования приложения, его оценка участниками, роль городского пространства, его включенность в игровой процесс, влияние игры не только на освоение городского пространства, его потенциала, но и на повседневные практики перемещения, маршруты, стандартные и нестандартные форматы передвижений в городе и пр.

Игровой и неигровой потенциал мобильных игр раскрывался через новые возможности осмысления и эмоционального освоения города участниками, наполнения его смыслами, событиями, с одной стороны, с другой – через изменение образа жизни, стиля практик социокультурного потребления, характера онлайн и офлайн взаимодействия молодежи в игровом и неигровом пространстве города. Исследование продемонстрировало новые познавательные возможности мобильных методов как одной из стратегий *mixed methods research*.

Следующие два кейса показывают особенности включения исследовательской стратегии *mixed methods research* в практики участия молодежи в развитии городской среды и совершенствование управления молодежной активностью и конкретными видами волонтерской деятельности.

*Кейс 2. Mixed methods research развития городских сообществ через искусство*². Городские культурные проекты достаточно давно включены в контекст местного управления и внедряются в развитие местных сообществ в западных странах. Некоммерческие организации, вовлекая в них творческих людей, могут отвлекать фокус общественного внимания от проблемы

¹ Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии / К. Глазков, А. Стрельникова // INTER. – 2015. – № 10. – С. 80-93.

² Spiegel J. B., Parent S. N. Re-approaching Community Development Through the Arts: A Critical Mixed Methods' Study of Social Circus in Quebec // *Community Development Journal*. – 2018. – 53 (4). – P. 600-617.

социального неравенства, перенаправляя в позитивное русло творческое самовыражение критически настроенной молодежи через продуктивное конструктивное взаимодействие с творческими горожанами. Активность в сфере городской культуры обеспечивает взаимосвязь индивидуального благополучия, социальной инклюзии и трансформирующихся социальных отношений в городском сообществе. Городское искусство для местных жителей, стремящихся к равенству, может повлиять на личностное развитие молодых горожан, одновременно способствуя формированию коллективной идентичности.

Объектом описываемого кейса являлась социальная культурная программа самодеятельного цирка в г. Квебеке. В 1995 году многомиллиардная цирковая компания *Cirque du Soleil* стала партнером неправительственной организации, чтобы запустить социальную цирковую инициативу под названием *Cirque du Monde*. Этот проект в итоге стал альтернативным способом социальной работы с неблагополучной, маргинализированной молодежью, учитывающим социокультурную специфику городов канадской провинции.

В анализируемом кейсе социологи разработали исследовательскую методологию на основе этико-эстетической парадигмы Ф. Гваттари (F. Guattari), в рамках которой самодеятельный городской цирк анализировался как искусство, как способ вовлечения молодежи в определенную, одинаковую для всех (равных) социальную и культурную среду городского пространства. Вовлечение молодых горожан в разные виды городского искусства помогает им изменить свое типичное поведение в надежде вызвать личные и коллективные изменения в ходе «микрополитических революций» (термин Ф. Гваттари), изменяющих отношения населения и городских чиновников, формирующих чувство коллективной ценности. Исследователи изучили влияние социального цирка на то, как переживается индивидуальное и коллективное благополучие. Они смогли выявить те стратегии и вызовы, с которым приходится сталкиваться всем вовлеченным в этот проект актерам при изменении природы взаимоотношений местного населения и городской власти, которая во многих городах отдалается от проблем и запросов большинства горожан.

Mixed methods методология в данном кейсе включала количественные и качественные исследования, реализованные для определения целей и выявления технологий, работающих на их достижение, а также широты и силы влияния программы социального цирка в г. Квебеке на ее участников и местные сообщества. В начале проекта было проведено анкетирование среди участников программы со всей провинции Квебек. Далее осуществлялось этнографическое исследование, включавшее в себя полуструктурированные интервью, фокус-группы, включенное наблюдение, анализ документов, информационных ресурсов организаций, реализующих данную программу. Исследователи измеряли показатели социальной интеграции и социальной вовлеченности участвующей в данной программе молодежи.

Критический качественный анализ контекстуализировал количественные данные в рамках понимания социальных последствий реализации данной программы и был осуществлен в стратегии этнографического исследования, которое авторы проводили два года. Они тесно взаимодействовали с сотрудниками социального цирка, тьюторами, участниками данной программы. Анализ развивал теорию Ф. Гваттари¹ о социальных изменениях и преобразованиях повседневной жизни через действия, выражения чувств индивидуальной и коллективной идентичности. В результате интеграции количественных и качественных данных социологи смогли выделить и критически оценить стратегии личностного роста молодых канадцев через анализ их социальной вовлеченности как участников данной программы. Качественные данные раскрыли специфику управленческого контекста реализации такой программы, а также более широкого организационного взаимодействия в городских пространствах. Проект показал, что сформированные программой сообщества творческих горожан, включающих маргинализированную молодежь, могут как развиваться в конструктивном взаимодействии с обычными горожанами, так и нести определенные риски сохранения социального расслоения в городских сообществах в культурных практиках и их восприятии населением.

¹ Guattari F., Rolnik S. *Molecular Revolution in Brazil*. – New York : Semiotext. – 2008. – 495 p.

Исследователи смогли доказать, что подобные культурные программы действительно формируют определенные паттерны поведения молодежи через развитие у вовлеченных в творческую деятельность молодых людей и девушек самоуважения, коммуникативных навыков, способностей психологической саморегуляции, улучшение физического состояния организма, постепенное формирование гражданственности и чувства солидарности с сообществом. Данный пример творческих городских проектов как социальной работы с маргинализированной молодежью показал динамический процесс ресоциализации через признание индивидуального и коллективного творческого вклада, осознание и принятие ценностей участия, дисциплинированности и ответственности.

*Кейс 3. Смешанные методы в изучении и совершенствовании управления волонтерским участием молодежи*¹. Во многих добровольческих организациях США запускаются модели клубной программы, в которых опытные волонтеры наставляют молодых добровольцев, обучают их лидерским и жизненным навыкам в ходе реализации реальных социальных проектов для локальных сообществ. Руководя клубами и образовательными мероприятиями для молодежи, обучая и наставляя других добровольцев, лучшие тим-лидеры участвуют в форумных кампаниях на уровне округов и Штатов. Во многом успех реализуемых их организациями мероприятий зависит от работы добровольцев, ее качественных характеристик, которые должны находить постоянное подкрепление в организационной системе образования и поддержки добровольцев. Данный кейс достаточно показателен в части включения исследовательской составляющей в практическую деятельность в направлении постоянного совершенствования управления молодежным волонтерством. Данные исследований не только представляют в этом случае ценность как новое научное знание о конкретном феномене социального участия, но и становятся неотъемлемой составляющей

¹ White A., Sero R., Scanga L., Cummins M. The Right Tools at the Right Time: Improving Volunteer Education and Support // Journal of Youth Development. – 2020. – 15 (4). – P. 110-144.

волонтерского менеджмента, обеспечивая качество работы сетевых волонтерских организаций в США и удовлетворенность вовлеченной в ее программы молодежи.

Полный список компетенций, которые обеспечивают успешность волонтерской деятельности в рамках государственной программы «Волонтеры на 4 часа» (4-H volunteers), включает 43 позиции. Разработана таксономия на основе волонтерских исследований и знаний (VRKC), она включает широкое сочетание необходимых молодым волонтерам навыков и умений для их успешной деятельности с учетом индивидуальных интересов каждого в личностном развитии, эффективности группового взаимодействия и успешности проектов конкретной организаций.

Национальная волонтерская организация рассматривает данный перечень как основу для обучения добровольцев по всей стране. Чтобы совершенствовать обучение и организационную поддержку добровольцев для их стимулирования и мотивации, регулярно проводятся исследования. В самом последнем проекте исследователи определили потребности волонтеров в образовании для себя и своей окружной программы, выявили трудности, с которыми сталкиваются добровольцы, конкретизировали их запрос на обучение конкретным компетенциям для достижения личностного успеха.

В основу исследовательской методологии была положена стратегия смешивания методов. К количественным методам относилось анкетирование, анкета была разработана на вышеописанной таксономии. Многомерная структуризация заявленных компетенций как показателей была проработана экспертами. На первом этапе было проведено 127 пилотных опросов в разных молодежных центрах штата Вашингтон. Протестированный опросник далее был размещен на специальной веб платформе и разослан 2524 добровольцам из 21 округа. Опрос длился 2 месяца, в нем приняли участие 441 волонтер данной сетевой национальной волонтерской организации.

В результате проекта исследователи пришли к следующим выводам: к наиболее значимым для тим-лидеров компетенциям были отнесены навыки фасилитации и привлечения к проектам организации других молодых людей, а

также родителей волонтеров. Наименее интересными с позиции самих волонтеров оказалась компетенции, связанные с такими характеристиками личности, как честность, этика, мораль, проявление сострадания и заботы.

Количественные результаты, полученные при решении заявленных исследовательских задач, позволили определить потребности волонтеров в базовых компетенциях по рекрутингу и вовлечению молодежи, руководству проектами, управлению командой и своим личным временем, овладению отдельными инструментами маркетинга и связей с общественностью. Качественные данные высветили в дополнение к результатам опроса запрос молодых волонтеров на применение мягких навыков (soft skills), определяющих качество межличностного взаимодействия, способствующих укреплению отношений в команде, развитию терпимости и гибкости. В общем итоге данного кейса компетенции, связанные с вовлечением и удержанием волонтеров в программах организации, обозначены для управления в качестве четких приоритетов совершенствования волонтерского образования в государственных молодежных организациях США.

2.2. Партиципаторные исследования с участием молодежи: методология, методика, опыт применения

Партиципаторные исследования: становление и научный статус. Партиципаторные исследования¹ все больше находят свое применение в российской исследовательской практике. Если раньше они ассоциировались только со сферой партиципативного менеджмента, то теперь их объекты и проблематика расширяются, они активнее начинают использоваться в работе с общественностью, с различными группами и сообществами, молодежными, в частности, в сфере культуры, современного искусства, в социальной работе,

¹ Термин «партиципаторный» традиционно применяется в практике исследовательской деятельности, «партиципативный» используется в сфере управления для характеристики культуры либо модели управления (Brock K., Pettit, J. Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development. – London : Warwickshire. – 2007. – 209 p.).

социальном управлении и пр. Как феномен гражданского общества, они напрямую связаны с процессами его становления и развития, являются характеристикой уровня сформированности культуры участия населения. Практика применения партисипаторных исследований начинается с середины XX века. Сформировавшись в психологии, социальной психологии (К. Lewin), они стали востребованы в тех сферах, где необходимы социальные преобразования, базирующиеся на учете мнений, позиций, реальных практик людей, заинтересованных либо активно включенных в эти преобразования¹.

Определяя статус партисипаторных исследований в социологической науке, этот феномен можно скорее соотнести с областью публичной социологии, ориентированной на выход за пределы академических ограничений в сферу публичного пространства и активного взаимодействия с обществом². В своем преобразующем акционизме эти исследования являются ее достаточно «радикальной» частью, ориентируя на общественное участие самого исследователя и включенных в исследовательский процесс как со-исследователей, представителей различных социальных групп, сообществ, заинтересованных в социальных преобразованиях и готовых к их осуществлению и на локальном, и на глобальном уровнях.

Партисипаторные исследования начали активно применяться западными учеными и исследовательскими коллективами в странах третьего мира во второй половине XX века (1960-1970 годы). Основной целью, которую они преследовали, было решение актуальных, болезненных социальных проблем в этих странах, которое зависело от адекватной оценки их причин, факторов (как объективных, так и субъективных), социокультурных особенностей их определяющих. Проблемы бедности, социальной депривации, социального и политического бесправия, ущемления прав человека, формирования культуры экономического поведения и хозяйствования, внедрения инновационных практик предпринимательства, управления и др. требовали своего анализа, который не мог

¹ Lewin K. Action Research and Minority Problems // Journal of Social Issues. – 1946. – 2 (4). – P. 34-46.

² Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. – 2005. – 1 (70). – P. 4-28.

быть осуществлен в полной мере без участия людей, которые были готовы или не готовы к преобразованиям, понимали либо не понимали, как эти преобразования изменят их существование, отразятся на уровне и качестве жизни.

Теоретико-методологическая база этих исследований была различной. В рамках марксизма актуализировалось изучение проблем социальной несправедливости, экономического и политического неравенства, колониальной и постколониальной повестки для стран третьего мира. Феминистское направление исследований актуализировало проблемы женщин, их занятости в трудовой сфере, социального сексизма, семейного насилия, равенства прав мужчин и женщин, гендерного самоопределения и пр. Теории управления легли в основу исследований организационных и управленческих проблем трудовых коллективов. Широкий спектр экологической проблематики также стал предметом изучения. Теория социальной защиты получила в этих исследованиях свою эмпирическую базу для дальнейшего развития. В этот же период возникает интерес к изучению проблем образования, исследуются вопросы качества обучения, эффективности инновационных методик в образовании, проблемы обучения через всю жизнь (lifelong learning) и пр.

Российский опыт проведения партисипаторных исследований был связан прежде всего со сферой социальной работы, социальной защиты – именно здесь исследования и социальные преобразования идут рука об руку. Этот опыт пока невелик, что обусловлено рядом ограничений: с одной стороны, устоявшимися традиционными практиками исследовательской деятельности и организационными сложностями при переходе к другой ее модели, с другой – низким уровнем и дисфункциональностью развития гражданских институтов и партисипативной культуры населения. Тем не менее, тенденция роста интереса к исследованиям такого рода постепенно формирует новый тип взаимодействия исследователя и заказчика, отношений между социологическим исследовательским сообществом, ориентированным на решение социальных проблем и обществом в целом.

Партисипаторные и традиционные исследования. Вопрос об определении понятия партисипаторного исследования до сих пор в научной литературе остается открытым. Вместе с тем, его особенности наиболее выпукло проявляются в сравнении с исследованием традиционным (таблица 6)¹.

Таблица 6

Партисипаторные и традиционные исследования: сравнительный анализ

Критерий сравнения	Партисипаторные исследования	Традиционные исследования
1	2	3
Исследование нацелено на...	Действие	Понимание, которое возможно предполагает дальнейшие действия
Для кого проводится исследование?	Для местных сообществ	Для институциональных, личных и профессиональных интересов
Чье знание принимается во внимание?	Местных сообществ	Ученых
Что влияет на выбор темы исследования?	Приоритеты местного сообщества	Приоритеты финансирующих организаций, институциональная повестка дня, профессиональные интересы
Методология выбирается для	Расширения прав и возможностей, совместного приращения знаний	Дисциплинарных конвенций, «объективности» и «истины»
Кто принимает участие на разных стадиях исследовательского процесса?		
Определение проблемы	Местное сообщество	Исследователь
Сбор данных	Местное сообщество	Исследователь
Интерпретация	Как местное сообщество видит и концептуализирует ситуацию	Как ситуация концептуализируется в рамках научной дисциплины
Анализ	Местное сообщество	Исследователь
Презентация открытий в рамках проекта	Доступна и полезна для местных сообществ	Делается исследователем для академического сообщества или грантодателя

¹ Cornwall A., Jewkes R. What is the Participatory Research? // Social Science and Medicine. – 1995. – 41 (12). – P. 16-29.

Продолжение таблицы 6

1	2	3
Действия, предпринимаемые по результатам исследования	Интеграция изменений в жизнь местного сообщества	Отделены от местного сообщества, могут так и не последовать
Кто внедряет изменения?	Местное сообщество с/без внешней поддержки	Внешние организации
Кому принадлежат результаты?	Исследователю и местным сообществам	Только исследователю
Что акцентируется в рамках проекта	Текущие процессы	Выводы

Основными характеристиками партисипаторных исследований могут быть названы: непосредственное участие представителей социальных сообществ в исследовании в качестве со-исследователей (уровень участия как правило имеет несколько градаций); целевой установкой всех участников исследования является практическое преобразование социального объекта/процесса, связанное с решением той актуальной социальной проблемы, изучению которой посвящено исследование; реализация образовательной функции в отношении со-исследователей, получение ими новых знаний, компетенций, которые позволяют не только по-новому увидеть суть проблемы, пути ее решения, но и осознать свое место и роль в этом процессе; формирование культуры участия у всех соисполнителей проекта, повышение их социальной, гражданской активности, ориентации на социальные изменения.

Концептуализация проблемы участия дискуссионна и в понимании роли соисполнителей в исследовании. Методически и организационно ее решение также является непростым, поскольку статус «участника» до конца не определен. Вместе с тем, в литературе выделяются формы участия, в которых описано распределение ролей между исследователем и соучастниками проекта:

- договорный вид исследования предполагает достижение предварительного согласия между всеми участниками проекта о добровольном инициативном и полноценном участии во всех

исследовательских процедурах, связанных со сбором информации, предлагаемых исследовательской группой;

- консультативный вид исследования ориентирован еще и на получение обратной связи с сообществом в виде серии консультаций с людьми перед и в процессе внедрения социальных изменений, которые стали результатом и итоговыми рекомендациями исследования;
- коллаборативный вид исследований представляет собой совместную работу исследовательской группы, в которую входят и представители сообщества, участвуя в сборе информации и ее интерпретации в ходе проводимых исследователем коллоквиумов, дискуссий, круглых столов, презентаций результатов промежуточных этапов. Методология разрабатывается исследователем, он же и осуществляет управление проектом;
- коллегиальный вид исследования предполагает совместную работу исследователя и со-исследователей – представителей местных сообществ. Они выступают в роли коллег, несмотря на то что обладают принципиально разными компетенциями для реализации исследовательского процесса. Соисполнители не только участвуют в сборе данных, но и контролируют весь ход исследования, включая разработку рекомендаций и внедрение проекта¹.

Методическая стратегия исследования. Партисипаторные исследования, несмотря на свою методологическую плюралистичность, на уровне методики тяготеют в большей степени к модели качественных методических стратегий². В организации научного поиска исследований этого типа как правило реализуется комплекс требований интерпретативной социологии. При гибком сочетании различных методов мягкого формата сбор и анализ данных осуществляются на

¹ Cornwall A., Jewkes R. What is the Participatory Research? // Social Science and Medicine. – 1995. – 41 (12). – P. 16-29.

² Camic C., Joas H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. – Maryland : Rowman & Littlefield. – 2003. – 328 p.

протяжении всего исследования, а возникающие при этом эмпирические обобщения позволяют формулировать мини-теории¹.

Партисипаторные исследования могут быть охарактеризованы как разновидность качественной методической стратегии, имеющей свои особенности. Кроме основных принципов качественного исследования, таких как субъект-субъектный тип взаимодействия исследователя и исследуемого; контекстуальность исследовательского подхода (ориентация на максимально возможный учет социального контекста объекта исследования); открытость для постоянного притока новых фактов (данных); интерпретативность процесса анализа данных, для партисипаторных исследований характерна еще и выраженная социальная ориентированность и соучастие местных сообществ в исследовательском процессе. Этот методический подход предполагает, что исследование должно осуществляться совместно «с» людьми, а не «на» людях, и во многом даже не «для» людей, во имя их благополучия, а самим людьми для самих себя². Получение результатов в партисипаторном исследовании нацелено прежде всего на конкретные изменения ситуаций, которые зависят от участников процесса, а их участие является инструментом самопреобразования личности, группы, сообщества, системы самоуправления сообществом или организаций и даже управления более крупной социальной структурой. В ходе исследовательского процесса важна коллективная деятельность участников, которая провоцирует их на самоорганизацию и саморегуляцию не только в ходе исследования, но и на этапе преобразования социальных объектов и процессов.

Партисипаторные исследования имеют ряд особенностей, которые являются необходимым условием их реализации. Прежде всего, это самоидентификация сообщества как общности людей, объединенных общей проблемой, которая требует своего решения; наличие у представителей сообщества сформированных элементов культуры участия; наличие институциональной среды, которая

¹ Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях / Г. Г. Татарова. – Москва : Новый учебник, 2004. – 247 с.

² Brock K., Pettit J. Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development. – London : Warwickshire. – 2007. – 209 p.

позволит создать объективные условия для необходимых изменений; определенный уровень доверия участников социальным институтам, ответственным за предполагаемые изменения с целью решения проблемы; сформированная потребность в изменениях и уверенность людей в своих способностях к преобразованиям, невзирая на существующие институциональные и организационные барьеры.

Масштабы социальных преобразований с помощью партисипаторных исследований могут быть различными и диапазон этих различий достаточно широк: от изменений конкретных практик локальных социокультурных сообществ, сетевых территориальных связей и взаимодействий, их смыслов, ценностей, представлений о нормах до решения глобальных проблем, касающихся культуры, экономической жизни, демократического диалога, разработки стратегий социальных преобразований макро-уровня¹.

Партисипаторные исследования и академическая наука. Проблема отношения партисипаторных исследований с академической наукой вскрывает основные противоречия данного феномена, обозначая его сущностные характеристики. Одна из концепций партисипаторных исследований соотносит их с академической наукой и ее базовыми требованиями к получению научного знания. В них, как и в любом научном исследовании, разрабатывается методология, определяются процедуры верификации концептуальных положений и получаемых данных, осуществляется их контроль, эмпирическая проверка гипотез и т.д. В контексте другой концепции партисипаторных исследований заявлено дистанцирование и от академической науки, и от партисипативных стратегий корпоративного управления. На уровне теории и практики партисипативные исследования вступают в конфронтацию с академическими стратегиями исследовательского поиска, их стандартами и стереотипами описания и объяснения социальных феноменов. Партисипаторные исследования опровергают академические конструкции и интерпретации исторического

¹ Hickey S., Mohan G. Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation in Development. – London : Zed Books. – 2005. – 268 p.

прошлого и повседневности настоящего, осуществляют критику эффективности больших теорий и принятых в науке методов исследования, отдавая предпочтение «живому» знанию¹.

Еще одна проблема, обозначающая противостояние партисипаторных исследований и академической науки – привлечение соисполнителей/участников к реализации исследовательской деятельности. Их социальная ангажированность, практическая заинтересованность проблематикой исследования, по мнению экспертного сообщества, приводит нарушению принципа безоценочности, ценностной нейтральности при получении новых научных данных, а следовательно, и проблематичности достижения объективного знания. Вместе с тем, в этнографических исследованиях, реализованных в рамках микросоциологии и социальной антропологии, эта проблема преодолена разработкой модели качественной методической стратегии. Обращение к ней при использовании качественных методов сбора информации нивелирует эти особенности. Если же речь идет о применении количественных методов (опросных или неопросных), то проблема снимается самой спецификой количественной стратегии и следованием ее методическим требованиям. Накопленный опыт смешивания методов позволяет говорить еще об одной стратегии, методические возможности которой могут быть использованы в партисипаторных исследованиях².

У каждой стратегии есть свои преимущества и ограничения, свои методические стандарты, учет которых дает необходимый теоретический и практический результат. При этом важно отметить, что партисипаторные исследования не претендуют на академизм в своих целях и задачах, в этом их ограничения, но в этом заключается и специфика их статуса. Используя возможности академической науки, они решают иные проблемы, задействуя свои преимущества.

¹ Reason P., Bradbury H. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. – London : Open University Press. – 2008. – 720 p.

² Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О. Б. Савинская, А. Г. Истомина, Т. Ю. Ларкина, К. Д. Круглова // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 21-29.

Преимущества партисипаторных исследований заключаются в ряде отличительных черт и характеристик. Их проблематика определена потребностями местных сообществ, проблемы которых являются латентными, существует вне поля социального внимания и публичного дискурса. Социальная роль исследований заключается в предоставлении слова группам, относящимся к разряду невидимых. Это, как правило, представители социального «дна», социально депривированные сообщества, люди, принадлежащие к меньшинствам разного рода, чьи проблемы в институциональном поле не признаны как значимые, игнорируются общественным мнением, не получили статуса публичности.

Альтернативность подходов к организации исследования как интеграции исследователей и представителей местных сообществ создают условия для получения новой информации, адекватной решаемым проблемам. Так, участники/со-исследователи дают возможность получить глубокую информацию для реализации прикладных задач, они расширяют исследовательское поле своей рефлексией проблемной ситуации, уровнем включенности, погруженности в нее. Их роль в диагностике проблемы, выработке рекомендаций, формулировке выводов, определении путей решения проблемы, адекватности сделанных рекомендаций ситуации и ее социальному контексту усиливает релевантность результатов исследования.

Значимое преимущество партисипаторных исследований заключается в возможностях коллективного самоэкспериментирования, которое может быть как вполне «демократическим», самодостаточным, так и опираться на академический потенциал экспертных сообществ. Партнерское взаимодействие в ходе исследования обеспечивает совместность и относительное равноправие в распределении ресурсов, власти. Это происходит на любом этапе исследования: при выявлении проблемы, определении ее глубины, значимости, актуальности; концептуализации исследовательского поля; разработке дизайна исследовательского проекта и его методической стратегии; выборе соучастников, соисследователей; сбора и интерпретации данных в ходе всего

исследовательского процесса; конструировании результатов; реализации рекомендаций проекта.

Социальная эффективность партисипаторных исследований заключается в формировании элементов гражданской культуры, культуры участия локальных социумов и общества в целом. Ориентация партисипаторных исследований на достижение общественного блага, их обращение к социальной проблематике, в которой заинтересованы сами участники исследовательских проектов, напрямую влияет на разработку методики исследования и выбор методов сбора и анализа информации.

Виды методов сбора информации в партисипаторных исследованиях и особенности их применения. Особенностью партисипаторных исследований является то, что они допускают использование всего разнообразия исследовательских методик и методов сбора и анализа данных: традиционных количественных и качественных методов, а также их модификаций в соответствии со спецификой исследовательской ситуации и особенностями участников/со-исполнителей. Доминируют, как правило, мягкие методы: биографические (реализуемые в стратегии oral history, life history, других этнографических исследованиях), интервью мягкого формата: свободные, нарративные, лейтмотивные, дневниковые интервью, фокус-группы и пр. Применяются игровые методики с использованием широкого спектра деловых игр, мульти-дискуссий, проективных методик игрового типа, смоделированных для сбора информации, конкурсов, театральных постановок, арт-экшн и пр.

Особое место в разработке методики занимают визуальные методы, используемые в арсенале визуальной антропологии, визуальной социологии, психологии. Биографическая фотография, использование визуальных медиа, фотографирование и видеосъемка как субъективная интерпретация социальной ситуации, театрализация проблемы, а затем их трансформация в виде проектов участников исследования, таких как фотовыставка, кинозарисовка, видеоконтент, коллаж, рисунок, театральная постановка, музыкальный микс, которые становятся

базовым контентом для организации дискуссии и коллективного анализа проблемы.

Особое значение приобретает проблема выбора, сочетания и использования методов сбора информации. Методы выбираются в соответствии с самой концепцией участия, распределением ролей между исследователем и участником. Они призваны не только выполнять основные функции, но и нести дополнительную нагрузку – быть адекватными самим участникам, их способностям, исследовательским возможностям и навыкам. Они выполняют образовательную функцию, раскрывая коммуникативный потенциал соисполнителя, с их помощью формируются исследовательские компетенции.

Кроме традиционных социологических методов сбора информации в партисипаторных исследованиях используются и специфические «преобразующие» методы, в которых распределение ролей исследователей и со-исследователей/участников осуществлено с иных позиций, характерных для этого типа методической стратегии¹.

В них исследовательская функция интегрирована в социально-преобразующую как доминантную. Выступая инструментом социологического исследования, они становятся фактором изменения рутинных поведенческих практик, стандартов восприятия социальной ситуации, средством трансформации нормативного регулирования локального социума и способом воздействия на общественное мнение. Исследовательские цели и методические приемы находятся в симбиотической связи с различными видами социальной активности, гражданского участия, что в итоге не только обогащает обе стороны, но и приводит к возможности более адекватного и грамотного влияния на управленческие решения, которые становятся ответной реакцией на партисипаторное исследование как общественно значимый процесс.

Специфические методы сбора информации в партисипаторных исследованиях. Визуальные методы в партисипаторных исследованиях занимают

¹ Wang C., Burris M. A. Photovoice: Concept, Methodology and Use for Participatory Needs Assessment // Health Education & Behavior. – 1997. – 24 (3). – P. 369-387.

особое место. К достаточно распространенным нужно отнести Participatory Video (PV). Первые опыты использования метода относят к концу 60-х годов прошлого столетия, обобщение опыта об использовании PV было впервые сделано Клайвом Робертсоном (C. Robertson) и Джеки Шоу (D. Shaw) в 1997 году. В настоящее время метод основан на применении цифровых технологий. В отличие от традиционного кинопроизводства он представляет собой интерактивный групповой процесс создания видео-продукта, в котором заинтересовано локальное сообщество. Видео является не только способом интерпретации мира вокруг себя, моделирования личных и групповых историй, но и средством групповой саморефлексии, анализа совместного опыта, фактором определения и переопределения ситуации, которую нужно изменить на основе вновь полученного знания, используя для этого необходимые и достаточные средства и ресурсы.

В исследовательском процессе создание видеопродукции служит не только средством сбора информации (данных качественного формата), но и рабочим инструментом для организации обсуждений наиболее актуальных проблем, используется в качестве фокуса для групповых дискуссий. Видеосъемка является необходимым условием для установления отношений сотрудничества, организации и активизации групповых взаимодействий, мотивирования к участию, расширения круга участников, эффективной коммуникации с сообществом и пр.

Тип исследовательской проблемы, особенности сообщества как ее носителя во многом определяют характер использования PV. На начальных этапах его применения реализуется разведывательная функция исследования, здесь видео нужно для определения проблемы, ее предварительного анализа. На этом этапе происходит и процесс освоения участниками технологии видеосъемки, становление внутригрупповых связей, формирование отношений сотрудничества, элементов групповой солидарности, межличностного и группового доверия. Осуществляется работа с со-исследователями по постановке исследовательских целей и задач, решению организационных вопросов, адаптации соисполнителей к

исследовательскому процессу, формированию у них мотивации и повышению уверенности в своих возможностях.

В последующем PV используется участниками для изучения реальности, сбора информации, ее осмысления, интерпретации в ходе групповых дискуссий и групповой саморефлексии, а также для инициирования диалога с представителями власти разного уровня.

Digital Storytelling (DST) – цифровое повествование, метод, нашедший свое применение к середине 90-х годов XX века. Он базируется на использовании цифровых технологий, позволяет представителям сообщества визуализировать историю, визуально представить актуальную проблему, идею. Для соисследователей – это возможность повлиять на изменение социальной ситуации. В методическом плане цифровой сторителлинг достаточно эффективно работает на задачи сбора качественной информации и оценки ее надежности.

Цифровой сторителлинг интегрирует комплекс технологий фото, аудио, кино, мультипликации для создания и презентации цифрового видео-продукта, как правило сделанного лаконично, продолжительностью в несколько минут. Участники исследовательского проекта создают серии цифровых историй, самостоятельно выбирая предмет, способ, форму высказывания. Проект призван наглядно изобразить проблемы их сообщества или личную историю и выступить средством самоконструирования в процессе повествования.

Цифровой сторителлинг – это часть современной реальности, он окружает нас повсюду, присутствуя в рекламе, кино, на YouTube, в социальных сетях и пр. Применяемый в исследовательских целях, он служит активизации исследовательского процесса для соучастников, давая при этом возможность получить интересную информацию, отражающую многослойность человеческих отношений и переживаний по поводу жизненно важных проблем.

Использование метода цифрового повествования – это доступная исследовательская технология, которую могут использовать неспециалисты, она не требует профессионального оборудования, специальных навыков, проста в

освоении и реализации, экономически выгодна. Она, как правило, вызывает интерес у участников, дает возможность им раскрыть свои творческие способности и при этом оказаться полезной в решении значимых лично для них и для сообщества проблем.

Photovoice (фото-голос) – качественный метод сбора информации, разработанный в 1992 году исследователями С. Ванг (C. Wang) и М. Баррис (M. Burris), получил распространение в сфере социальной защиты, здравоохранения, образования. Он сочетает фотографию и элементы социального участия. Фото-голос – это голос участника, визуализирующего часть своей реальности, повседневные практики, те проблемы, с которыми он сталкивается, свою позицию и точку зрения на эти проблемы. Участник – это любой человек все зависимости от социально-демографических характеристик, но чаще всего – это человек, подвергающийся дискриминации по признаку пола, языка, расы, класса, инвалидности, этнических признаков, наличия определенных заболеваний и др.

Фото-голос является элементом исследовательского процесса и служит средством актуализации проблемы в общественном сознании. В ходе исследования полученные фото-истории обсуждаются, комментируются, интерпретируются участниками. Рефлексивный процесс с ними связанный обеспечивает реализацию группового самопознания. Фотоистории становятся инструментом самопрезентации сообщества и его проблем социальному окружению, обеспечивая диалог с общественностью, они могут явиться основой разработки социальных проектов, ориентированных на их решение, а также способствовать развитию благотворительности.

Данный метод используется автономно или применяется в сочетании с другими методами на разных этапах исследования. На начальных стадиях он необходим для постановки проблемы, получения предварительной информации об объекте. В рамках качественной стратегии исследования он дает возможность сбора информации для комплексного и многоаспектного изучения проблемной ситуации. Получаемые с его помощью визуальные данные позволяют анализировать проблемы личности и группы, взаимоотношений между ними,

элементы культуры, социального окружения, среды обитания/проживания. Визуальные данные служат дополнением к опросным методам, методам наблюдения, анализа документов и др.

Комплекс проблем, которые решает исследователь при использовании визуальных методов связан с разработкой методической стратегии, организацией участников исследовательского процесса, их адаптацией и обучением, реализацией сбора информации и контроля за этим процессом, а также организации анализа визуальных данных. Здесь используются разнообразные методологические и методические приемы, позволяющие выявить структуру видеоряда, мотивацию его создателя, способы его самоописания и самопрезентации, типологизацию образов и пр.

К игровым методам, активно используемым в партисипаторных исследованиях, можно отнести Theatre for Development (TFD). Специфика TFD заключается в возможности творческого самовыражения для участников исследовательского проекта. Оно проявляется через создание собственных историй и их разыгрывание в перформансах, театральных постановках, выстроенных на основе нарратива участника с полноценным использованием его собственного языка, речевых оборотов и способов высказывания. Будучи разновидностью интерактивного театра, он существует как репетиция реальности. Уровень участия в театральном действии различен от пассивного восприятия спектакля по мотивам нарратива до непосредственного импровизационного включения в действие на сцене. При этом аудитория активно реагирует на «спектакль», зрители могут выйти на сцену, заменить главного героя, вмешаться в происходящее, тем самым дать возможность глубже осознать исследуемую проблему. Став частью сцены, участники погружаются в воспроизводимую ситуацию, размышляют о том, как можно ее изменить, предлагают альтернативные способы решения проблем.

TFD выполняет комплекс функций – коммуникативную, рефлексивную, интегративную, проективную, терапевтическую. Целью исследовательских проектов, с использованием TFD как инструмента участия является привлечение

членов сообщества к диалогу, выявление и анализ их потребностей и проблем, планирование коллективных действий. В целом метод адаптирован к интересам и возможностям местных сообществ.

Визуальные и игровые методы активно используются для исследования молодежи, поскольку соотносимы с ее интересами, потребностями, возможностями. Потенциал визуального сообщения, смысл театрального действия легко считываются молодежной аудиторией. Они вводят новое эстетическое измерение в процесс производства информации и работы молодежи с ней. Мотивируя молодых людей на участие в исследовании, они облегчают коммуникацию с молодежным сообществом, упрощают как групповое взаимодействие, так и доведение результатов исследования до широкой молодежной аудитории.

Еще один метод Reality Check Approach (RCA) предполагает расширение роли исследователя и совмещение его научной деятельности с активным преобразующим участием в жизни сообщества. Reality Check Approach – разновидность лонгитюдного исследования с элементами участия экспертных сообществ и реализации проектной деятельности. Начиная с 2000-х годов, метод активно распространяется, получая международное признание. Он является комплексным, предполагает использование включенного наблюдения исследователя за повседневной жизнью сообщества (экспертного мониторинга), рефлексии и самооценки сообществом проблем, с которыми оно сталкивается, а также процесса обучения членов сообщества новым практикам хозяйствования, сохранения здоровья, окружающей среды, избавления от вредных привычек и пр. Reality Check Approach требует в ходе включенного наблюдения обязательного «погружения» эксперта-исследователя в жизнь сообщества (например, в жизнь домохозяйства с постоянным совместным проживанием с участниками проекта), осознания на практике тех трудностей и проблем, с которыми сталкиваются люди.

Тесное взаимодействие в процессе включенного наблюдения, глубинные интервью с участниками проекта, их обучение различным способам решения их

проблем (например, связанных с потерей работы, бедностью, ухудшением здоровья и бытовых условий, организацией хозяйственной деятельности, предпринимательством и пр.) дают возможность исследователю осуществить глубокий анализ ситуации. Попадание в приватное пространство соучастника исследования позволяет выявить субъективные факторы, обуславливающие ее возникновение. Последующий совместный анализ ситуации, выбор путей решения проблемы, актуализирует необходимость использования институциональных механизмов общественных организаций, занимающихся социальной работой, потенциала социальной защиты.

Метод работает на исследовательские задачи, связанные с выявлением специфических социальных групп, небольших, труднодоступных для изучения, но являющихся типичными представителями, которые сталкиваются с определенным кругом социальных проблем, не всегда доступных для исследования. Для их изучения используются качественные методы исследования, в частности такие как Reality Check Approach.

Партисипаторные исследования с участием молодежи (Youth Participatory Action Research (YPAR) за последние два десятилетия стали активно реализуемой и социально значимой исследовательской методологией, и практикой. Это объясняется рядом причин, в основном связанных с привлечением и участием различных групп молодежи в решении ключевых социальных проблем в обществе. Актуализация YPAR является ответом на социальную несправедливость, с которой сталкивается молодежь в сфере образования и трудоустройства, организации здравоохранения и спорта, досуговой деятельности и культурного потребления, миграционных процессов, распределения гендерных ролей и т.д.

Далее мы постараемся на материале конкретных кейсов рассмотреть возможности применения партисипаторных исследований с участием молодежи (YPAR).

Кейсы партисипаторных исследований с участием молодежи. Кейс 1. Использование партисипаторных исследований в музейной практике.

Партиципаторные исследования – это неотъемлемая часть реализуемых в музейной практике партисипативных проектов. Их недостаточная представленность в современном российском исследовательском поле связана с ограниченностью опыта реализации самих партисипативных проектов в социокультурной сфере, прежде всего, в музейной деятельности, где эта тенденция в последнее время только набирает силу.

Концепция партисипативного музея находится в процессе становления. Среди ключевых ее исследований на западе – работы Н. Саймон (N. Simon)¹, К. Маклин (K. McLean) и В. Поллок (W. Pollock)², а в России – Д. Агаповой³. В связи с новизной данного музейного направления необходимо остановиться на понятиях, используемых в теоретическом дискурсе. По мнению Н. Саймон, основоположницы направления «MuseumNext», participatory museum – место, где посетители могут создавать, делиться и взаимодействовать друг с другом вокруг какого-то контента⁴. Речь идет о принципиальной смене миссии, ценностей музея, признающего современные истории, артефакты, мнения посетителей не менее значимыми, чем то, что хранится в фондах и имеет статус культурного наследия. Развитие культуры участия – это не только выход на новое качество музейного продукта, но и возможность реализации исследовательской деятельности в этой сфере с привлечением широкого круга общественности⁵.

Многие западные музеи уже успешно реализуют проекты, используя возможности научного краудсорсинга:

- в оценке и фильтрации музейных коллекций, в том числе отборе артефактов для выставок (Бруклинский музей, проект «Click! A Crowd-Curated Exhibition», 2008)⁶;

¹ Simon N. The Participatory Museum. – Santa-Cruz, CA : Museum 2.0. – 2010. – 328 p.

² McLean K., Pollock W. The Convivial Museum. – Washington : Association of Science-Technology Centers. – 2010. – 200 p.

³ Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов / Д. Агапова // Музей как пространство образования. – 2012. – С. 55-62.

⁴ Simon N. The Participatory Museum. – Santa-Cruz, CA : Museum 2.0. – 2010. – 328 p.

⁵ Приция Р. Партиципативное управление / Р. Приция. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2001. – 384 с.

⁶ Click! A Crowd-Curated Exhibition / Brooklyn Museum. – URL: <http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/> (дата обращения: 13.07.2020).

- в создании структуры и наполнении постоянной экспозиции (Minnesota History Center, проект «MN150», 2007)¹;

- в решении научных задач, создавая и используя краудсорсинговые инструменты для оцифровки, корректировки и анализа исторических карт (Публичная библиотека Нью-Йорка, проект «Building Inspector», 2014)².

На музейной же карте России аналогичные проекты пока единичны, тем более неизвестен научный краудсорсинг, при котором широкая аудитория включалась бы в создание музея или музейной выставки. Мы рассмотрим опыт реализации партисипаторных исследований в рамках музейного проекта партисипативного типа «Искусство путешествий», осуществленного в Екатеринбурге.

«Искусство путешествий» (победитель конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина, реализован Свердловским областным краеведческим музеем в 2013-2014 годах) предполагал создание выставки с аналогичным названием на основе идей, мнений, историй и артефактов уральских путешественников разных поколений, которые были объединены идеей создания площадки для коммуникации, творческих обменов, диалога, формирующего культуру путешествия, и рассматривали выставку как одно из средств ее реализации. Исследования с непосредственным участием молодежи были неотъемлемой частью проекта и осуществлялись по принципу совместного (коллаборативного) взаимодействия социолога и со-исследователей на всех этапах его реализации – от определения целевой аудитории и выявления ее потребностей до оценки эффективности проекта. Задачей исследований было помочь создать коммуникативное пространство, найдя язык общения между разными социальными группами людей, включенными в практику путешествий.

В поле исследовательской деятельности оказались включенными до двух тысяч человек, реализующих свою активность в разных формах и на разных этапах реализации проекта:

¹ State Fairs and Visitor Co-Creation / Museum 2.0. – URL: <http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html> (дата обращения: 13.07.2020).

² What's this all about? / Building Inspector. – URL: <http://buildinginspector.nypl.org/general/about> (дата обращения: 13.07.2020).

I этап (предпроектный). Разработка и тестирование общей идеи проекта с использованием методов экспертного фокусирования, свободного интервью, мозгового штурма, анализа информации круглых столов и отзывов в социальных сетях. Объектом исследования выступали экспертные сообщества, ключевые информанты – путешественники (профессионалы и любители, принадлежащие к разным сегментам целевой аудитории), потенциальные посетители выставки, готовые принять участие в проекте.

II этап (исследования в ходе реализации проекта). Разработка элементов проекта (структуры и наполнения экспозиции, дизайна выставочного пространства, концепции отдельных залов, тестирование и фильтрация экспонатов и пр.) с использованием методов мозгового штурма, фокус-групп, свободного интервью, ассоциативных методик. Объектом выступали эксперты, представители музейного сообщества, дизайнеры выставочного пространства, потенциальные посетители выставки.

III этап (постпроектный). Анализ эффективности реализации проекта через выявление отношения посетителей к выставке «Искусство путешествий» с использованием массового опроса методом формализованного интервью, дневниковых интервью, изучения отзывов посетителей на сайте проекта традиционным методом анализа содержания. Объектом исследования стали посетители выставки (объем выборки 375 чел., из них 65 % – молодежь до 30 лет; систематический тип отбора, при $N=6855$, ошибка выборки 5 %, коэффициент доверия 0,95), типичные представители целевой аудитории, с которыми проводилось дневниковое интервью, фиксирующее полученные ими впечатления от выставки и позволяющее оценить ее коммуникативный эффект.

Если перечисленные выше методические процедуры производились с непосредственным участием со-исследователей и были под контролем социолога, то инструментами исследования, реализованными полностью со-исследователями, стали:

- встречи в музее с известными путешественниками, представившими на выставку свои экспонаты и истории (исследовательская задача здесь

предполагала косвенным образом осуществить анализ мотивации участия, тестирование концепции проекта);

- онлайн голосование, посвященное выбору экспонатов для предстоящей выставки (тестирование элементов проекта);
- коллективные виртуальные выставки фотографий посетителей (анализ потребностно-мотивационной сферы путешествия и форм самопрезентации путешественников);
- авторские экскурсии, состоящие из персональных историй, вдохновленных экспонатами музея (анализ конкретных практик и потребностно-мотивационной сферы путешествия);
- игры типа «Дополни экспозицию своими экспонатами» (сувенирами, фотографиями, текстами), виртуальные аукционы экспонатов; фото-кроссинг – возможность обменять свою туристскую фотографию на историческую и т.д. (анализ активности участия, уровня понимания концепции выставки).

Кроме того, с целью получения адекватной обратной связи волонтерами постоянно отслеживались количественные параметры коммуникативной «участвующей» деятельности посетителей: сайт-статистика, работа посетителей с интерактивными объектами (картами, личными историями, фотографиями и др.), музейными объектами, включенными в игровое поле выставочного пространства, общая статистика посетителей и т.д.

В итоге стало понятно, что формирование культуры участия посетителей – это актуальная задача музейных сообществ, и практика взаимодействия с партисипативными выставочными проектами является серьезным подспорьем в ее решении. В рамках данного конкретного проекта была сделана достаточно успешная попытка включиться в процесс формирования культуры участия посетителей музея, давая им возможность осваивать новые формы коммуникации, выходить за границы принятой социальной роли зрителя, взаимодействовать с выставочными объектами, участниками выставочного процесса, творческой группой, соучаствовать в создании и модификации выставки. Практическая

деятельность со-исследователей стала одним из факторов и показателем уровня сформированности партисипативной культуры всех участников, включая самих социологов.

Кейс 2. Партисипаторные исследования в сфере школьного образования. Изучение проблем школьного образования проводилось исследовательской группой Мичиганского университета в 2016 году с применением методологии партисипаторных исследований, реализуемых с участием молодежи¹. В его основу легло предложение о том, что взрослые (прежде всего представители образовательного менеджмента) игнорируют мнения учащихся, особенно когда речь заходит о разработке и реализации политики, направленной на улучшение организации работы городских школ, решение проблем социального неравенства, возникающих в образовании. В лучшем случае учитываются позиции доминирующих групп школьников, но не маргинализированных школьных сообществ. Эта проблематика стала объектом исследования. Его основным кейсом был школьный округ, который обслуживал преимущественно малообеспеченных и/или цветных молодых людей и столкнулся в старшей школе с резким снижением числа учащихся, поскольку семьи стали отправлять своих детей в соседние средние школы.

Проведенное исследование стало одним из примеров того, как реформаторы (правительственные учреждения, благотворительные фонды, педагоги, исследователи и т.д.) смогли поставить мнения молодежи в центр дискуссии о реформировании муниципальных школ. Конечной целью исследования была разработка общего видения проблемы и конкретного плана действий для местного сообщества по созданию более эффективной и справедливой системы обучения в муниципальных школах города, которая способна принести ощутимую пользу учащимся в построении их дальнейшей карьеры. В ходе исследования была использована методология качественных партисипаторных исследований (Youth Participatory Action Research (YPAR)).

¹ Warren C. A., Marciano J. E. Activating Student Voice Through Youth Participatory Action Research // International Journal of Qualitative Studies in Education. – 2018. – 31. – P. 684-707.

В качестве со-исследователей была приглашена молодежь старшего школьного возраста из нескольких государственных и частных средних учебных заведений региона. В ходе исследования решались четыре взаимосвязанных задачи:

- 1) лучше понять взгляды молодежи на неравенство в образовании и разработать рекомендации для решения проблем расовой несправедливости;
- 2) помочь повысить квалификацию молодых со-исследователей в реализации YPAR;
- 3) обучить молодых коллег-исследователей распознавать проблемы школьного обучения через взаимодействие с местными сообществами;
- 4) содействовать образовательной реформе, отражающей цели, интересы и перспективы молодежи.

Исследование было реализовано в два этапа. На первом проходило вовлечение молодежи в исследовательский процесс. Для этого использовались следующие методы:

- интервью и фокус-группы применялись для того, чтобы собрать мнения молодежи о школе, путях ее совершенствования, о школьных проблемах, а также об отношении к исследованию;
- наблюдение использовалось для документирования моделей поведения и уровня вовлеченности молодежи в исследовательский процесс, для анализа проблем, возникающих у молодежи при разработке различных аспектов исследовательского дизайна, сборе данных, их анализе и отчетности;
- анализ документов и артефактов, свидетельствующих об уровне исследовательской компетентности молодых со-исследователей. Эти материалы давали понимание того уровня поддержки, который необходим молодым со-исследователям.

На втором уровне было осуществлено более широкое феноменологическое исследование. Для этого был проведен комплекс мероприятий для выявления и документирования взглядов молодежи на справедливость в образовании и жизнь

в городе в целом. Кроме того, молодежь приняла участие в серии семинаров, призванных облегчить приобретение качественных исследовательских навыков.

Данное исследование было частью более масштабного проекта и его результаты позволили сформулировать ряд рекомендаций. Наиболее значительная рекомендация по результатам исследования была сосредоточена на предоставлении гранта в размере 51 млн. долл. США государственным школам в течение следующих пяти лет. Грант был запрошен для преодоления расовых и экономических различий в одном из крупнейших школьных округов города. Деньги гранта были предназначены для организации летней школы, комплекса стимулов для учителей, развития сотрудничества между четырьмя школьными округами, составляющими центральную городскую агломерацию. Кроме этого, в ходе реализации мероприятий в рамках гранта в каждом округе был разработан протокол о равноправии, обеспечивающий молодым людям с низким уровнем дохода и/или цветным молодым людям поддержку, необходимую для обеспечения их академической успешности, созваны совместные заседания совета директоров школ для решения наиболее актуальных проблем, с которыми сталкиваются эти группы школьников и т.п.

И, что особенно важно в исследованиях такого типа, был организован симпозиум. Этот общественный форум сделал выводы о сотрудничестве молодых людей с исследовательской группой университета доступными для широкого круга заинтересованных сторон. Симпозиум усилил голоса молодежи (и результаты исследований) для широкой аудитории. Подтверждение эмпирических знаний молодежи и активизация их голоса через YPAR стали фактором, который в наибольшей степени способствовал распространению информации о проблемах в средних школах муниципалитета. Голоса молодых соавторов стали звучать на информационных платформах, которые раньше им были не доступны.

Кейс 3. Партисипаторные исследования проблем культурной трансформации молодежи в условиях нелегальной миграции. Следующий кейс посвящен анализу

проблем нелегальной молодежной миграции в Италии¹. Это исследование было частью серии проектов, связанных с нелегальной миграцией румынских цыган, прежде всего, молодых людей, вовлеченных в уличную «работу» (попрошайничество, музицирование, мелкие преступления). В проектах использовался исследовательский подход, основанный на уличной и институциональной этнографии, биографических интервью, совместных с молодежью исследованиях и групповой работе с социальными службами. Его проводила команда Codici Research and Intervention.

Положение румынских мигрантов характеризуется крайней нестабильностью: работа без документов, ненадежные жилищные условия – от заброшенных зданий, палаток или лачуг до разрешенных лагерей и социального жилья или съемных квартир. Молодые цыгане, приезжающие в Италию, вовлекаются, особенно вначале, в уличную «работу» вместе со всеми остальными членами семьи. Однако при поддержке волонтерских организаций и социальных служб они, как правило, постепенно адаптируются через школьное образование и программы трудоустройства к новому культурному опыту. Таким образом, миграция приносит много изменений в жизнь молодых людей, и с их участием в несегрегированной школьной и производственной среде разрыв между поколениями увеличивается.

В этом контексте коллегиальное исследование было предназначено для решения следующих задач: получения более глубоких знаний о значении, которое молодые румынские цыгане придают своему миграционному и адаптационному опыту; развития и расширения для них социальных прав и возможностей на основе использования ими новых средства самовыражения, полученных в контексте совместного социального исследования. В исследовании участвовали семь молодых людей в возрасте 15-18 лет в сопровождении трех фасилитаторов с разным опытом (социальные исследования, образовательная деятельность, фотография) и двух студентов бакалавриата, работавших стажерами. Другие эксперты, такие как ди-джей, актер и этнопсихолог, контролировали

¹ Marcu O. Participatory and Visual Research with Roma Youth. – Singapore : Springer. – 2017. – 117 p.

исследовательский процесс. Участники были отобраны методом «снежного кома».

В первом этапе – этапе «театральной лаборатории» – участвовал профессиональный актер, который обучал группу самовыражению, самопрезентации, сплоченности и доверию. Разделенные на две подгруппы, участники подготовили две истории, свободно выбранные, интерпретируемые ими только с использованием жестов, мимики, предметов, пространства и движения. Содержание историй было связано с собственным опытом миграции, вызванной бедностью, попрошайничеством и сквоттингом. Следующим инструментом был коллаж, с помощью которого каждый участник представлял свою прошлую, настоящую и будущую идентичность. Первоначальные истории и коллажи позволили составить обширный материал о миграционном опыте молодых цыган, который был сгруппирован, проанализирован, представлен в виде концептуальной карты, которую участников попросили оценить с точки зрения того, насколько она способна представить их жизнь.

На втором этапе было осуществлено изучение повседневной жизни цыган-мигрантов с помощью метода photovoice. Участники фотографировали свои жизненные условия, уделяя особое внимание общему контексту: условиям жизни, отношениям между сверстниками, их дружбе и пр. Затем они выбрали по пять фотографий для представления группе и были опрошены группой об их содержании и значении.

Для уточнения контекста их жизни исследователями были проведены интервью со сверстниками респондентов – румынскими цыганами в возрасте 14-25 лет (4 девочки и 21 мальчик). Это дополнило исследование, не отменив значимости визуальных методов в раскрытии ресурсов взаимодействия и рефлексивности вовлеченных молодых людей, а также понимания методологического значения деколонизирующего потенциала визуальных контрнарративов.

На третьем этапе был использован комплекс специфических методов. Поскольку роль музыкального жанра манеле для румынских цыган велика,

участникам было предложено подвести итоги этого исследования, создав музыкальный сборник. Они отобрали песни и подготовили микс при поддержке профессионального ди-джея. Для более формального анализа результатов исследователями был применен формат фокус-групп.

На основе результатов, полученных с помощью комплекса методов интервью, фокус-групп, созданных и разыгранных историй, фотографий, коллажей, концептуальной карты, музыкального микса была проведена дискуссия. Она позволила сформулировать ряд положений и рекомендаций, которые были представлены социальным работникам и партнерам по проекту. Кроме того, фасилитаторы подготовили онлайн-блог, в котором собрали и представили все материалы исследования.

Выводы исследования касались проблем и противоречий, с которыми сталкивались молодые люди при переходе от традиционной национальной культуры к освоению нового культурного опыта. Исследование показало, как молодые люди бросают вызов старым нормам, развивают чувство принадлежности к более чем одной культуре и практикуют разные способы взросления, параллельные традиционной культурной модели. Более того, было показано, как с помощью исследования начался процесс расширения спектра возможностей соучастников исследования. Эти возможности возникли благодаря созданным условиям для их саморефлексии и самовыражения, работе над личным и групповым опытом. Особое значение имело полифоническое авторство на протяжении всего исследовательского процесса. Даже если опытные исследователи сохраняли контроль и разрабатывали методологию исследования, молодые со-исследователи часто брали контроль и формулировали некоторые выводы и решения как свои собственные.

В данном разделе поставлена проблема актуализации применения партисипаторных исследований в России. Они, как феномен гражданского общества, актуализируются с его развитием и являются показателем уровня сформированности культуры участия у разных групп населения, и, прежде всего, у молодежи. Этот вид исследований в большей степени соотносится с таким

актуальным направлением социологической науки, как публичная социология. История становления партисипаторных исследований показывает, что в России они не нашли пока широкого применения прежде всего в связи с ограниченным развитием гражданских институтов и практик социального участия населения.

Термин *партисипаторные исследования* не является окончательно сложившимся, при этом его обязательными параметрами можно считать: участие социальных сообществ в качестве со-исследователей; практическую ориентацию на результат, связанную с изменением исследуемой сферы социальной реальности; выраженный образовательный эффект, проявляющийся в более углубленном понимании представителями социальных сообществ сути их проблемы, а также способов ее изучения; повышение гражданской активности, ориентированной на социальные изменения. Партисипаторные исследования связаны достижением общественного блага на локальном и глобальном уровнях, обращаются к решению проблем, в которых не могут не быть заинтересованы участники социальных проектов, частью которых эти исследования являются.

Анализ сущностных характеристик, методологических и методических особенностей, специфики реализации партисипаторных исследований в социокультурной сфере позволил увидеть, что совместная работа с участием молодых людей может стать плодотворным вариантом для производства знаний и инструментом для образования, культурного развития, расширения их прав, возможностей и социальной активности.

Приведенные в качестве примера кейсы позволили представить широкий спектр методов и инструментов, которые можно использовать для вовлечения молодых людей в процессы со-участия и накопления знаний, показать различия вовлеченных людей по полу, социальному статусу, этнической принадлежности, продемонстрировать разный уровень их со-участия в исследовании, а также показать разнообразие сфер реальности, где эти исследования могут проводиться и различия в целях, которые могут быть поставлены.

Одним из важных социальных эффектов партисипаторных исследований является формирование партисипативной культуры и социологов, и

представителей местных сообществ как необходимое условие становления гражданского общества. Партисипаторные исследования как вид методической исследовательской стратегии имеют серьезные перспективы и методологический потенциал. Привлечение к ним внимания и рефлексия по поводу их возможностей и условий применения необходима для понимания направлений развития практико-прикладной составляющей управленческой деятельности.

2.3. Возможности виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи в формировании городских и публичных пространств

Междисциплинарные исследования, описывающие один объект через оптику нескольких наук, представляют интересные широкому кругу исследователей выводы и результаты исследования за счет использования методов, свойственных одной дисциплине в другой. Объемное моделирование, ставшее неотъемлемой частью работы архитектора, сегодня применяется специалистами и многих других областей. Создание виртуальных моделей описывается в статьях разных специалистов: виртуальные модели зубочелюстной системы¹, ландшафта и местности², многослойных титановых конструкций³, параметров литья⁴ и многих других. Виртуальное моделирование – это универсальный подход, который позволяет создать прототип интересующей нас системы, отражающий ее ключевые характеристики, и протестировать возможные варианты воздействия на эту модель, оценить степень ее устойчивости к внешним условиям.

Популярность 3D моделирования в архитектуре объясняется тем, что архитектура сама по себе виртуальна – она всегда соединяет виртуальность

¹ Смирнов А. Г. Вопросы разработки диагностической виртуальной модели зубочелюстной системы / А. Г. Смирнов // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. – 2010. – № 4. – С. 30-33.

² Колесников А. А., Кикин П. М., Комиссарова Е. В. Создание виртуальных моделей местности и зданий / А. А. Колесников, П. М. Кикин, Е. В. Комиссарова // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – № 7.

³ Колесников А. В. Анализ возможности пневмотермической формовки многослойных конструкций методом виртуального моделирования / А. В. Колесников // Решетневские чтения. – 2012. – № 16.

⁴ Хаймович И. Н., Ковалькова Е. А. Определение параметров инъекционного литья методом виртуального моделирования процесса / И. Н. Хаймович, Е. А. Ковалькова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 6 (2). – С. 485-490.

воображения с реальностью¹. В своей статье И. Макаров, В. Рахманкулов и А. Анхрем подчеркивают, что виртуальное моделирование все больше становится стержневой технологией современного компьютерного проектирования и позволяет исследовать десятки, сотни и даже тысячи вариантов конструкций сложных машин и механизмов, моделируя на компьютере реальные условия их работы². Виртуальное моделирование – это способ визуализации данных, который позволяет с меньшими затратами воссоздать процессы взаимодействия реального объекта и внешней среды и выявить критерии оптимизации этого взаимодействия³. Возможности виртуального моделирования для оценки участия молодежи в формировании городских и публичных пространств являются предметом проводимого исследования.

Представим то, как компьютерная визуализация и виртуальные модели встраиваются в работы разных исследователей. Виртуальное моделирование, ставшее неотъемлемой частью современного мира, базируется на основополагающих принципах построения моделей, зафиксированных в работах разных авторов, сам метод, его возможности и недостатки активно изучаются.

В архитектуре моделирование и построение необходимо для последующего строительства реального объекта, в социологии построение моделей также занимает достойное место среди методов и инструментов, востребованных научным и экспертным сообществом⁴. В.П. Свечкарев связывает это с естественной ориентацией человека на зрительное восприятие и развитием информационных технологий визуализации. К достоинствам метода он относит тот факт, что «модели разных точек зрения, построенные с одной целью исследования функционирования конкретного социального объекта (системы, процесса) позволяют выявить латентные признаки или неявные закономерности».

¹ Сапрыкина Н. А., Сапрыкин И. А. «Безбумажная» архитектура в контексте виртуальной реальности / Н. А. Сапрыкина, И. А. Сапрыкин // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2012. – № 7. – С. 1-12.

² Макаров И. М., Рахманкулов В. З., Ахрем А. А. Виртуальное моделирование и интеллектуальное управление сложными компьютерно-интегрированными системами / И. М. Макаров, В. З. Рахманкулов, А. А. Ахрем // *Информационные технологии и вычислительные системы*. – 2007. – № 2. – С. 11-24.

³ Миронова Ю. Н. Новые методы виртуального моделирования в геоинформационных технологиях / Ю. Н. Миронова // *Вестник евразийской науки*. – 2016. – № 5 (36). – С. 85-89.

⁴ Свечкарев В. П. Модели визуальной аналитики в социологии / В. П. Свечкарев // *Наука и образование*. – 2017. – С. 32-38.

Общие принципы и анализ метода компьютерной визуализации представлены в работе А.Л. Авербуха, в которой он применяет семиотический анализ для описания и выделения языка компьютерной визуализации, чтобы «понять компьютерную визуализацию как язык со своими (с разной степенью сложности вычленимыми) словарем, синтаксисом, семантикой и, что самое важное, со сложной, неоднозначной и противоречивой прагматикой»¹, своей метафорой. Подобный подход позволяет описать метод виртуального моделирования, отделить его от прочих, выявить базовые принципы.

Большая доля внимания ученых уделяется вопросам проектирования виртуальных моделей в виде карт. С.Г. Дышленко и В.Я. Цветкова проводят анализ виртуальных пространственных карт, показывая схемы восприятия визуальных реальных и визуальных виртуальных моделей, анализируют ограничения восприятия, схемы формирования пространственных карт и предлагают собственное определение: «виртуальная пространственная модель – это сбалансированная самоорганизующаяся комплексная система, предназначенная для решения технических и научных задач, расширяющая возможности человека в познании мира и дающая ему дополнительные когнитивные инструменты познания, управления и принятия решений»². В данном исследовании представлены возможности метода виртуального моделирования на конкретном примере пространственных карт.

Ключевым при переходе от реальной модели к виртуальной является использование правил отображения визуальной информации, кодировании информации формой, а также подходы к визуализации, которые описаны в работе К.А. Шаропина, О.Г. Берестнева, Г.И. Шкатова³. К принципам визуализации информации авторы относят: состав, форму представленной информации, выделение существенных и функционально обоснованных объектов и связей;

¹ Авербух В. Л. К теории компьютерной визуализации / В. Л. Авербух // Вычислительные технологии. – 2005. – Т. 10. – № 6. – С. 21-51.

² Дышленко С. Г., Цветков В. Я. Виртуальная пространственная карта / С. Г. Дышленко, В. Я. Цветков // Образовательные ресурсы и технологии. – 2016. – № 5 (17). – С. 72-79.

³ Шаропин К. А., Берестнева О. Г., Шкатова Г. И. Визуализация результатов экспериментальных исследований / К. А. Шаропин, О. Г. Берестнева, Г. И. Шкатова // Известия ТПУ. – 2010. – № 5. – С. 172-176.

наглядность модели; правильную организацию структуры, облегчающую восприятие; графическое отображение изменений, конфликтных отношений; грамотную компоновку, учитывающую особенности восприятия человеческим глазом. Любые отклонения могут привести к модели, которая будет искажать действительность.

О достоинствах метода визуального отображения информации, собранной в ходе научного исследования, пишет также С.М. Шорыгин в работе «Визуальное моделирование в информационных технологиях». Автор подчёркивает увеличения информационного шума, из-за которого «требуются новые методы по оперативному и эффективному усвоению больших объемов информации», к которым и относится метод виртуального моделирования.

Таким образом, мы можем говорить о том, что метод виртуального моделирования является универсальным и используется во многих областях (картографирование, архитектура, графический дизайн и т.п.) и также не является новым для социологии. Применение метода таит в себе возможности для новой интерпретации и представления полученных данных, он может быть использован как дополнительный инструмент принятия решений, прогнозирования и аналитики, а также позволяет выкристаллизовать важную информацию и выявить причинно-следственные связи.

В основу проводимого нами исследования оценки социального участия молодежи в формировании городских и публичных пространств положено выявление ключевых мест притяжения молодежи, мест, которые эта группа респондентов считает привлекательными или красивыми. В качестве схожих примеров для анализа были выбраны исследования, в которых также проводились параллели между горожанами или определенным сообществом и конкретным местом, городом, а в качестве результата представлена карта местности или карта города, отражающая собранную в ходе социального исследования информацию. Нашей целью в данном анализе является оценка примененного картографического метода и его недостатков относительно метода виртуального моделирования.

Первым в списке городов, где производился поиск взаимосвязей между восприятием города его жителями и архитектурой, стоит назвать г. Омск. В результате масштабных опросов были составлены карты (карта вызовов, ментальная карта, карта подцентров, карта общественных пространств, карта разреженности, карта субурбанизации) для выявления мнений горожан и отображения эмоционального восприятия города (рис. 3)¹. Красным цветом выделены зоны, которые не нравятся жителям города, зеленым – те, что омичи посчитали комфортными.

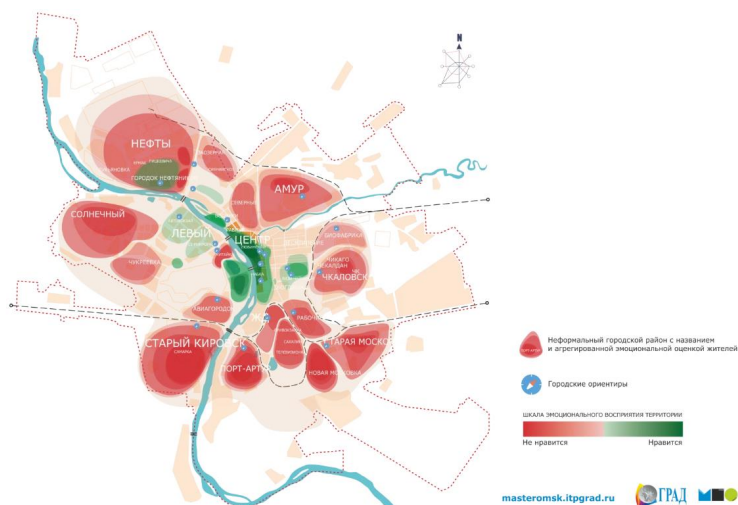

Рис. 3. Ментальная карта г. Омска

Использованный в данном случае картографический метод передачи собранной информации удобен для оценки города в целом, но лишает возможности рассмотреть отдельные его части и увидеть 3D версию тех мест, которые нравятся омичам, оставляя открытым вопрос о том, почему итоговое распределение оказалось именно таким и как увеличить количество зеленых мест на карте.

¹ Омск. Карты / ИТП «Град». – 2019. – URL: <http://masteromsk.itpgrad.ru/maps> (дата обращения: 14.02.2020).

Другим примером использования карт для демонстрации результатов, связанных с восприятием города опросов, является психологический атлас города Екатеринбург, составленный в Гуманитарном Университете¹. Подборка карт представляет собой локализацию определённых коллективных представлений о тех или иных частях и районах города (рис. 4).

Рис. 4. Психологическая карта г. Екатеринбурга, город студентов

Как и в прошлом примере, использованные методы отражения результатов опросов позволяют продемонстрировать настроения жителей, восприятия города на текущий момент, но не предоставляет возможностей для анализа причин той или иной локализации: «почему город студентов оказался в сцепке лишь с одним ВУЗом, а центральный район города фигурирует почти на всех картах, а также как администрация может работать с этим мнением и этими данными».

Методы картографирования позволяют предельно доступно отразить результаты работы, но не всегда дают ключ к пониманию тех процессов, которые происходят, в то время как метод виртуального моделирования позволяет не

¹ Ахметшина И. Уралмаш и Сортировка – районы бедных / Екатеринбург Онлайн. – URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-53249151.html (дата обращения: 14.02.2020).

только нанести данные на статичную карту, но и проанализировать данные с течением времени, выявить факторы, влияющие на те или иные результаты.

Охарактеризуем возможности виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи. Используя метод виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи в формировании городских пространств, мы будем опираться на определения упомянутых ранее авторов. «Под компьютерной визуализацией мы понимаем методику перевода абстрактных представлений об объектах в геометрические образы, что дает возможность исследователю наблюдать результаты компьютерного моделирования явлений и процессов»¹. Согласно подходу Л.В. Силаевой, «электронные виртуальные реальности также классифицируются как условные, прожективные и пограничные»², в данном случае проектируемая нами модель будет относиться пограничному классу виртуальных моделей, представляющих собой сочетание обычной реальности и виртуальной. Их создание позволяет «расширять сознание» специалиста, вооружая его «видением» и знаниями, которыми он не может обладать «здесь и сейчас». В проводимом исследовании результатами моделирования и объектами визуализации будут являться «преобразованные характеристики, прямо или косвенно описывающие некоторое явление или процесс»³, в нашем случае ими будут выступать отношение молодежи к городским объектам, выбор тех или иных мест для времени проведения, уровень знания города.

Для выявления характеристик, определяющих привлекательность наиболее посещаемых молодежью мест, нами будут выстроены 3D модели, опирающиеся на собранные в ходе исследования и опросов материалы. Особое внимание при этом будет уделено форме и типу пространства, культурно-исторической

¹ Brown M. Visualization in Scientific Computing // ACM SIGGRAPH Computer Graphics. – 1987. – 21 (6). – P. 187-197.

² Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества : спец. 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Силаева Виктория Леонидовна : Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. – Москва, 2004. – 19 с.

³ Авербух В. Л., Байдалин А. Ю., Бахтерев, М. О., Васёв П. А., Зырянов А. В., Казанцев А. Ю., Манаков Д. В. К обоснованию проекта визуализационной компоненты виртуального испытательного стенда / В. Л. Авербух, А. Ю. Байдалин, М. О. Бахтерев, П. А. Васёв, А. В. Зырянов, А. Ю. Казанцев, Д. В. Манаков // Параллельные вычислительные технологии. – 2010. – № 9. – С. 378-386.

ценности окружающих объектов, транспортной доступности, открытости пространства, наличию эффекта замкнутости пространства, стабильности городского интерьера. На основе анализа созданных 3D моделей будет выстроена единая виртуальная модель привлекательного в глазах молодежи места.

Используя предостережение касательного того, что «не любая виртуальная модель создает эффект замещения. Для этого, прежде всего, виртуальное моделирование должно отвечать базовым критериям адекватности и грубости по отношению к моделируемой физической реальности», определим ряд критических принципов виртуальной модели:

- Сохранение пропорциональных размеров городских пространств;
- Сохранение взаимосвязи между доминантным архитектурным объектом и пространством, образованным вокруг него;
- Нанесение всех ключевых критериев пространств.

Виртуальные модели городов используются для диалога с местными властями и другими заинтересованными сторонами, участвующими в конкретной схеме, и позволяют проводить общие прения по будущим событиям в городе. Таким образом, создаваемая в ходе исследования модель позволит продемонстрировать степень знания города молодежью, конкретные предпочтения в выборе городских пространств, проанализировать их и выяснить определяющие характеристики пространства привлекательного для молодежи.

3. ВОЛОНТЕРСКИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУКТИВНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. Молодежное волонтерство в сфере культуры: практики конструктивного участия студенчества в социокультурной жизни городов

Участие молодежи как добровольных помощников в различных культурных практиках, которые реализуют профессионалы сферы культурных услуг или организаторы публичных мероприятий, в значительной степени оказывает позитивное влияние на социокультурную жизнь конкретных территорий. Наряду с пассивным участием в образовательном, культурно-историческом городском ивенте городская молодежь становится полезна и своими действиями в качестве добровольцев. Исследователи подчеркивают, что волонтерство в целом представляет собой важный социокультурный феномен¹ – с одной стороны, уровень развития добровольчества является индикатором, маркером определенной культурной зрелости общества, с другой стороны, волонтерство выступает инструментом трансляции гуманистических ценностей и технологией повышения культурного потенциала населения территории. Непосредственный вклад в развитие социокультурной жизни конкретных городов, безусловно, вносят волонтеры культуры, которые развивают социальный капитал территории, обеспечивают реализацию задач государственной культурной политики, оказывают существенную помощь в реализации культурных проектов, а также текущей деятельности учреждений культуры и т.д. В рамках данного раздела представим практики волонтерства молодежи в сфере культуры на основе вторичного анализа научных публикаций отечественных и зарубежных авторов. В первую очередь обратимся к определению культурного волонтерства, описанию его практик и специфических характеристик в работах российских авторов.

¹ Носова Ю. И. Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и основные характеристики / Ю. И. Носова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3 (1). – С. 62-65.

В научных публикациях отечественных исследователей рассматриваются такие категории, как *культурное волонтерство*, *волонтерство в сфере культуры*, *волонтеры культуры*, *культурно-просветительское волонтерство* и *арт-волонтерство*. Н.И. Горлова определяет волонтерскую деятельность в сфере культуры и искусства как «реализуемую посредством активного личного участия волонтера добровольную помощь в поддержке культурных проектов и мероприятий, направленных на приобщение населения к лучшим мировым образцам искусства»¹. С нашей точки зрения, данное определение в значительной степени редуцирует культурное волонтерство до событийного, исключая практики оказания помощи в решении текущих задачах учреждений культуры.

В Резолюции Всероссийского форума добровольцев 2016 года зафиксировано определение культурно-просветительского волонтерства как «добровольческой деятельности в проектах культурной направленности, проводимых в музеях, библиотеках, домах культуры, театрах, кинотеатрах, культурных центрах, парках и т.д.»². В указанном определении, напротив, фиксируются организации и учреждения культуры, в которых потенциально может быть востребована помощь волонтеров, однако неизменным остается проектный формат участия, не предполагающий систематической активности.

Е.А. Ефремова в своей работе трактует арт-волонтерство как «добровольческую деятельность в сфере культурного пространства города: библиотеках, музеях, театрах, галереях и др. Арт-волонтеры помогают в проведении фестивалей, ярмарок, выставок или других крупных городских событий»³. Приведенное определение объединяет работу добровольцев в учреждениях сферы культуры и практики участия волонтеров в организации и проведении культурных мероприятий в пространстве города. Однако в другой своей работе автор подчеркивает тонкую, но все же грань между культурным

¹ Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России / Н. И. Горлова // Ученые записки Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 101-110.

² Резолюция Всероссийского форума добровольцев. – URL: <https://docplayer.ru/31334195-Rezolyuciya-vserossiyskogo-foruma-dobrovolcev-oktyabrya-2016-goda-g-sankt-peterburg.html> (дата обращения: 10.11.2020).

³ Ефремова Е. А. Опыт культурного волонтерства Екатеринбургской академии современного искусства / Е. А. Ефремова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2018. – № 1 (9). – С. 41-49.

волонтерством и арт-волонтерством. Отличительной чертой арт-волонтерства в общем массиве культурного добровольчества как одной из его форм является наличие художественной коммуникации (непосредственного вовлечения в художественную коммуникацию)¹. Таким образом, арт-волонтерство отличается особым характером и глубиной участия в практиках культурного волонтерства.

Сделаем некоторые обобщения и подчеркнем, что в публикациях российских исследователей понятия культурного и культурно-просветительского волонтерства чаще всего рассматриваются как тождественные, синонимичные категории, подразумевающие волонтерское участие в организации и проведении культурных событий и мероприятий, работу в учреждениях культуры (библиотеках, музеях, театрах, галереях, филармониях и т.д.), а также добровольческие инициативы, направленные на развитие культурного и туристического пространства территории². С нашей точки зрения, не столь однозначным и очевидным является отождествление культурного и арт-волонтерства. Автором все же предлагается рассматривать арт-волонтерство как степень/уровень вовлечения/погружения в практики культурного волонтерство, о чем подробнее будет сказано далее.

Из рассмотренных определений культурного волонтерства отчетливо видно, что оно включает большое количество разнообразных практик, которые могут быть классифицированы по различным основаниям. Культурное волонтерство может быть классифицировано по степени вовлечения/погружения – пассивное (участие в качестве наблюдателя, созерцание, формирование насмотренности), активное (организационное участие – участие в организации мероприятия, выполнение обеспечивающих функций в организации, «тыловые работы», не имеющие прямого отношения к искусству; содержательное участие – арт-волонтерство, контент, художественная составляющая; креативное участие – разработка и реализация авторских социокультурных проектов, идей и

¹ Ефремова Е. А., Ахьямова И. А. Зачем «арт-волонтерство» творческому вузу? / Е. А. Ефремова, И. А. Ахьямова // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 25-30.

² Сыромятникова С. Е., Алексеева Г. Г. Волонтерство в области культуры: региональный аспект / С. Е. Сыромятникова, Г. Г. Алексеева // World Science Problems and Innovations. – 2018. – С. 323-326.

инициатив в сфере культуры); по сферам в соответствии с различными видами искусств – кино, театр, музыка, фотография, архитектура, дизайн, литература, хореография, изобразительное искусство, цирковое искусство; по потенциальным площадкам/объектам волонтерской активности – кинотеатры, театры, музеи, галереи, филармонии, парки, туристические центры, цирки, дома культуры, культурные центры, библиотеки, образовательные организации, профильные органы власти и ведомства и др.

Отдельного внимания заслуживает классификация практик культурного волонтерства в соответствии с их пространственной и временной локализацией. По данному основанию мы выделяем событийное и структурно-функциональное культурное волонтерство.

Событийное волонтерство предполагает участие в организации и проведении различных тематических культурных мероприятий (концертов, фестивалей, акций, постановок, выставок, праздников, конкурсов и т.д.), его пространственной локализацией является мероприятие. Традиционно авторы в качестве примеров упоминают такие масштабные федеральные проекты, как «Ночь музеев», «Ночь искусств», «Библионочь», а также региональные и городские мероприятия. Событийное волонтерство реализуется в проектном формате, предполагает конкретную дату начала и окончания работ, является эпизодическим, краткосрочным, однако может реализовываться с определенной степенью регулярности (участие в череде разных событий или в одном событии ежегодно). Как правило, работы/функции, которые реализуют волонтеры культуры в событийном формате являются типичными: логистика, регистрация, координация, работа с гостями, участниками, экспертами, информационное сопровождение (работа со СМИ, фото-видео съемка)¹.

Структурно-функциональное волонтерство связано с решением текущих задач конкретных организаций и учреждений культуры, его пространственной локализацией является организация. В качестве примера в работах российских

¹ Осадчих С. В., Саблукова Л. И. Волонтерство в кинофестивальном движении / С. В. Осадчих, Л. И. Саблукова // Молодёжь Третьего Тысячелетия. – 2018. – С. 1202-1205.

авторов чаще остальных упоминается кейс волонтерского центра Государственного Эрмитажа¹. Этот формат культурного волонтерства предполагает систематическую деятельность по обеспечению функционирования конкретной организации, связан с текущей работой и не предполагает конкретных сроков реализации. Исследователи выделяют специфические работы, которыми занимаются библиотечные волонтеры², добровольцы в музеях³, филармониях⁴. Наиболее типичными направлениями работы волонтеров в культурных учреждениях и организациях являются: информационно-аналитическая деятельность, научно-исследовательская деятельность, издательская деятельность, рекламная деятельность, работа с посетителями (экскурсионное, библиотечное обслуживание и др.), организационные работы, хозяйственная деятельность, фондовое обслуживание, творческая (креативная) работа, фандрайзинговая деятельность⁵.

Важно отметить, что значительная доля публикаций российских исследователей связана с представлением как отечественных, так и зарубежных кейсов (описание опыта реализации волонтерства в сфере культуры, культурных проектов) конкретных учреждений культуры (музеев, библиотек, филармоний), специализированных некоммерческих организаций и фондов по сохранению культурно-исторического наследия, образовательных организаций среднего и высшего образования, конкретных волонтерских отрядов. В своей деятельности все обозначенные субъекты в той или иной степени используют как событийные, так и структурно-функциональные практики волонтерства в сфере культуры.

Среди всего многообразия различных практик культурного волонтерства обособленным выглядит такое важное направление, как реставрационное

¹ Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России / Н. И. Горлова // Ученые записки Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 101-110.

² Ягубкина А. С., Макшакова Т. В. Культурное волонтерство в проектах Немецкого читального зала Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького / А. С. Ягубкина, Т. В. Макшакова // Культура и Образование. – 2020. – С. 150-153.

³ Горлова Н. И. Современное развитие волонтерских практик в учреждениях культуры за рубежом / Н. И. Горлова // Научный альманах. – 2017. – № 6 (32). – С. 263-266.

⁴ Николаева М. Ю., Секретова Л. В. Организация креативной деятельности волонтерского центра омской филармонии / М. Ю. Николаева, Л. В. Секретова // Молодёжь Третьего Тысячелетия. – 2018. – С. 324-328.

⁵ Горлова Н. И. Сборник волонтерских практик в сфере культуры : методические рекомендации / Н. И. Горлова, Д. Т. Маковецкая. – Москва : Министерство культуры Российской Федерации, 2019. – 37 с.

волонтерство, добровольчество в сфере сохранения культурно-исторического наследия, памятников культуры. Н.И. Горлова и Л.И. Старовойтова в своей работе описали лучшие зарубежные практики, обозначили основные направления развития и популяризации реставрационного волонтерства за рубежом, проанализировали деятельность международных организаций охраны памятников¹. М.И. Ляшенко, на примере деятельности студенческого волонтерского отряда, выделяет следующие направления в работе добровольцев по сохранению культурно-исторического наследия: научные экспедиции, проекты по охране и восстановлению памятников архитектуры, природных объектов; просветительская деятельность, пропаганда культурно-исторического наследия; организация мероприятий².

Несмотря на все многообразие и сложную мозаичную внутреннюю структуру культурного волонтерства, представить которую можно как лоскутное одеяло, состоящее из ярких кусочков различных видов искусств и практик, исследователи отмечают общие отличительные черты волонтерства в сфере культуры. Е.А. Ефремова и И.А. Ахьямова в своей работе формулируют отличительные черты культурного волонтерства от социального, наиболее важными, с нашей точки зрения, являются:

1. Инициативы и формы привлечения волонтеров в сфере культуры существенно отличаются от территории к территории, исходя из того, что «культурный ландшафт России неоднороден – имеет национальную и иную специфику»³ в сравнении с практиками социального волонтерства, которые, как правило, достаточно типичны для всех регионов страны.

2. С точки зрения эмоционального багажа культурное волонтерство «заряжает оптимизмом и атмосферой художественного творчества; создает условия для понимания «кухни» культурных проектов и вовлекает в культурные индустрии,

¹ Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению культурно-исторического наследия за рубежом / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 13-25.

² Ляшенко М. И. Роль волонтерских отрядов в пропаганде культурно-исторического наследия среди детей и молодежи / М. И. Ляшенко // Развитие территорий. – 2015. – С. 167-170.

³ Ефремова Е. А., Ахьямова И. А. Зачем «арт-волонтерство» творческому вузу? / Е. А. Ефремова, И. А. Ахьямова // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 25-30.

тогда как социальное волонтерство может привести к эмоциональному выгоранию, пессимистическим настроениям от осознания несовершенства общества и уязвимости человека»¹.

Авторы в своих работах отмечают, что «идет активная консолидация усилий волонтерских объединений, исполнительных органов государственной власти, бизнес-компаний, средств массовой информации, общественности»² по развитию добровольчества, в том числе в сфере культуры. В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года в качестве основных направлений добровольчества (волонтерства) в сфере культуры выделяются: «поддержка деятельности организаций культуры; содействие в организации и проведении массовых мероприятий в сфере культуры; участие в осуществлении работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры); вовлечение деятелей культуры и искусства в добровольческую (волонтерскую) деятельность»³. В 2019 году Министерство культуры Российской Федерации включило в Национальный проект «Культура» федеральную программу «Волонтеры культуры», а 12 марта 2019 года на базе Ассоциации волонтерских центров была создана Дирекция общественного движения «Волонтеры культуры», среди направлений деятельности которого, помимо тех, что обозначены в Концепции развития добровольчества, выделяется также организация туристических маршрутов и культурных пространств в городах⁴. Однако, обобщая результаты исследований культурного волонтерства молодежи, необходимо обозначить несколько важных характеристик текущего состояния волонтерства в сфере культуры в России.

¹ Ефремова Е. А., Ахьямова И. А. Зачем «арт-волонтерство» творческому вузу? / Е. А. Ефремова, И. А. Ахьямова // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 25-30.

² Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению культурно-исторического наследия за рубежом / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 13-25.

³ Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 2950-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁴ Официальный сайт общественного движения «Волонтеры культуры». – URL: <https://xn--b1agpcjfbucrelc9ign.xn--p1ai/social-movement> (дата обращения: 11.11.2020).

Несмотря на активизацию деятельности, направленной на развитие культурного волонтерства в России со стороны государства, общественных организаций и населения, отечественная практика на данный момент существенно уступает другим государствам, имеющим многолетнюю историю и солидный опыт такого рода деятельности. В Москве, по результатам опроса среди 33 столичных музеев, 33 % не имеют опыта работы с волонтерами, а свой волонтерский корпус есть только у 19 %¹. Еще менее продвинутой видится обстановка в регионах. Описывая кейсы системной организации волонтерства в крупнейших учреждениях культуры страны, исследователи подчеркивают территориальное неравенство в развитии культурного добровольчества, фиксируют отставание регионов (в том числе относящихся к лидерам развития волонтерства) от культурных центров в части развития волонтерства в сфере культуры. В большинстве субъектов РФ и городов культурное волонтерство не является флагманским, «практика привлечения волонтеров в сферу культуры является скорее новаторством, нежели правилом»².

Как правило, волонтерами в сфере культуры становятся люди определенной категории, имеющие прямую или опосредованную связь со сферой культуры и туризма – студенты, получающие профильное образование и рассматривающие эту активность как собственное личностно-профессиональное развитие, постоянные посетители, ценители и фанаты конкретных музеев, театров, филармоний, галерей и т.д. Авторы научных публикаций подчеркивают, что в культурном волонтерстве, преимущественно, заняты молодые люди, проходящие обучение по соответствующим специальностям, оценивающие опыт добровольчества в сфере культуры как «прямой путь к оплачиваемой работе»³. М.И. Васильковская отмечает существенную роль опыта культурного

¹ Гринько И. А. Волонтеры в музее / И. А. Гринько. – Москва : МОСГОРТУР, 2018. – 45 с.

² Николаева М. Ю., Секретова Л. В. Организация креативной деятельности волонтерского центра омской филармонии / М. Ю. Николаева, Л. В. Секретова // Молодёжь Третьего Тысячелетия. – 2018. – С. 324-328.

³ Рогач О. В., Фролова Е. В. Культурное волонтерство в России как социальный ресурс развития туризма / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18. – № 1 (130). – С. 142-148.

волонтерства в личностно-профессиональном развитии студентов¹. Е.А. Ефремова и И.А. Ахьямова уверены, что «для профильных вузов, ведущих подготовку кадров для сферы культуры и искусства, понятна значимость культурного волонтерства и особенно арт-волонтерства как способа соединить теорию с практикой, реализовать прикладной характер образовательных программ, сформировать «кредит доверия» у потенциальных работодателей в отношении выпускников»². Е.А. Паклина рассматривает культурное волонтерство как «действенный механизм, который нацелен на формирование кадрового резерва» для учреждений культуры³. Обозначенные обстоятельства актуализируют интеграцию волонтерской деятельности в сфере культуры в учебные планы студентов творческих специальностей.

Практики культурного волонтерства, преимущественно, сводятся к событийному, концертному, фестивальному волонтерству⁴. О.В. Рогач и Е.В. Фролова отмечают, что «в современных условиях имеются наработки практик привлечения молодежи в рамках организации событийных мероприятий и разовых туристических акций, однако, что касается регулярной добровольческой деятельности в сфере сохранения и актуализации культурно-исторического наследия, то здесь имеются существенные пробелы»⁵. По результатам исследования, проведенного авторами, «примерно 1/3 молодых людей уверены, что волонтерская деятельность заключается в помощи при организации массовых крупных мероприятий, проводимых федеральными и региональными органами власти»⁶. МОСГОРТУР по результатам опроса установил, что музеям требуется более 1000 человек в год для повседневной помощи, однако сами музеи чаще всего воспринимают деятельность волонтеров

¹ Васильковская М. И. Институт волонтерства как ресурс личностно-профессионального становления специалиста социально-культурной деятельности / М. И. Васильковская // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 2.

² Ефремова Е. А., Ахьямова И. А. Зачем «арт-волонтерство» творческому вузу? / Е. А. Ефремова, И. А. Ахьямова // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 25-30.

³ Паклина Е. А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев / Е. А. Паклина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 216. – С. 131-139.

⁴ Сыромятникова С. Е., Алексеева Г. Г. Волонтерство в области культуры: региональный аспект / С. Е. Сыромятникова, Г. Г. Алексеева // World Science Problems and Innovations. – 2018. – С. 323-326.

⁵ Рогач О. В., Фролова Е. В. Культурное волонтерство в России как социальный ресурс развития туризма / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18. – № 1 (130). – С. 142-148.

⁶ Там же.

как помощь на мероприятии, не всегда понимая и формулируя волонтерскую потребность в текущих делах¹.

Исследователи отмечают проблему недостаточной информированности граждан о содержании и специфике культурного волонтерства в России. «87,2% жителей муниципальных районов Московской области никогда не принимали участия в волонтерских движениях в области культуры и повышения туристической привлекательности российских городов»². О.В. Рогач и Е.В. Фролова считают, что существует некий «информационный вакуум», препятствующий развитию потенциала культурного волонтерства именно на местном уровне, где наиболее востребованы не событийные практики, а деятельность по актуализации и сохранению культурного наследия, развитию культурно-познавательного туризма. В качестве наиболее перспективного механизма привлечения молодежи к волонтерской деятельности в целях сохранения объектов культурно-исторического наследия авторы предлагают модель организационного взаимодействия заинтересованных субъектов³.

Важно также отметить, что потенциальные площадки волонтерской активности в сфере культуры обладают ресурсами для становления и становятся центрами притяжения и организации других видов добровольчества – экологического, образовательного, социального и т.д.

Далее представим данные вторичного анализа публикаций зарубежных авторов. Необходимо отметить, что по запросу «*cultural volunteering*» в международной базе цитирования Web of Science найдено всего 3 публикации⁴. Понятие «культурное волонтерство» нерелевантно для зарубежных работ, использование этого термина скорее характерно для российского дискурса. Публикации зарубежных авторов, преимущественно, связаны с такими практиками волонтерства в сфере культуры, как фестивальное, библиотечное,

¹ Гринько И. А. Волонтеры в музее / И. А. Гринько. – Москва : МОСГОРТУР, 2018. – 45 с.

² Рогач О. В., Фролова Е. В. Культурное волонтерство в России как социальный ресурс развития туризма / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18. – № 1 (130). – С. 142-148.

³ Там же.

⁴ По состоянию на 20.11.2020.

музейное волонтерство и добровольчество в сфере сохранения культурного наследия.

Значительная доля зарубежных научных исследований различных видов культурного волонтерства (как и добровольчества в целом) посвящена вопросам мотивации добровольцев, выявлению факторов, способствующих просоциальному поведению. Мотивация молодых фестивальных волонтеров, как правило, связана с симпатией, эмоциональным отношением к содержанию мероприятия (любовь к музыке, театру, кино и т.д.), а также желанием находиться в кругу единомышленников; при этом молодым фестивальным волонтерам, как и другим молодым добровольцам, свойственны карьерные мотивы – участие в фестивале дает возможность молодым людям наладить связи, которые могут привести к трудоустройству¹. Добровольчество в музее также признается законным способом получения опыта, ведущего к оплачиваемой работе; кроме того, оно дает людям возможность сохранять общественную активность, укрепляя уверенность в себе и навыки². Результаты исследования К. Холмс показывают, что мотивы музейных волонтеров очень похожи на мотивы посетителей³. В своих работах зарубежные авторы подчеркивают, что среди музейных добровольцев больше всего пенсионеров, молодые люди значительно реже вовлекаются в такого рода деятельность. В качестве эффективного инструмента привлечения молодежи к музейному добровольчеству может рассматриваться онлайн-волонтерство. Примером реализации такой практики организации добровольчества в онлайн формате может выступать программа «Digital Volunteering», реализуемая в Австралийском музее как инновационная

¹ Vinnicombe T., Wu Y. Generalizing Motivation Measurement Indexes: The Case of Midi Music Festival Volunteers // International Journal of Event and Festival Management. – 2020. – 11 (3). – P. 273-287.

² Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // Journal of Heritage Tourism. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

³ Holmes K. Volunteers in the Heritage Sector: A Neglected Audience? // International Journal of Heritage Studies. – 2003. – 9 (4). – P. 341-355.

краудсорсинговая инициатива по интеграции местных и онлайн-волонтеров в работу по сохранению и документированию артефактов культурного наследия¹.

Вторым наиболее актуальным исследовательским вопросом в публикациях, посвященных различным практикам культурного волонтерства, является управление добровольцами (волонтерский менеджмент) и выявление факторов их удержания в организациях сферы культуры. Популярность и рост количества фестивалей и культурных мероприятий неизбежно актуализируют необходимость совершенствования управления волонтерскими программами событий. Авторы отмечают, что для молодых волонтеров значимой является взаимосвязь между самооценкой и удовлетворенностью от участия, что предполагает реализацию определенных маркетинговых стратегий в привлечении молодых добровольцев². Исследователи подчеркивают, что руководство публичных библиотек должно уделять больше внимания опытным волонтерам и стараться поддерживать и узнавать их как можно больше, привлекать и удерживать их, а также использовать их в продвижении своих библиотек³. Результаты исследований позволили сформулировать несколько факторов, способствующих удержанию добровольцев (в том числе в сфере культуры): дружественная к волонтерам среда, позитивные отношения между оплачиваемым персоналом и волонтерами и степень, в которой добровольцы считают свою работу значимой, чувствуют себя ответственными за результаты и воспринимают признание и признательность за свою работу⁴.

Важным, с нашей точки зрения, отличием дискурса зарубежных публикаций является достаточно большое количество работ, отмечающих негативные последствия привлечения волонтеров в сферу культуры. Базируясь на теории стейкхолдеров, в ходе комплексного исследования Б. Касселден с коллегами

¹ Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

² Bachman J. R., Norman W. C., Backman K. F., Hopkins C. D. The Role of Moderating Variables on Music Festival Volunteer Management // *Journal of Convention & Event Tourism*. – 2017. – 18 (3). – P. 225-243.

³ Dong-Geun O. Analysis of the Factors Affecting Volunteering, Satisfaction, Continuation Will, and Loyalty for Public Library Volunteers: An Integrated Structural Equation Model // *Journal of Librarianship and Information Science*. – 2019. – 51 (4). – P. 894-914.

⁴ Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

выявили несколько проблем в отношении использования волонтеров в деятельности публичных библиотек в Англии. Авторы отмечают, что ключевые последствия использования добровольцев связаны с социальной изоляцией, снижением подотчетности и качества услуг, а также стиранием границ, существующих в библиотеке, что создает напряженность для всех заинтересованных сторон¹. Недостаточность финансирования музеев приводит их к необходимости прибегать к помощи волонтеров, чтобы продолжать предлагать широкий спектр туристических и образовательных услуг или вообще продолжать свою деятельность, что в ряде случаев может приводить к негативным последствиям – замене оплачиваемого персонала добровольцами и их эксплуатации². Исследователи уверены, что усилия по расширению участия общественности в сохранении культурного наследия также неизбежно приведут к эксплуатации добровольцев, обесцениванию труда профессионалов и маргинализации³.

Таким образом, в зарубежной научной литературе не фигурирует термин «культурное волонтерство» как обобщающая категория для различных практик добровольчества в сфере культуры. Наиболее распространенными аспектами анализа разнообразных направлений культурного волонтерства (как и для других видов добровольчества) вступают мотивация и удержание волонтеров. Серьезный опыт реализации волонтерских программ в музеях и библиотеках за рубежом в общей позитивной тональности все же позволяет обнаружить и обратную сторону, негативные проявления волонтерской работы в такого рода организациях.

¹ Casselden B., Pickard A., Walton G., McLeod J. Keeping the Doors Open in an Age of Austerity? Qualitative Analysis of Stakeholder Views on Volunteers in Public Libraries // *Journal of Librarianship and Information Science*. – 2019. – 51 (4). – P. 869-883.

² Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

³ Harald-Fredheim L. Endangerment-Driven Heritage Volunteering: Democratisation or Changeless Change // *International Journal of Heritage Studies*. – 2018. – 24 (6). – P. 619-633.

3.2. Проблематизация спортивного волонтерства как молодежного участия в контексте социокультурного и экономического развития территорий

Спортивное волонтерство является одним из видов социального участия молодёжи, которое проявляется в участии граждан в спортивных событиях мирового и национального масштаба, в пределах отдельных регионов, городов или конкретных спортивных организаций. Под социальным участием в данном случае мы понимаем включение людей в организацию спортивных мероприятий, нацеленных на развитие спорта в регионе или стране в целом. Социальное участие молодёжи в контексте спортивного волонтерства детерминирует определённые изменения в обществе, приносит общественное благо и пользу другим людям, вовлекает молодых людей в здоровый образ жизни и его идеологию, способствует развитию самоорганизации в определённом сообществе.

Спортивное волонтерство как вид молодёжного участия рассматривается в различных проектах, где часто применяется стратегия смешивания таких методов, как включенное наблюдение, анкетирование, глубинные полуструктурированные интервью, экспертные опросы, контент-анализ. Проанализировав целый ряд исследовательских работ, мы пришли к выводу, что спортивное волонтерство включено в более широкий контекст исследований социального участия молодёжи. В разных странах исследуются возрастные, гендерные особенности спортивного волонтерства, его связь с религией, эмоциональным здоровьем и благополучием человека. Деятельность спортивных волонтеров изучается с позиции их формальной вовлеченности в деятельность общественных организаций, оказывающих помощь людям с ограниченными возможностями здоровья и хроническими заболеваниями. Исследовательская логика по данному направлению близка к изучению молодежного волонтерства в целом как участия и серьезного досуга.

В исследованиях спортивного волонтерства как молодежного участия в контексте социокультурного и экономического развития территорий условно

можно выделить четыре исследовательских ракурса: доступность спортивного волонтерства для всех членов общества, независимо от состояния здоровья, этнической принадлежности и уровня доходов; мотивация молодежи к участию в спортивных мероприятиях; спортивное волонтерство как источник формирования и развития человеческого капитала молодежи; управление деятельностью спортивных волонтеров на разных уровнях.

В первом условно выделенном блоке исследований спортивного волонтерства как молодежного участия обозначается проблема доступности данного вида добровольчества для всех категорий населения. Американские социологи изучают вовлечение старшеклассников с ограниченными возможностями здоровья в спортивную и общественную жизнь города в роли волонтеров. Доказано, что школы и университеты играют важную роль в реализации волонтерской деятельности для молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Специальные волонтерские программы, которые создаются для особенных школьников, должны включать в себя ограниченный и доступный каждому человеку перечень видов деятельности. Исследователи приходят к выводу, что молодежь с ограниченными возможностями здоровья будет активно вовлечена в волонтерскую деятельность только в том случае, если общественные организации будут предлагать семейные программы для работы на спортивных мероприятиях¹. Исследователи из Сингапура анализируют опыт молодежного волонтерства на Специальной Олимпиаде и отношение добровольцев к людям с умственными отклонениями. Сравнение интервью добровольцев перед началом их обучения в рамках Специальной Олимпиады и сразу после прошедших соревнований выявило, что отношение спортивных волонтеров к спортсменам с интеллектуальными нарушениями значительно улучшилось. Отмечается, что 86 % волонтеров перестали бояться и пренебрегать общением с особенными людьми². К аналогичным результатам приходят американские социологи,

¹ Noonan K., Reichman N. E., Corman H., Jimenez M. E. School and Community Involvement of Adolescents with Chronic Health Conditions // *Journal of Adolescent Health*. – 2020. – 67 (4). – P. 576-582.

² Li C., Wang C. Effect of Exposure to Special Olympic Games on Attitudes of Volunteers towards Inclusion of People with Intellectual Disabilities // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. – 2013. – 26 (6). – P. 515-521.

сравнивая отношение студентов-волонтеров спортивных студенческих лагерей к инвалидам, отдыхающим в них. С помощью специально разработанной шкалы оценивания волонтеры высказали своё мнение три раза – до, сразу после и через два месяца после завершения смены в лагере. Доказано, что подобная форма взаимодействия студентов с инвалидами способствует позитивным изменениям в их взаимоотношениях и заставляет здоровую молодёжь задуматься об улучшении жизни других людей¹.

Исследователи из Канады выявили барьеры, с которыми сталкивается городская молодёжь с ограниченными возможностями здоровья при доступе к программам физической активности и спорта в небольших канадских городах. Несмотря на довольно высокий уровень социально-культурного оснащения городов, канадские некоммерческие организации вынуждены привлекать добровольцев для работы с инвалидами на подобных объектах. Доказано, что любые изменения в государственной политике, направленные на улучшение спортивного оснащения дворов и спортивных городских площадок, должны учитывать более широкий национальный контекст, а также существующие многочисленные ограничения, влияющие на опыт участия спортивных волонтеров и людей с ограниченными возможностями здоровья во всех городских центрах Канады².

Спортивные мероприятия мирового масштаба привлекают к себе людей со всего мира не только как зрителей, но и как волонтеров. Спортивные добровольческие организации, работающие на крупных международных соревнованиях, являются платформой для взаимодействия волонтеров разных этнических групп и способствуют успешной межкультурной коммуникации волонтеров. Исследователи из Нидерландов отмечают, что в европейском некоммерческом секторе сложилась ситуация, когда в молодёжных общественных организациях работают представители разных этнических групп, что

¹ Bergman M., Hanson C. The Relationship Between Participation in a Sports Camp and Students' Attitudes Towards Persons with Disabilities // *Occupation Therapy in Health Care*. – 2000. – 12 (4). – P. 51-63.

² Mason C. W., McHugh T., Strachan L., Boule K. Urban Indigenous Youth Perspectives on Access to Physical Activity Programs in Canada // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. – 2019. – 11 (4). – P. 543-558.

периодически провоцирует межэтнические конфликты. Доказано, что спортивные организации больше, чем любые другие, способствуют социальной интеграции молодёжи за счёт постоянного взаимодействия волонтеров из разных стран в рамках международных соревнований¹. Английские социологи подтверждают, что молодёжь с опытом волонтерского участия в спортивных мероприятиях менее подвержена этническим конфликтам². Российские социологи рассматривают проблему формирования толерантности студентов в процессе подготовки и реализации спортивного добровольчества. Доказано, что участие молодёжи в спортивных мероприятиях различного уровня способствует созданию благоприятной поликультурной среды и является одной из самых эффективных форм работы университетов в решении проблем толерантности³.

Второй блок исследований спортивного волонтерства как молодёжного участия рассматривает проблему мотивации добровольцев. Венгерские социологи изучают мотивационные факторы волонтерства в студенческом спорте. Доказано, что социальные факторы являются самыми важными для добровольцев, в то время как самыми неважными являются обязательственные факторы. Возможность карьерного роста больше важна для волонтеров мужского пола, а получение новых эмоций – для девушек. Выявлено, что студенты университетов оказывают большое влияние на продвижение идей в местных сообществах, поэтому их опыт спортивной волонтерской деятельности может способствовать развитию культуры волонтерства в общественном сознании молодёжи в целом⁴. Исследователи из Великобритании изучают мотивацию спортивных волонтеров на примере воскресных массовых пробежек в парках, где принимают участие не только спортсмены-любители, но и активно вовлечены студенты-добровольцы. По результатам интервью со спортивными волонтерами было выявлено, что

¹ Wiertz D. Segregation in Civic Life: Ethnic Sorting and Mixing across Voluntary Associations // *American Sociological Review*. – 2016. – 81 (4). – P. 800-827.

² Fumagalli E., Fumagalli L. Neighbourhood Ethnic Composition and Social Participation of Young People in England // *Economic Journal*. – 2019. – 129 (622). – P. 2459-2521.

³ Fazleeva E. V., Shalavina A. S., Rahimov M. I., Pasmurov G. I. Tolerance Education of Students in the Process of Preparation and Implementation of the Sports Volunteer // *Social Sciences Pakistan*. – 2016. – 11 (7). – P. 1138-1140.

⁴ Mirsafian H., Mohamedinejad A. Sport volunteerism: A Study on Volunteering Motivations in University Students // *Journal of Human Sport and Exercise*. – 2012. – 7 (1). – P. 73-84.

большая часть сегодняшних добровольцев – это бывшие участники пробежек, основным мотивом которых стала помощь другим в приобщении к городской культуре здорового образа жизни. Полученные данные доказывают дуальную природу мотивации британской молодёжи – с одной стороны, участие в подобных городских спортивных мероприятиях повышает мотивацию к спорту в целом, с другой стороны, повышается мотивация к участию в добровольческой деятельности у студентов-спортсменов¹.

Особую роль в европейских исследованиях спортивного волонтерства занимает изучение мотивации социально незащищённых молодых людей. Значительное количество молодых европейцев живут или рискуют оказаться в социально уязвимом положении. Существуют различные каналы (образование, связи, досуг), с помощью которых молодёжь может улучшить своё социальное положение. Бельгийские социологи доказали, что спортивные достижения способствуют личностному и социальному развитию молодёжи. Помимо непосредственного участия спортсменов в соревнованиях, волонтерская деятельность в сфере физической культуры и спорта тоже предоставляет возможности для личностного и профессионального развития молодых людей. Основным мотивом для участия в спортивном добровольчестве у социально незащищённой молодёжи является получение специальных навыков и ключевых компетенций. Доказано, что волонтерская деятельность играет одну из важнейших ролей в развитии компетенций социально незащищённой европейской молодёжи².

Спортивное волонтерство является одним из лидирующих направлений молодёжного добровольчества во всем мире. Многие исследования, посвящённые изучению социального участия молодёжи в спорте, фокусируются на сочетании эгоистических и альтруистических мотивов добровольчества, важности семьи и роли образовательных учреждений в принятии решения о добровольчестве и его

¹ Hallett R., Gombert K., Hurley M. Everyone Should Muck In: A Qualitative Study of Parkrun Volunteering and Conflicting Motivations // *Journal of Nonprofit and Public Sector Marketing*. – 2020.

² Buelens E., Theeboom M., Vertonghen J. Socially Vulnerable Youth and Volunteering in Sports: Analyzing a Brussels Training Program for Young Soccer Coaches // *Social Inclusion*. – 2015. – 3 (3). – P. 82-97.

предполагаемых долгосрочных выгодах. Однако существуют исследования, изучающие мотивацию и опыт спортивного волонтерства молодёжи, которая не считает себя добровольцами. Так, британские социологи изучили опыт молодых добровольцев из неблагополучных районов Лондона, которые были частью неформальных городских волонтеров, создающих наследие Олимпийских и Паралимпийских игр 2012 года. Результаты исследования показывают, что, в отличие от большинства официальных волонтеров, эти молодые люди не были частью стратегического плана, а помогали случайно, только когда к ним обращались за помощью. В ходе интервью молодые люди отметили, что участие в добровольческих практиках помогло им развить навыки, связанные с формированием социального и культурного капитала. Полученные данные имеют важное значение для понимания того, как формируется молодежное волонтерство в Великобритании, а также для разработки соответствующей политики поощрения к спортивному добровольчеству более широкого круга молодых людей¹.

Третий блок исследований рассматривает спортивное волонтерство как источник формирования и развития человеческого капитала молодёжи. Исследователи из Австралии рассматривают спортивное волонтерство как средство, с помощью которого молодые люди могут развивать определённые навыки и проявлять активную гражданскую позицию. Доказано, что существующий жёсткий отбор добровольцев на спортивные мероприятия предоставляет молодым людям дополнительные возможности для накопления и мобилизации культурного и социального капитала, а также помогает формировать более высокий уровень человеческого капитала, в отличие от тех, кто не имеет волонтерского опыта в сфере спорта. Авторы отмечают, что спортивное волонтерство в сознании современной молодёжи является привилегированным видом добровольчества, доступ к которому может быть закрыт для людей, не

¹ Bradford S., Hills L., Johnston C. Unintended Volunteers: The Volunteering Pathways of Working-Class Young People in Community Sport // *International Journal of Sport Policy*. – 2016. – 8 (2). – P. 231-244.

обладающих определённым уровнем профессиональных компетенций¹. Вклад спортивного волонтерства в развитие человеческого капитала молодёжи довольно часто изучается европейскими социологами. Так, бельгийские учёные оценивают условия, необходимые для развития человеческого капитала подростков посредством спортивного волонтерства и определяют, каким образом он может быть сформирован. Доказано, что опыт участия в спортивных проектах способствует развитию человеческого капитала молодёжи, позволяя волонтерам не только размышлять, но и критически участвовать в преобразовании своего собственного положения в обществе, расширении своих прав и возможностей².

Четвёртый блок исследований спортивного волонтерства как молодёжного участия рассматривает управленческие проблемы данного вида деятельности на разных уровнях. Многие авторы в своих работах затрагивают такие управленческие технологии, как рекрутинг и удержание спортивных добровольцев. Британские социологи поднимают проблему приверженности молодёжи к спортивному волонтерству на основе развития их социального капитала. Исследование основано на изучении государственных программ Великобритании в сфере спорта, в которых социальный капитал является ключевой темой. Доказано, что опыт спортивного волонтерства влияет на развитие личности и приверженность добровольцев к участию в жизни спортивного сообщества. Авторы приходят к выводу о том, что опыт спортивного волонтерства у молодых людей способствует развитию их социального капитала³. Норвежские социологи изучают долгосрочную приверженность, присущую сообществу молодых спортивных добровольцев, с точки зрения более широких социальных процессов. Они рассматривают приверженность как высокий уровень социальной интеграции (социализации, институционализации); создание коллективной идентичности, сосредоточенной вокруг конкретного вида спорта;

¹ Storr R., Spaaij R. 'I Guess it's Kind of Elitist': The Formation and Mobilization of Cultural, Social and Physical Capital in Youth Sport Volunteering // *Journal of Youth Studies*. – 2017. – 20 (4). – P. 487-502.

² Buelens E., Theeboom M., Vertonghen J. Conditions for Successfully Increasing Disadvantaged Adolescents' Engagement in and Development Through Volunteering in Community Sport // *Social Inclusion*. – 2017. – 5 (2). – P. 179-197.

³ Nichols G., Taylor P., James M., Holmes K., King L., Garrett R. Pressures on the UK Voluntary Sport Sector // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. – 2005. – 16 (1). – P. 33-50.

поддержание и укрепление социальной идентичности и солидарности путем сопротивления внешним организациям. Доказано, что концентрация на более широких социальных процессах важно для менеджеров инфраструктурных организаций, желающих сохранить добровольцев¹.

Учёные в США выявили две модели удержания волонтеров в сфере молодёжного спорта: приверженность определённым задачам или волонтерским позициям и приверженность конкретной организации². Исследователи из Австралии выделяют четыре типа молодых добровольцев, которые с наибольшей вероятностью останутся в организации: «мамы и папы», «рядовые специалисты», «сверх-волонтеры» и «работающие ради команды»³. Социологи из Тайваня, опираясь на теорию обоснованных действий, доказали, что приверженность молодых спортивных волонтеров конкретной организации влияет на их позитивное поведение, отношение к этой организации и лояльность её членов. Научно доказано, что осознание своей приверженности имеет прямое влияние на поведение членов волонтерской организации, включая их намерения оставаться вовлеченными в свою деятельность и позитивно говорить о своей организации другим людям⁴.

Американские социологи рассматривают опыт спортивного волонтерства молодёжи в контексте социального взаимодействия, его влияние на набор команды волонтеров и будущие намерения. Доказано, что хорошее социальное взаимодействие волонтеров существенно влияет на их набор и отбор, что, в свою очередь, позволяет говорить о намерениях добровольцев повторить этот опыт, а также распространяет позитивные новости о волонтерском опыте среди потенциальных добровольцев. Взаимодействие волонтеров друг с другом через социальные сети способствует позитивному опыту и влияет на будущие

¹ Kristiansen E., Skirstad B., Parent M., Waddington I. 'We Can Do It': Community, Resistance, Social Solidarity, and Long-Term Volunteering at a Sport Event // *Sport Management Review*. – 2015. – 18 (2). – P. 256-267.

² Kim M., Chelladurai P., Trail G. A Model of Volunteer Retention in Youth Sport // *Journal of Sport Management*. – 2007. – 21 (2). – P. 151-171.

³ Engelberg T., Skinner J., Zakus D. What Does Commitment Mean to Volunteers in Youth Sport Organizations? // *Sport in Society*. – 2014. – 17 (1). – P. 52-67.

⁴ Lu W., Cheng C., Lin S., Chen M. Sport Volunteering and Well-being among College Students // *Current Psychology*. – 2019. – 38 (5). – P. 1215-1224.

намерения добровольцев. Доказано, что социальные сети являются экономически эффективным инструментом управления добровольцами с точки зрения их набора для небольших спортивных организаций, которые обычно сталкиваются с ограниченными ресурсами¹.

Американские исследователи выделили взаимосвязь между вовлеченностью в спортивное добровольчество, самооценкой молодёжи и депрессией у подростков. Доказано, что уровень самооценки старшеклассников прямо влияет на их вовлеченность в волонтерскую деятельность и наличие частых депрессий. Доказано, что добровольческое участие снижает депрессивные симптомы у молодых людей путем повышения их самооценки, что может использоваться в разработке эффективной рекрутинговой стратегии привлечения волонтеров и поддержания уровня социального участия молодёжи в некоммерческих организациях².

Важной исследовательской проблемой в контексте управления спортивными добровольцами является социальное наследие волонтерских практик, которое остается для городов и их жителей в разных странах. Норвежские социологи в качестве такого наследия рассматривают готовность волонтеров зимних студенческих Олимпийских игр 2016 года продолжать заниматься данным видом деятельности в своих городах. Доказано, что молодые добровольцы положительно относятся к своему опыту работы в качестве волонтера и к тому, как это повлияло на их личностное развитие. Особое значение для волонтеров имеют такие управленческие задачи, как получение обратной связи, организация обучения и коммуникация с волонтерами, отсутствие которых может стать препятствием для будущего добровольческого участия³.

Таким образом, исследования спортивного волонтерства как молодежного участия в контексте социокультурного и экономического развития территорий

¹ Lee Y., Kim M., Koo J. The Impact of Social Interaction and Team Member Exchange on Sport Event Volunteer Management // Sport Management Review. – 2016. – 19 (5). – P. 550-562.

² Bang H., Won D., Park S. School Engagement, Self-Esteem, and Depression of Adolescents: The Role of Sport Participation and Volunteering Activity and Gender Differences // Children and Youth Services Review. – 2020. – 113 (20). – P. 105-112.

³ Sand T. 2016 Winter Youth Olympic Games: Planning for a Volunteer Legacy // International Journal of Sport Management and Marketing. – 2017. – 17 (4). – P. 242-260.

показали, что данный феномен представляет научный интерес в следующих проблемных ракурсах: доступность спортивного волонтерства для всех членов общества; мотивация молодёжи к участию в спортивных мероприятиях; спортивное волонтерство как источник формирования и развития человеческого капитала молодёжи; управление деятельностью спортивных волонтеров на разных уровнях.

3.3. Исследовательские фокусы изучения медиаволонтерства в условиях цифровизации и актуальные тренды социального участия молодежи в информационных городских пространствах

Цифровизация общества вызывает много споров, как любая социальная трансформация, этот процесс не может быть ни абсолютным благом, ни абсолютным злом. Цифровизация общества становится новой средой для взаимодействия людей и социальных общностей. По данным исследовательской компании Mediascope, 78 % населения России старше 12 лет хотя бы раз в месяц пользуется интернетом, а основным устройством для выхода в интернет стал смартфон (67 % жителей используют его для этой цели). Нужно отметить, что обычно в социальные сети заходят 47 % пользователей, в ситуации ужесточения режима самоизоляции этот показатель увеличивается до 59 %¹.

Тотальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества формирует несколько тенденций. Первая тенденция – это изменение повседневных практик. Развитие мобильных устройств и приложений вместе с доступностью тарифов на интернет формируют склонность к реализации ежедневных и периодических дел при помощи гаджетов. Использование новых технологий неразрывно связано со второй тенденцией – формированием потребности в развитии цифровых компетенций. Сюда относится способность ставить и решать профессиональные и бытовые задачи при помощи цифровых технологий и способность создавать и

¹ Данные об аудитории интернета в России / Mediascope. – 2020. – URL: <https://mediascope.net/news/1209287/> (дата обращения: 09.11.2020).

(или) использовать контент при помощи цифровых технологий¹. Пандемия Covid-19 обострила потребность в формировании цифровых компетенций у всех социально-демографических групп. И молодежь в изменившихся условиях находится в более выигрышном положении по сравнению с представителями среднего и старшего возрастов, так как они не мыслят себя без виртуальной среды и не отделяют онлайн от офлайн-взаимодействия.

В исследовательских подходах к изучению социального участия в Интернет на данный момент нет единства терминологии. Здесь можно выделить две причины. Первая причина кроется в разнообразии возможной деятельности, что сформировало множество понятий, обозначающих сходные виды деятельности. Второй фактор заключается в том, что сами интернет-пользователи не расценивают свою деятельность как волонтерскую. Они «просто помогают», поэтому не нуждаются в понятии, которое стало бы для них элементом самоидентификации.

В зарубежных исследованиях используется термин AOL-волонтерство, связанный с ресурсом «America OnLine». Это был первый интернет-ресурс для коммуникации, который развивался благодаря усилиям добровольцев: создателей контента, модераторов, гидов, онлайн-учителей, менеджеров и обладателей других коммуникационных ролей. Г. Постиго (H. Postigo) пишет, что в 90-х годах XX века это была совершенно добровольная деятельность, основанная на ощущении собственной причастности к развитию интернет-сообщества, в ту пору еще очень немногочисленного². С расширением географии интернет-сообщества от термина AOL-волонтерство «отпала» буква А, и наиболее популярным стал термин online-volunteering. В документах Организации Объединенных Наций онлайн-волонтерство определяется как «волонтерство, которое полностью или частично осуществляется через интернет дома, на работе,

¹ Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики / Деловой портал «Компетенции». – 2018. – URL: http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (дата обращения: 14.07.2020).

² Postigo H. America Online Volunteer: Lessons from an Early Co-Production Community // International Journal of Cultural Studies. – 2009. – 12 (5). – P. 452-461.

в кафе или любом другом месте»¹. Такой подход не конкретизирует средства, при помощи которого осуществляется эта деятельность. А в рамках онлайн-волонтерства выделяют микроволонтерство, определяя так добровольческую деятельность при помощи мобильных устройств и мобильных приложений², хотя другие исследователи используют все эти понятия как взаимозаменяемые³. При этом отдельного понятия «макроволонтерство» нет, его роль играет корневое понятие – онлайн-волонтерство.

Анализ исследовательских подходов к определению волонтерства в сети Интернет показал, что между разными понятиями, которые используются в российской и зарубежной литературе (онлайн-волонтерство, кибер-волонтерство, медиаволонтерство), нет значительной семантической дифференциации. Скорее, речь идет о традиции употребления выше представленных понятий в разных языках и исследовательских традициях⁴. Медиаволонтерство – термин, прижившийся в российских исследованиях, онлайн-волонтерство чаще встречается в работах зарубежных авторов.

В самом общем смысле медиаволонтерство можно определить как добровольческую деятельность в любой сфере (образование, культура, юриспруденция, журналистика и т.д.) с использованием средств распространения информации в сети (медиа). Как вид социального участия медиаволонтерство представляет собой социальные практики и коллективную деятельность молодежи, направленные на удовлетворение общественных интересов, потребностей самой молодежи и развитие гражданского общества, осуществляемую в рамках повседневной жизни при помощи средств коммуникации. Но это понятие сосуществует с другими, например: кибер-волонтерство, онлайн-волонтерство и другими.

¹ Pena-Lopez I. Online Volunteers: Knowledge Managers in Nonprofits // The Journal of Information Technology in Social Change. – 2007. – 1. – P. 142-159.

² Там же.

³ Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // Journal of Heritage Tourism. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

⁴ Кульминская А. В. Добровольчество в сети Интернет: проблемы идентификации / А. В. Кульминская // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (62). – С. 169-178.

Медиаволонтерство можно рассматривать как деятельность, упрощающую вход молодежи в добровольчество. Эта деятельность не предполагает включения в коллектив или непосредственное взаимодействие пользователей с кем бы то ни было. Опосредованность, удаленность и виртуальность, спонтанность подключения, гибкость в сроках участия и мотивации – это основные характеристики медиаволонтерства как формы социального участия¹. Можно было бы добавить анонимность, но процессы цифровизации ведут к деанонимизации пользователей интернета, поэтому эта характеристика становится опциональной. Некоторые авторы рассматривают медиаволонтерство как дополнительный вид деятельности, расширяющий возможности обычных волонтеров².

В рамках медиаволонтерства выделены различные практики и направления деятельности: политическое, социальное, образовательное, экологическое, культурное, профессиональное. Последнее известно, как «pro-bono», то есть безвозмездное оказание помощи в рамках своих профессиональных компетенций ради общественного блага. Но, с другой стороны, медиаволонтерство – это перенос традиционных волонтерских практик в Интернет, предоставляющий бесконечное количество площадок, где могут встречаться люди, готовые оказать помощь, и те, кто нуждается в ней.

Отдельного внимания заслуживают классификации медиаволонтеров по типу организации взаимодействия или деятельности медиаволонтеров. Так, И. Пена-Лопез (I. Pena-Lopez) выделяет четыре типа медиаволонтеров. Онлайн-адвокаты занимаются деятельностью, направленной на защиту прав человека. Они создают и распространяют петиции, создают публикации, посвященные поддержке незащищенных слоев населения и деятельности связанных с ними организаций. Онлайн-консультанты оказывают помощь по различным вопросам, в которых они компетентны как на любых посещаемых форумах, так и на специальных площадках, созданных НКО. Первые два типа – это добровольное

¹ Там же.

² Seddighi H., Salmani I. Online Volunteering, A Way to Reduce Health Inequalities: A Review Study // Journal of Community Health Research. – 2018. – 7 (4). – P. 256-264.

участие, но если у онлайн-консультанта появляется официальная роль в рамках НКО или проекта, то можно считать, что он вышел на уровень онлайн-волонтера автономного проекта, и у него сформировалась настоящая вовлеченность. Суть в том, что этот статус создает ему значительно большую ответственность. И, наконец, последний тип в этой классификации – чистые онлайн-волонтеры, это руководители направлений деятельности НКО, которые достаточно вовлечены, чтобы пропагандировать свою деятельность, инициировать новые онлайн-проекты и умножать численность привлеченных к социальному участию интернет-пользователей¹.

В.А. Смирнов разработал типологию медиа-волонтеров, основанную на специфике организации сообществ. Для нас наиболее интересны два типа. Первый тип – франшизы сообществ медиаволонтеров, региональные или местные подразделения крупных объединений. Это сообщества, решающие проблемы города или агломерации. Автор в качестве примеров приводит различные сообщества pro-бopo и поисковые сообщества. Второй – медиаволонтеры прямого действия. Они не входят ни в какую организацию, но способны сами создать сообщество единомышленников для решения конкретных проблем местного сообщества. В городе Екатеринбурге примером такого сообщества являются люди, объединившиеся в команду «Парки и скверы». Третий тип, названный В.А. Смирновым – сервисное медиаволонтерство, может быть рассмотрен как практика социального участия на уровне города, так как включает в себя помощь в организации конкретных мероприятий, но непосредственно виртуальных практик в нем не так уж много: оказание медиа-поддержки, помощь в создании промо-материалов, а основная работа осуществляется традиционно².

Я. Амичай-Гамбургер (Y. Amichai-Hamburger) сформулировал преимущества медиа-волонтерства, разделив их на три категории: личные, межличностные и групповые. Преимущества для личности включают в себя свободу на входе и в

¹ Pena-Lopez I. Online Volunteers: Knowledge Managers in Nonprofits // The Journal of Information Technology in Social Change. – 2007. – 1. – P. 142-159.

² Смирнова В. А. «Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte)» / В. А. Смирнова // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2019. – Т. 25. – № 3. – С. 71-93.

рамках деятельности, возможность рефрейминга идентичности и поиска себя. Преимущества для межличностного взаимодействия включают в себя возможность раскрытия личности за счет свойств опосредованного взаимодействия, формирование эмоциональных связей, избавление от стереотипов. Преимущества для групп и сообществ кроются в формировании групп по интересам, разнообразии каналов коммуникации, в возможности создания коллективного банка данных. В ходе оформления общности медиаволонтеров формируется групповая идентичность, групповая сплоченность и надзор, система мотивации и положительного подкрепления¹.

Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2018 году опубликовал результаты изучения практик благотворительности и волонтерства в социальных сетях VKontakte и Facebook. Материалы исследования содержат данные о том, что самый простой способ социального участия – это отметки под постами (лайки) и шеринг, то есть распространение информации². Если пользователь поставил лайк, мы можем судить о том, что он видел пост, отметил его как понравившийся или значимый, продемонстрировав участие. Вовлеченность начинается тогда, когда пользователь предпринимает дополнительные действия: репост записи, вступит в переписку в комментариях или личных сообщениях организаторов, переведет деньги на лечение или выйдет на уровень офлайн деятельности: принесет корма для животных, посетит мероприятие.

Р. Раджа-Юсоф (R.J. Raja-Yusof) и др. пишут о том, что медиаволонтерство реализуется в логике традиционного оффлайн-волонтерства через продвижение, обучение, фандрайзинг, обмен знаниями и деятельность людей по решению проблем³. При этом деятельность добровольных помощников может быть, как индивидуальной, так и групповой. Она может быть связана с деятельностью

¹ Amichai-Hamburger Y. Potential and Promise of Online Volunteering // *Computers in Human Behavior*. – 2008. – 24. – P. 544-562.

² Мерсиянова И. В. Лайк, шер, хэпп: благотворительность и волонтерство в сетях / И. В. Мерсиянова, О. А. Громова. – Москва : НИУ ВШЭ, 2018. – 38 с.

³ Raja-Yusof R. J., Norman A. A., Abdul-Rahman S. S. Cyber-Volunteering: Social Media Affordances in Fulfilling NGO Social Missions // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – 57. – P. 388-397.

какой-то организации или совершенно добровольной, не зависящей от организационных структур.

М.Г. Гонсалес-Лизарада (M.G. Gonzalez-Lizarraga) и др. пишут, что все чаще сайты социальных сетей, созданные для общения и развлечения, становятся площадками для обучения и участия в общественной, политической или культурной жизни. Ленты новостей и подписки в социальных сетях формируют для молодежи актуальную реальность, заменяя повестку новостей из официальных источников¹. Помимо этого, социальные сети позволяют видеть единомышленников, тех, кто отметил, перепостил или прокомментировал интересный материал. Обсуждение, переживание общих эмоций, ощущение близости и высокого уровня сопереживания проблеме способствуют объединению отдельных пользователей в группы и создают ощущение общности и уверенности в своих силах. И не важно, что будет предметом исходного сообщения: приглашение на мероприятие или отчет о нем, сбор денег, флеш-моб для поддержки какой-то конкретной персоны в стиле «ЯМы».

Но деятельность медиаволонтера не обязательно должна быть интерактивной. Здесь важно, что участники инвестируют свое время в чужое благо². Написание, редактирование и перепроверка статей в Википедии и на других ресурсах, создание дизайна, работа в программах обработки изображений и других программах по просьбе, размещенной на специальных площадках, размещение объявлений в приложениях, не предполагающих разворачивания коммуникации (например, Яндекс-карты или Яндекс-навигатор).

Все перечисленные виды деятельности можно отнести к краудсорсингу. Этот тип организационного взаимодействия изначально объединял людей из разных городов для решения проблем какой-то организации. Так создавалась Википедия, действовали Starbucks, Lay's и другие крупные корпорации, и предприятия. Идея привлечения множества людей для решения проблемы, которой раньше

¹ Gonzalez-Lizarraga M. G., Becerra-Traver M. T., Yanez-Diaz M. B. Cyberactivism: A New Form of Participation for University Students // Media Education Journal Comunicar. – 2016. – 46. – P. 47-54.

² Ackermann K., Manatschal A. Online Volunteering as a Means to Overcome Unequal Participation? The Profiles of Online and Offline Volunteers Compared // New Media & Society. – 2018. – 20 (12). – P. 4453-4472.

занимались подразделения или отдельные сотрудники, используется как в маркетинговых целях, так и при выработке решений для решения проблем города.

Агентство стратегических инициатив (далее: АСИ) использует краудсорсинговые площадки для реализации проектов развития городов. В частности, на платформе «100 городских лидеров» АСИ совместно с корпорацией «Росатом» собирают единомышленников в проектные команды для изменения городской среды. Сами проекты – инициатива активных граждан¹. А. Баруш (A. Baruch) и др. связывают стремление участвовать в краудсорсинговых проектах с желанием оставить след в окружающем мире, почувствовать причастность к решению проблемы. Проекты для краудсорсинга чаще всего разовые, поэтому у участников есть чувство уникальности своей деятельности и общего результата².

Канадские исследователи К. Катсурагава, К. Шу и Э. Ланк (K. Katsuragawa, Q. Shu, E. Lank) изучили интересную практику, которая близка к краудсорсингу, но работает по иному принципу. Проект «PledgeWork» (дословно: обязательная работа) включает в себя три типа субъектов: благотворительные организации, заказчиков и волонтеров. Работает это по следующей схеме: заказчик формулирует задание, требования к его выполнению и сумму вознаграждения. Волонтеры выполняют задание, а заказчик перечисляет вознаграждение той организации, которую укажет волонтер. Взаимодействие происходит исключительно при помощи Интернет-ресурсов, работа производится в удобное время и в удобном для волонтера месте, а формальной связи между участниками взаимодействия может не быть, так как взаимодействие может носить разовый характер³.

П. Аукотт, Х. Саутхолл и К. Экинсмит (P. Aucott, H. Southall, C. Ekinsmyth) проанализировали особенности мотивации медиаволонтеров при составлении

¹ Краудсорсинг для проектов развития городов / Агентство Стратегических Инициатив (АСИ). – 2019. – URL: <https://asi.ru/news/105124/> (дата обращения: 13.11.2020).

² Baruch A., May A., Yu D. The Motivations, Enablers and Barriers for Voluntary Participation in an Online Crowdsourcing Platform // Computers in Human Behavior. – 2016. – 6. – P. 923-931.

³ Katsuragawa K., Shu Q., Lank E. PledgeWork: Online Volunteering Through Crowdtwork // Human Factors in Computing Systems. – 2019. – 311. – P. 1-11.

онлайн-карты Великобритании. Суть работы заключалась в сопоставлении карт начала XX века и современных карт. В ходе анализа интервью авторы выявили, что работа должна приносить волонтерам удовлетворение, даже в относительно короткие начальные этапы работы, а потом деятельность начинает затягивать и люди увлекаются ее ритмом. В изученном проекте качестве стимула была использована система рейтингов, но такая геймификация привлекает далеко не всех волонтеров. Каждый проект будет обладать специфической мотивацией, обусловленной его социальной значимостью, содействием науке, приращению знания. Отдельный фактор – интерес к собственной локации или месту, имеющему какое-то значение для личности, а уже в процессе работы формируется вовлеченность, которую авторы трактуют как зависимость от процесса деятельности¹. О таком характере мотивации пишут и другие авторы^{2,3}.

Интересную практику краудсорсинга и ее анализ дают А. Дубей, Н. Найк (A. Dubey, N. Naik). Деятельность медиаволонтеров здесь сводится к публикации и попарной оценке фотографий городов по шести перцептивным характеристикам: безопасный, живой, скучный, богатый, удручающий, красивый. После обучения нейросеть сможет сама определять параметры территорий для исследовательских или управленческих целей⁴. Таким образом медиаволонтеры работают как участники исследования, но при этом они действуют в интересах местных сообществ, для которых в дальнейшем будут приниматься управленческие решения. Еще подход к организации работы медиаволонтеров для развития города описывает группа ученых из Сиднея. Австралийский музей, расположенный в столице страны, создал крупную программу «гражданской науки» DigiVol. В рамках этой программы были набраны волонтеры для

¹ Aucott P., Southall H., Ekinsmyth C. Citizen Science Through Old Maps: Volunteer Motivations in the GB1900 Gazetteer-building Project // *Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. – 2019. – 52 (3). – P.150-163.

² Naqshbandi-Khushnood Z., Liu C., Taylor S., Lim R., Ahmadpour N., Calvo R. Using Gratitude to Improve the Sense of Relatedness and Motivation for Online Volunteerism // *International Journal of Human-Computer Interaction*. – 2020. – 36 (14). – P. 1325-1341.

³ Cox J., Oh E. Y., Simmons B., Graham G., Greenhill A., Lintott C., Masters K., Woodcock J. Doing Good Online: The Changing Relationships Between Motivations, Activity and Retention Among Online Volunteers // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2018. – 45 (5). – P. 1031-1056.

⁴ Dubey A., Naik N., Parikh D., Raskar R., Hidalgo C.A. Deep Learning the City: Quantifying Urban Perception at a Global Scale // *Computer Vision*. – 2016.

оцифровки коллекции музея, что способствовало поддержке и развитию науки, туризма и образования. В ходе анализа процедуры поиска и найма волонтеров для таких сложных проектов, авторы пишут о том, что нужно обращать внимание на три основных компонента: доступность, ресурсы и сети. Доступность означает осведомленность общества о возможности участия, доступность включает в себя не только коммуникационную составляющую, но и физическую, техническую и географическую доступность. На втором месте стоят финансовые и человеческие ресурсы, необходимые для поиска и управления волонтерами. Сети – это текущие и потенциальные партнерские отношения с другими организациями и структурами, которые могут способствовать созданию новых возможностей для нового поиска и набора волонтеров. Сети включают в себя корпоративное волонтерство или партнерство между организациями¹.

Отдельное направление исследований медиаволонтерства – это социальное участие в критических ситуациях. Ю. Ху (Y. Hu) и др. изучили дистанционную деятельность волонтеров при ликвидации последствий стихийных бедствий. Суть проблемы заключается в том, что чрезвычайная ситуация требует составления достоверной карты районов, пострадавших от стихийных бедствий. Это можно делать на основе изображений, полученных с помощью дистанционного зондирования. Авторы отмечают, что это достаточно трудоемкая работа, на которую у официальных структур нет достаточного ресурсов для быстрой ее реализации. С одной стороны, не важно, работать со спутниковыми технологиями могут жители любых территорий, но создавать детальные карты с фотографиями пострадавших домов и улиц могут только местные жители или жители близлежащих городов, готовые приехать, сфотографировать объекты и загрузить в сеть, дополнив спутниковые карты. Исследователи отмечают, что при такой

¹ Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowdsourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // Journal of Heritage Tourism. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.

работе нужен единый центр управления волонтерами, потому что иначе есть риск получения фрагментарной карты¹.

О.А. Башева и П.О. Ермолаева провели метаанализ научных трудов о медиаволонтерстве. Они сделали вывод, что медиаволонтеры в условиях чрезвычайных ситуаций могут выполнять три вида работы: сбор и анализ данных, разработку новых цифровых платформ и приложений для быстрого и эффективного распределения помощи и ресурсов, и мобилизовать онлайн-сообщества для помощи специальным службам и пострадавшим. И если первые два вида работы – это чистая онлайн-деятельность, то последний предполагает выход в офлайн².

Цифровизация волонтерской работы – это один из компонентов цифровизации общества. Некоторые виды работы, например, работа с фото или видеоматериалами, требуют высокого уровня сформированности цифровых компетенций, но основные виды социального участия – распространение информации – не предъявляют высоких требований к медиаволонтерам.

Мы уже упоминали, что в области волонтерских практик с использованием информационно-коммуникационных технологий сохраняется размытость понятийного аппарата. Мы полагаем, что, с одной стороны, это обусловлено разрозненностью исследований этой деятельности, а с другой стороны – это результат того, что волонтерство в сети – это часто не чистый тип волонтерства, а способ его реализации. Важно, что это доступный каждому человеку способ социального участия в различных сферах жизни общества – от политики до сохранения окружающей среды, от проведения исследований в различных отраслях знаний до ликвидации чрезвычайных ситуаций. Благодаря существованию местных и региональных интернет-сообществ, сформировавшихся спонтанно на городских порталах и форумах или «призванных» некоммерческими и общественными организациями,

¹ Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. Prioritizing Disaster Mapping Tasks for Online Volunteers Based on Information Value Theory // *Geographical Analysis*. – 2017. – 49. – P. 175-198.

² Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // *Вестник Института социологии*. – 2020. – Том 11. – № 1. – С. 47-69.

медиаволонтерство имеет большой потенциал для решения проблем местного значения. Даже публичное обсуждение проблем можно определить как медиаволонтерство, так как это деятельность по распространению информации и привлечению людей к социальному участию. Но для понимания этого феномена важно понимать, что медиаволонтерство – это только один вид деятельности среди многих в области социального участия в онлайн-пространстве. Однако именно эта деятельность формирует потенциал для развития онлайн-волонтерства в целом. Эта роль медиаволонтерства обусловлена его информационно-коммуникативной природой, нацеленностью на повышение информирования общества о существующих проблемах и путях их решения, способностью повышать уровень включенности людей в социальные проекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологическое исследование проблемы социального участия молодежи в социокультурном развитии городов опирается на потребность в разработке методологии междисциплинарного изучения данного феномена. Стремительная скорость социальных и экономических изменений, которые происходят в разных странах в XXI веке, трансформация структур управления при сжимании экономических ресурсов и потере доверия населения к традиционным институтам управления обостряют внимание исследователей к поведению молодых горожан. Последние в виду своей относительной «цифровой свободы» более чутко реагируют на динамику культурно-исторического контекста и политические события, попадающие в поле информационного внимания и обсуждения. Гедонистические ориентации и приоритеты личностной комфортности среди молодежи определяют возникновение точек социального напряжения не только в связи с экономическим благополучием поколения в целом, но и с угрозами для комфортной среды их повседневной жизнедеятельности.

Городские общественные пространства практически повсеместно становятся не только полем активных действий чиновников, строителей, архитекторов и предпринимателей, но и ареной самовыражения, местом досуга и отдыха, взаимодействия, коммуникации, объединения и совместных действий горожан.

В таком ракурсе феномен общественного участия в городском развитии представляется более сложным и специализированным процессом, в котором сталкиваются или пересекаются интересы разных акторов. При достаточно большом числе городских исследований архитекторов, культурологов, урбанистов, экономистов и социологов научная дискуссия в данной проблемной области пока еще явно отражает отсутствие междисциплинарного единства в его понимании.

На институциональном уровне на структуру социального участия молодых горожан влияют традиции и устоявшиеся практики национального, регионального

и местного управления, актуальные изменения городской экономики, агломерационные процессы. В политическом измерении городской культуры происходит постоянный пересмотр истории и социальных ценностей. В физическом выражении городского пространства отражаются тенденции ухода от разрушения культурно-исторического наследия к возможностям его сохранения или перераспределения функционального назначения. Свой весомый вклад вносит и диджитализация всех сфер городской жизни, обеспечивающая накопление, сохранение и широкое распространение информации¹, обуславливающая качественное изменение характера межличностной и массовой коммуникации. В данной монографии реализован анализ ключевых понятий и теоретических подходов, который позволил пересмотреть внутреннюю и внешнюю структуру участия с социологической точки зрения сквозь призму его организации и вовлечения, в том числе и в среде молодежи.

В этом научном издании сделана попытка разработки методологии исследования социального участия молодежи в социокультурном развитии городов на основе принципов компаративности и междисциплинарности. Авторы критически оценивают возможности усложнения стратегии смешивания методов партисипаторными молодежными исследованиями и виртуальным моделированием городской среды как пространства общественной активности. В таком исследовательском дизайне учитывается не только социальное измерение информированности, готовности и реального участия молодежи в социокультурной жизни городов в разных странах, но и структуры управления конструктивной активностью, а также культурно-исторические ресурсы городских территорий, формирующие городской имидж и активизирующие горожан в территориальном брендинге.

В монографии на основе вторичного анализа актуальных научных публикаций выделены проблемные ракурсы наиболее популярных среди молодежи добровольческих практик конструктивного социального участия. Молодежное

¹ Goldman S., Booker A., McDermott M. Mixing the Digital, Social and Cultural: Learning, Identity and Agency in Youth Participation // Political Science. – 2008. – P. 185-206.

волонтерство как важный ресурс развития самой молодежи становится универсальным видом социального участия, без которого сложно себе представить современные урбанизированные территории в любой стране мира сегодня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Abdul M. J., Lim S., Tahir Z. Understanding the Issues of Citizen Participation // *Journal of Nusantara Studies*. – 2019. – 4 (1). – P. 1-22.
2. Ackermann K., Manatschal A. Online Volunteering as a Means to Overcome Unequal Participation? The Profiles of Online and Offline Volunteers Compared // *New Media & Society*. – 2018. – 20 (12). – P. 4453-4472.
3. Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By «Civic Engagement»? // *Journal of Transformative Education*. – 2005. – 3 (3). – P. 236-253.
4. Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L., Holmes K. Online Volunteering at DigiVol: An Innovative Crowd-sourcing Approach for Heritage Tourism Artefacts Preservation // *Journal of Heritage Tourism*. – 2020. – 15 (1). – P. 14-26.
5. Amichai-Hamburger Y. Potential and Promise of Online Volunteering // *Computers in Human Behavior*. – 2008. – 24. – P. 544-562.
6. Andersson B., Demozzi S. PARTISPACE: National Contexts, Comparative Report. – Bologna : UNIBO. – 2016. – 150 p.
7. Arnstein, S. R. A Ladder of Citizen Participation // *Journal of the American Planning Association*. – 1969. – 35 (4). – P. 216-224.
8. Ashworth G., Tunbridge J. The Planning, Management and Marketing of the Tourist-Historic City // *The Tourist-Historic City*. – 2000. – P. 135-153.
9. Aucott P., Southall H., Ekinsmyth C. Citizen Science Through Old Maps: Volunteer Motivations in the GB1900 Gazetteer-Building Project // *Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. – 2019. – 52 (3). – P.150-163.
10. Bachen C., Raphael C., Lynn K., McKee K., Philippi J. Civic Engagement, Pedagogy, and Information Technology on Web Sites for Youth // *Political Communication*. – 2008. – 25 (3). – P. 290-310.
11. Bachman J. R., Norman W. C., Backman K. F., Hopkins C. D. The Role of Moderating Variables on Music Festival Volunteer Management // *Journal of Convention & Event Tourism*. – 2017. – 18 (3). – P. 225-243.

12. Bang H., Won D., Park S. School Engagement, Self-Esteem, and Depression of Adolescents: The Role of Sport Participation and Volunteering Activity and Gender Differences // *Children and Youth Services Review*. – 2020. – 113 (20). – P. 105-112.
13. Barnett A. Culture-Led Regeneration. Achieving Inclusive and Sustainable Growth. – London : UK Branch. – 2019. – 27 p.
14. Barrera-Fernandez D., Hernández-Escampa M., Balbuena A. Tourism Management in the Historic City. The Impact of Urban Planning Policies // *International Journal of Scientific Management and Tourism*. – 2016. – 2 (1). – P. 379-387.
15. Baruch A., May A., Yu D. The Motivations, Enablers and Barriers for Voluntary Participation in an Online Crowdsourcing Platform // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – 6. – P. 923-931.
16. Baum H. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. – Berlin : Institute of Human Development. – 2001. – 175 p. – ISBN 978-0-08-043076-8.
17. Bazeley P. *Mixing Qualitative and Quantitative Approaches to Research // Marketing Management Research*. – 2004. – P. 141-156.
18. Bergman M., Hanson C. The Relationship Between Participation in a Sports Camp and Students' Attitudes Towards Persons with Disabilities // *Occupation Therapy in Health Care*. – 2000. – 12 (4). – P. 51-63.
19. Bradford S., Hills L., Johnston C. Unintended Volunteers: The Volunteering Pathways of Working-Class Young People in Community Sport // *International Journal of Sport Policy*. – 2016. – 8 (2). – P. 231-244.
20. Brandsen T., Steen T., Verschuere, B. *Co-Production and Co-Creation: Engaging Citizens in Public Services*. – New York, NY : Routledge. – 2018. – 308 p. – ISBN 978-1-138-70011-6.
21. Brock K., Pettit, J. *Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development*. – London : Warwickshire. – 2007. – 209 p.

22. Brown M. Visualization in Scientific Computing // ACM SIGGRAPH Computer Graphics. – 1987. – 21 (6). – P. 187-197.
23. Bryman A. Integrating Quantitative and Qualitative Research: How is it Done? // Qualitative Research. – 2006. – 6 (1). – P. 97-113.
24. Buelens E., Theeboom M., Vertonghen J. Conditions for Successfully Increasing Disadvantaged Adolescents' Engagement in and Development Through Volunteering in Community Sport // Social Inclusion. – 2017. – 5 (2). – P. 179-197.
25. Buelens E., Theeboom M., Vertonghen J. Socially Vulnerable Youth and Volunteering in Sports: Analyzing a Brussels Training Program for Young Soccer Coaches // Social Inclusion. – 2015. – 3 (3). – P. 82-97.
26. Burawoy M. For Public Sociology // American Sociological Review. – 2005. – 1 (70). – P. 4-28.
27. Burke J. R., Onwuegbuzie A. J. Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come // Educational Researcher. – 2004. – 33 (7). – P. 14-26.
28. Cahill H., Dadvand B. Re-conceptualising Youth Participation: A Framework to Inform Action // Children and Youth Services Review. – 2018. – 95. – P. 243-253.
29. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – URL: <https://elck.ru/RYuQV> (дата обращения: 01.01.2020).
30. Camic C., Joas H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. – Maryland : Rowman & Littlefield. – 2003. – 328 p.
31. Carreto M., Hastle H., Bermudez A. Civic Education: Handbook of Educational Psychology. – London : Routledge Publishers. – 2016. – 308 p.
32. Casselden B., Pickard A., Walton G., McLeod J. Keeping the Doors Open in an Age of Austerity? Qualitative Analysis of Stakeholder Views on Volunteers in Public Libraries // Journal of Librarianship and Information Science. – 2019. – 51 (4). – P. 869-883.

33. Chang T. C. Renaissance Revisited: Singapore as a Global City for the Arts // International Journal of Urban and Regional Research. – 2008. – 24 (4) – P. 818-831.
34. Charlton J., Giddings B., Thompson E. Understanding the Interoperability of Virtual City Models in Assessing the Performance of City Centre Squares // Environment and Planning. – 2015. – 47. – P. 1298-1312.
35. Checkoway B., Aldana A. Four Forms of Youth Civic Engagement for Diverse Democracy // Children and Youth Services Review. – 2013. – 35. – P. 1894–1899.
36. Checkoway B., Gutierrez L. Youth Participation and Community Change // Journal of Community Practice. – 2006. – 14. – P. 1-9.
37. Citizen Engagement versus Citizen Participation / Citizenlab. – URL: <https://clck.ru/S5Chf> (дата обращения: 01.01.2020).
38. Click! A Crowd-Curated Exhibition / Brooklyn Museum. – URL: <http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/> (дата обращения: 13.07.2020).
39. Community Life Survey: Experimental Online Survey Findings / UK Government. – 2015. – URL: <https://clck.ru/S5CxL> (дата обращения: 21.08.2020).
40. Cooper T. L., Bryer T. A., Meek J. W. Citizen-Centered Collaborative Public Management // Public Administration Review. – 2006. – 66. – P. 76-88.
41. Cornwall A. Unpacking Participation: Models, Meanings and Practices // Community Development Journal. – 2008. – 3 (43). – P. 269-283.
42. Cornwall A., Jewkes R. What is the Participatory Research? // Social Science and Medicine. – 1995. – 41 (12). – P. 16-29.
43. Cox J., Oh E. Y., Simmons B., Graham G., Greenhill A., Lintott C., Masters K., Woodcock J. Doing Good Online: The Changing Relationships Between Motivations, Activity and Retention Among Online Volunteers // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. – 2018. – 45 (5). – P. 1031-1056.
44. Creighton J. The Public Participation Handbook: Making Better Decisions Through Citizen Involvement. – San Francisco : Jossey-Bass. – 2005. – 77 p.

45. Creswell J. Controversies in Mixed Methods Research // The Qualitative Research. – 2011. – P. 269-283.
46. Data-set Release / World Values Survey Association. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 21.08.2020).
47. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction into Sociological Methods. – New-York : McGraw-Hill. – 1970. – 382 p.
48. Dinardi C. Unsettling the Role of Culture as Panacea: The Politics of Culture-Led Urban Regeneration in Buenos Aires // City, Culture and Society. – 2015. – 6 (2). – P. 9-18.
49. Dong-Geun O. Analysis of the Factors Affecting Volunteering, Satisfaction, Continuation Will, and Loyalty for Public Library Volunteers: An Integrated Structural Equation Model // Journal of Librarianship and Information Science. – 2019. – 51 (4). – P. 894-914.
50. Dubey A., Naik N., Parikh D., Raskar R., Hidalgo C. Deep Learning the City: Quantifying Urban Perception at a Global Scale // Computer Vision. – 2016.
51. Dwyer T. Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries. – Singapore : World Scientific Publishing. – 2018. – 1074 p. – ISBN 978-9-8131-4838-3.
52. Ecommunity in Poland / Lafarge Holcim Foundation. – URL: <https://www.lafargeholcim-foundation.org/projects/ecommunity> (дата обращения: 29.02.2020).
53. Engagement Vs Involvement / Thought exchange. – URL: <https://www.thoughtexchange.com/engagement-vs-involvement/> (дата обращения: 01.01.2020).
54. Engelberg T., Skinner J., Zakus D. What Does Commitment Mean to Volunteers in Youth Sport Organizations? // Sport in Society. – 2014. – 17 (1). – P. 52-67.
55. European Youth Goals / Official Website of the European Union. – 2020. – URL: https://ec.europa.eu/youth/policy/youth-strategy/evidence_en (дата обращения: 05.06.2020).

56. Farrugia D. Towards a Spatialized Youth Sociology: The Rural and the Urban in Times of Change // *Journal of Youth Studies*. – 2013. – 17 (3). – P. 293-307.
57. Fazleeva E. V., Shalavina A. S., Rahimov M. I., Pasmurov G. I. Tolerance Education of Students in the Process of Preparation and Implementation of the Sports Volunteer // *Social Sciences Pakistan*. – 2016. – 11 (7). – P. 1138-1140.
58. Formal, non-formal and informal possibilities of young people's participation in European cities / Spaces and styles of participation. – 2018. – URL: <http://partispace.eu> (дата обращения: 15.11.2020).
59. Fumagalli E., Fumagalli L. Neighbourhood Ethnic Composition and Social Participation of Young People in England // *Economic Journal*. – 2019. – 129 (622). – P. 2459-2521.
60. Gibney S., Mosca I., Ward M. Volunteering and Social Participation // *Irish Studies on Ageing*. – 2016. – P. 47-64.
61. Gilbreath-Holder G., Zakharchenko O. Citizen Participation Handbook. – Kiev : Project International Centre for Policy Studies. – 2002. – 117 p.
62. Gonzalez-Lizarraga M. G., Becerra-Traver M. T., Yanez-Diaz M. B. Cyberactivism: A New Form of Participation for University Students // *Media Education Journal Comunicar*. – 2016. – 46. – P. 47-54.
63. Gorlova N. I., Starovojtova L. I., Troska Z. A. Model of Stress Resistance Formation in Volunteers Through Participation in the «Sochi 2014» Project // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – № 9 (14). – P. 106-112.
64. Grandi F., Lough B., Bannister T. Global Trends in Volunteering Infrastructure a Background Paper for the 2018 State of the World's Volunteerism Report: The Thread that Binds. – Geneva : United Nations Volunteers (UNV). – 2018. – 39 p.
65. Goldman S., Booker A., McDermott M. Mixing the Digital, Social and Cultural: Learning, Identity and Agency in Youth Participation // *Political Science*. – 2008. – P. 185-206.
66. Guattari F., Rolnik S. Molecular Revolution in Brazil. – New York : Semiotext. – 2008. – 495 p.

67. Hallett R., Gombert K., Hurley M. Everyone Should Muck In: A Qualitative Study of Parkrun Volunteering and Conflicting Motivations // Journal of Nonprofit and Public Sector Marketing. – 2020.
68. Haraguchi S. New Life for Historic Cities: The Historic Urban Landscape Approach Explained. – Paris : UNESCO. – 2013. – 77 p.
69. Harald-Fredheim L. Endangerment-Driven Heritage Volunteering: Democratisation or Changeless Change // International Journal of Heritage Studies. – 2018. – 24 (6). – P. 619-633.
70. Hart R. Children's Participation: From Tokenism to Citizenship. – Florence : UNICEF Publishing. – 1992. – 39 p.
71. Hastings L., Wall M., Mantonya K. Developing Leadership Through Service Ship: Leveraging the Intersection Between Service-Learning and Professional Internship // Journal of Leadership Education. – 2018. – 17 (1). – P. 141-151.
72. Have your say! / Council of Europe. – URL: http://partispace.eu/cms/wp-content/uploads/2015/10/Have_your_say_en.pdf (дата обращения: 15.09.2020).
73. Helve H., Wallace C. Youth, Citizenship and Empowerment. – New York, NY : Routledge. – 2018. – 346 p. – ISBN 978-1-315-18290-2.
74. Hickey S., Mohan G. Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation in Development. – London : Zed Books. – 2005. – 268 p.
75. Holmes K. Volunteers in the Heritage Sector: A Neglected Audience? // International Journal of Heritage Studies. – 2003. – 9 (4). – P. 341-355.
76. Holmes K., Paull M., Haski-Leventhal D., MacCallum J., Omari M., Walker G., Scott R., Young S., Maher A. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2020. – 42 (3). – P. 1-17.
77. Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. Prioritizing Disaster Mapping Tasks for Online Volunteers Based on Information Value Theory // Geographical Analysis. – 2017. – 49. – P. 175-198.

78. Hurrelmann K., Weichert M. Lost in Democratic Transition? Political Challenges and Perspectives for Young People in Southeast Europe. – Sarajevo : Friedrich Ebert Stiftung. – 2016. – 150 p. – ISBN 978-9958-884-42-9.
79. Incremental Urbanism and the Art of Revitalization / Buildipedia.com. – 2012. – URL: <http://buildipedia.com/aec-pros/urban-planning/incremental-urbanism-and-the-art-of-revitalization> (дата обращения: 04.12.2019).
80. Jardim C., Marques-Silva S. Young People Engaging in Volunteering: Questioning a Generational Trend in an Individualized Society // Societies. – 2018. – 8 (1). – P. 8-21.
81. Johnson R. B., Onwuegbuzie A. J. Mixed-methods Research: A Research Paradigm Whose Time has Come // Onwuegbuzie Educational Researcher. – 2004. – 33 (7). – P. 14-26.
82. Katsuragawa K., Shu Q., Lank E. PledgeWork: Online Volunteering Through Crowdfunder // Human Factors in Computing Systems. – 2019. – 311. – P. 1-11.
83. Kim M., Chelladurai P., Trail G. A Model of Volunteer Retention in Youth Sport // Journal of Sport Management. – 2007. – 21 (2). – P. 151-171.
84. Kristiansen E., Skirstad B., Parent M., Waddington I. 'We Can Do It': Community, Resistance, Social Solidarity, and Long-Term Volunteering at the Sport Event // Sport Management Review. – 2015. – 18 (2). – P. 256-267.
85. Lee Y., Kim M., Koo J. The Impact of Social Interaction and Team Member Exchange on Sport Event Volunteer Management // Sport Management Review. – 2016. – 19 (5). – P. 550-562.
86. Lewin K. Action Research and Minority Problems // Journal of Social Issues. – 1946. – 2 (4). – P. 34-46.
87. Li C., Wang C. Effect of Exposure to Special Olympic Games on Attitudes of Volunteers towards Inclusion of People with Intellectual Disabilities // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. – 2013. – 26 (6). – P. 515-521.
88. Lu W., Cheng C., Lin S., Chen M. Sport Volunteering and Well-being among College Students // Current Psychology. – 2019. – 38 (5). – P. 1215-1224.

89. Marcu O. Participatory and Visual Research with Roma Youth. – Singapore : Springer. – 2017. – 117 p.
90. Mason C. W., McHugh T., Strachan L., Boule K. Urban Indigenous Youth Perspectives on Access to Physical Activity Programs in Canada // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. – 2019. – 11 (4). – P. 543-558.
91. McLean K., Pollock W. The Convivial Museum. – Washington : Association of Science-Technology Centers. – 2010. – 200 p.
92. Meijs L. Reinventing Strategic Philanthropy: The Sustainable Organization of Voluntary Action for Impact. – Rotterdam : Erasmus University. – 2010. – 50 p.
93. Michels A. Citizen Participation in Local Policy Making: Design and Democracy // *International Journal of Public Administration*. – 2012. – 35 (4). – P. 285-292.
94. Michels A. Participation in Citizens' Summits and Public Engagement // *International Review of Administrative Sciences*. – 2019. – 85 (2). – P. 211-227.
95. Mirsafian H., Mohamedinejad A. Sport Volunteerism: A Study on Volunteering Motivations in University Students // *Journal of Human Sport and Exercise*. – 2012. – 7 (1). – P. 73-84.
96. Morgan D. L. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. – Los-Angeles, CA : Sage Publications. – 2014. – 288 p.
97. Naqshbandi-Khushnood Z., Liu C., Taylor S., Lim R., Ahmadpour N., Calvo R. Using Gratitude to Improve the Sense of Relatedness and Motivation for Online Volunteerism // *International Journal of Human-Computer Interaction*. – 2020. – 36 (14). – P. 1325-1341.
98. Newton K., Giebler H. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. – Berlin : WZB. – 2008. – 201 p.
99. Nichols G., Taylor P., James M., Holmes K., King L., Garrett R. Pressures on the UK Voluntary Sport Sector // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. – 2005. – 16 (1). – P. 33-50.
100. Nilan P. Youth Sociology Must Cross Cultures // *Youth Studies Australia*. – 2011. – 30 (3). – P. 20-26.

101. Noonan K., Reichman N. E., Corman H., Jimenez M. E. School and Community Involvement of Adolescents with Chronic Health Conditions // *Journal of Adolescent Health*. – 2020. – 67 (4). – P. 576-582.
102. Olimid A. P. Civic Engagement and Citizen Participation in Local Governance: Innovations in Civil Society Research // *RSP*. – 2014. – 44. – P. 73-84.
103. Orbaşlı A. *Tourists in Historic Towns: Urban Conservation and Heritage Management*. – London : Routledge. – 2015. – 210 p.
104. Participation of Citizens in local public life / Council of Europe. – URL: <https://book.coe.int/en/root/1947-participation-of-citizens-in-local-public-life-local-and-regional-authorities-in-europe-no72.html> (дата обращения: 01.01.2020).
105. Pena-Lopez I. Online Volunteers: Knowledge Managers in Nonprofits // *The Journal of Information Technology in Social Change*. – 2007. – 1. – P. 142-159.
106. Petkovic S. Desk Study on the Value of Informal Education, with Special Attention to its Contribution to Citizenship Education, Civic Participation and Intercultural Dialogue and Learning, European Citizenship, Peacebuilding and Conflict Transformation. – Luxembourg : The European Union and the Council of Europe. – 2018. – 119 p.
107. Postigo H. America Online Volunteer: Lessons from an Early Co-Production Community // *International Journal of Cultural Studies*. – 2009. – 12 (5). – P. 452-461.
108. Public Participation Pillars / International Association for Public Participation. – URL: <https://clck.ru/S5CuB> (дата обращения: 21.08.2020).
109. Raines A. B. Wandel Durch (Industrie) Kultur: Conservation and Renewal in the Ruhrgebiet // *Planning Perspectives*. – 2011. – 26 (2). – P. 183-207.
110. Raja-Yusof R. J., Norman A. A., Abdul-Rahman S. S. Cyber-Volunteering: Social Media Affordances in Fulfilling NGO Social Missions // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – 57. – P. 388-397.
111. Reisinger A. Social Participation and Local Development – Role of Civil Nonprofit Organizations // *Economics and Business Studies*. – 2012. – 52. – P. 1-20.

112. Reason P., Bradbury H. The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. – London : Open University Press. – 2008. – 720 p.
113. Rhoads R. In the Service of Citizenship: A Study of Student Involvement in Community Service // *Journal of Higher Education*. – 1998. – 69 (3). – P. 277-291.
114. Sand T. 2016 Winter Youth Olympic Games: Planning for a Volunteer Legacy // *International Journal of Sport Management and Marketing*. – 2017. – 17 (4). – P. 242-260.
115. Satherley S. Identifying Landscape Meanings: Images and Interactions at Gas Works Park. – Queensland : University of Technology. – 2016. – 275 p.
116. Schicchi S. The Cultural Heritage of Small and Medium-Size Cities: A New Approach to Metropolian Transformation in Sao Paulo, Brazil // *Traditional Dwellings and Settlements Review*. – 2015. – 17 (1). – P. 40-54.
117. Seddighi H., Salmani I. Online Volunteering, A Way to Reduce Health Inequalities: A Review Study // *Journal of Community Health Research*. – 2018. – 7 (4). – P. 256-264.
118. Shiery H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations // *Children and Society*. – 2001. – 15. – P. 107-117.
119. Silvan K. Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present // *The Universe of Russia*. – 2019. – 28 (1). – P. 161-171.
120. Simon N. The Participatory Museum. – Santa-Cruz, CA : Museum 2.0. – 2010. – 328 p.
121. Smith D. A Dictionary of Nonprofit Terms and Concepts. –Bloomington : Indiana University Press. – 2017. – 41 p.
122. Smith J. K. Quantitative Versus Qualitative Research: An Attempt to Clarify the Issue // *Educational Researcher*. – 1983. – 12. – P. 6-13.
123. Spiegel J. B., Parent S. N. Re-Approaching Community Development Through the Arts: A Critical Mixed Methods' Study of Social Circus in Quebec // *Community Development Journal*. – 2018. – 53 (4). – P. 600-617.

124. State Fairs and Visitor Co-Creation / Museum 2.0. – URL: <http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html> (дата обращения: 13.07.2020).
125. Storr R., Spaaij R. 'I Guess it's Kind of Elitist': The Formation and Mobilization of Cultural, Social and Physical Capital in Youth Sport Volunteering // Journal of Youth Studies. – 2017. – 20 (4). – P. 487-502.
126. Strategic framework for mainstreaming citizen engagement in world bank group operations / World Bank. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/266371468124780089/pdf/929570WP0Box380ategicFrameworkforCE.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).
127. Tashakkori A., Teddlie C. Handbook of Mixed Methods in Social and Behavioral Research. - Washington, DC : Sage Publishing. – 2003. – 912 p.
128. Tashakkori A., Teddlie C. Introduction to Mixed Method and Mixed Model Studies in the Social and Behavioral Science // The Mixed Methods Reader. – 2008. – P. 7-26.
129. Thompson E. Virtual Reality Urban Modelling // Journal of Virtual Reality. – 2006. – P. 46-56.
130. Tikkakoski T. The Impact of the EVS-Volunteer to the Culture Identity of the Members of Their Work Community. – Helsinki : Humak University of Applied Sciences. – 2012. – 48 p.
131. Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. – Chicago : University Press. – 1987. – 166 p.
132. Vinnicombe T., Wu Y. Generalizing Motivation Measurement Indexes: The Case of Midi Music Festival Volunteers // International Journal of Event and Festival Management. – 2020. – 11 (3). – P. 273-287.
133. Voices of Youth / UNICEF. – URL: <https://www.voicesofyouth.org/understanding-youth-participation> (дата обращения: 21.10.2020).
134. Walther A. Re-Thinking Youth Participation – Contributions of PARTISPACE. – Bologna : UNIBO. – 2018. – 144 p.

135. Wang C., Burris M. A. Photovoice: Concept, Methodology and Use for Participatory Needs Assessment // Health Education & Behavior. – 1997. – 24 (3). – P. 369-387.
136. Warren C. A., Marciano J. E. Activating Student Voice Through Youth Participatory Action Research // International Journal of Qualitative Studies in Education. – 2018. – 31. – P. 684-707.
137. What's this all about? / Building Inspector. – URL: <http://buildinginspector.nypl.org/general/about> (дата обращения: 13.07.2020).
138. White A., Sero R., Scanga L., Cummins M. The Right Tools at the Right Time: Improving Volunteer Education and Support // Journal of Youth Development. – 2020. – 15 (4). – P. 110-144.
139. White S. Depoliticising Development: The Uses and Abuses of Participation // Development in Practice. – 1996. – 6 (1). – P. 6-15.
140. Wiertz D. Segregation in Civic Life: Ethnic Sorting and Mixing Across Voluntary Associations // American Sociological Review. – 2016. – 81 (4). – P. 800-827.
141. Yusuke I., Katsunori K., Kazushige I. Correlations Between Forgetfulness and Social Participation: Community Diagnosing Indicators // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – 16 (13). – P. 19-26.
142. Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 2950-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
143. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
144. Аакер Д. Создание сильных брендов / Д. Аакер. – Москва : Издательский дом Гребенникова, 2003. – 433 с.

145. Авербух В. Л., Байдалин А. Ю., Бахтерев М. О., Васёв П. А., Зырянов А. В., Казанцев А. Ю., Манаков Д. В. К обоснованию проекта визуализационной компоненты виртуального испытательного стенда / В. Л. Авербух, А. Ю. Байдалин, М. О. Бахтерев, П. А. Васёв, А. В. Зырянов, А. Ю. Казанцев, Д. В. Манаков // Параллельные вычислительные технологии. – 2010. – № 9. – С. 378-386.
146. Авербух В. Л. К теории компьютерной визуализации / В. Л. Авербух // Вычислительные технологии. – 2005. – Т. 10. – № 6. – С. 21-51.
147. Авилов Г. М., Кранзеева Е. А., Яницкий Л. С. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона / Г. М. Авилов, Е. А. Кранзеева, Л. С. Яницкий // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 1 (33). – С. 110-119.
148. Авраамова Е. М. Тенденции занятости российской молодежи в регионах / Е. М. Авраамова // Социологические исследования. – 2018. – № 9. – С. 130-134.
149. Алейников А. А., Бобков А. Е., Дрознин В. А., Ерёмченко Е. Н., Леонов А. В., Шпиленок Т. И. Интерактивное 3d-приложение «виртуальная долина гейзеров» / А. А. Алейников, А. Е. Бобков, В. А. Дрознин, Е. Н. Ерёмченко, А. В. Леонов, Т. И. Шпиленок // Компьютерные инструменты в образовании. – 2011. – № 4. – С. 45-53.
150. Алексеева Е. В. Ревалоризация индустриального наследия в России и странах Западной Европы: подходы, объекты, ландшафты, акторы / Е. В. Алексеева // Экономическая история. – 2017. – № 36. – С. 9-23.
151. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 443-462.

152. Ахметшина И. Уралмаш и Сортировка – районы бедных / Екатеринбург Онлайн. – URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-53249151.html (дата обращения: 14.02.2020).
153. Батыгин Г. С. Миф о «качественной социологии» / Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 28-42.
154. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии / З. Бауман // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С.14-15.
155. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки / О. А. Башева, П. О. Ермолаева // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 1. – С. 47-69.
156. Богданов В. С., Мерзляков А. А. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 65-77.
157. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А., Карзубов Д. Н. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. А. Азаров, Д. Н. Карзубов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 14 (1). – С. 37-58.
158. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е. В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5 (153). – С. 3-18.
159. Брук Д. История городов будущего / Д. Брук. – Москва : Strelka Press, 2016. – 436 с.
160. Брусенцева Д. М., Свечкарев В. П. Функционально-структурный анализ и моделирование процессов противодействия освещению деятельности террористов в медийном пространстве / Д. М. Брусенцева, В. П. Свечкарев // Инженерный вестник Дона. – 2018. – № 2 (49).

161. Быстрова Т. Ю. Реабилитация промышленных территорий городов: теоретические предпосылки, проектные направления / Т. Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2013. – № 3. – С. 21-25.
162. Быстрова Т. Ю. Теоретико-методологическое обоснование понятия «культуральная регенерация территории» / Т. Ю. Быстрова // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24. – № 2 (174). – С. 106-114.
163. Васильковская М. И. Институт волонтерства как ресурс личностно-профессионального становления специалиста социально-культурной деятельности / М. И. Васильковская // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 2.
164. Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии / К. Глазков, А. Стрельникова // INTER. – 2015. – № 10. – С. 80-93.
165. Голобоков А. С., Авадень Е. А. Роль молодежных общественных объединений в современной России / А. С. Голобоков, Е. А. Авадень // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – № 6 (2). – С. 305-307.
166. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре : спец. 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Головнева Елена Валентиновна : Омский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2018. – 38 с.
167. Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России / Н. И. Горлова // Ученые записки Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 101-110.
168. Горлова Н. И. Сборник волонтерских практик в сфере культуры : методические рекомендации / Н. И. Горлова, Д. Т. Маковецкая. – Москва : Министерство культуры Российской Федерации, 2019. – 37 с.

169. Горлова Н. И. Современное развитие волонтерских практик в учреждениях культуры за рубежом / Н. И. Горлова // Научный альманах. – 2017. – № 6 (32). – С. 263-266.
170. Горохов В. Л. Современные методы когнитивной визуализации многомерных данных / В. Л. Горохов, А. А. Лукьянец, А. Г. Чернов. – Томск : Некоммерческий фонд развития региональной энергетики, 2007. – 216 с.
171. Горшков М. К. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 662 с.
172. Готлиб А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в отдельно взятом исследовании / А. С. Готлиб // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2000. – № 12. – С. 5-24.
173. Грант Дж. Манифест инноваций бренда / Дж. Грант. – Москва : Группа ИТД, 2007. – 272 с.
174. Гринько И. А. Волонтеры в музее / И. А. Гринько. – Москва : МОСГОРТУР, 2018. – 45 с.
175. Данные об аудитории интернета в России / Mediascope. – 2020. – URL: <https://mediascope.net/news/1209287/> (дата обращения: 09.11.2020).
176. Демин А. Н. О совмещении количественного и качественного подходов в исследовательском цикле / А. Н. Демин // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 1999. – № 11. – С. 5-25.
177. Дридзе Т. М. Социальное управление и социальная коммуникация на рубеже XXI века: к преодолению парадигмального кризиса в социологии / Т. М. Дридзе // В контексте конфликтологии: проблема коммуникации и управленческого консультирования. – 1999. – № 2. – С. 8-17.
178. Дышленко С. Г., Цветков В. Я. Виртуальная пространственная карта / С. Г. Дышленко, В. Я. Цветков // Образовательные ресурсы и технологии. – 2016. – № 5 (17). – С. 72-79.

179. Евлегина А. М. Проблема классификации гражданского участия / А. М. Евлегина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2016. – № 8 (64). – С. 6-14.
180. Евстифеев Р. В., Задорин И. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации / Р. В. Евстифеев, И. В. Задорин, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев // Символическая политика. – 2016. – С. 245-258.
181. Ефремова Е. А., Ахьямова И. А. Зачем «арт-волонтерство» творческому вузу? / Е. А. Ефремова, И. А. Ахьямова // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 25-30.
182. Ефремова Е. А. Опыт культурного волонтерства Екатеринбургской академии современного искусства / Е. А. Ефремова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2018. – № 1 (9). – С. 41-49.
183. Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства / А. А. Желнина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – № 18 (2). – С. 45-59.
184. Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности: X Грушинская социологическая конференция / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Москва. – 2020. – URL: https://profi.wciom.ru/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2020/ (дата обращения: 10.11.2020).
185. Законопроект № 993419-7 «О молодежной политике в РФ / Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 15.11.2020).
186. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2006. – 488 с.
187. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века / Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2007. – 364 с. – ISBN 5-7741-0091-0.

188. Зборовский Г. Е. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : монография / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 200 с.

189. Зиммель Г. Социологическая теория: история, современность, перспективы / Г. Зиммель. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 851 с.

190. Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Москва : Норма, 2020. – 304 с.

191. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вестник Института социологии. – 2019. – № 10 (4). – С. 164-186.

192. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4 (3). – С. 3-13.

193. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность новые теоретические подходы / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 12-48.

194. Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с. – ISBN 5-85803-154-4.

195. Измерение показателей, характеризующих уровень личностного развития молодежи, влияние и степень оценки заботы государства о молодежи / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). – URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1> (дата обращения: 01.04.2020).

196. Калашникова Л. В. Виртуализация реальности и процесс познания. Роль ментальных моделей в познавательной активности субъекта / Л. В. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 1 (25). – С. 15-21.

197. Кирдина С. В. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества / kirdina.ru. – URL:

обращения: 19.08.2020).

198. Кисilenko А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи / А. В. Кисilenko // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4 (1). – С. 63-71.

199. Колесников А. А., Кикин П. М., Комиссарова Е. В. Создание виртуальных моделей местности и зданий / А. А. Колесников, П. М. Кикин, Е. В. Комиссарова // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – № 7.

200. Колесников А. В. Анализ возможности пневмотермической формовки многослойных конструкций методом виртуального моделирования / А. В. Колесников // Решетневский вестник. – 2012. – № 16.

201. Копелянская Н. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Н. Копелянская, А. Щербакова. – Москва : Музейные решения, 2012. – 176 с.

202. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Урбанистика. – 2015. – № 2. – С. 40-53.

203. Котенко В. П. Компаративистика – новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки / В. П. Котенко // Библиосфера. – 2007. – № 3. – С. 21-27.

204. Кочнев С. В. Участие детей и молодежи в принятии общественно значимых решений / С. В. Кочнев, Н. В. Васильева. – Москва : РУТА, 2013. – 138 с.

205. Краудсорсинг для проектов развития городов / Агентство Стратегических Инициатив (АСИ). – 2019. – URL: <https://asi.ru/news/105124/> (дата обращения: 13.11.2020).

206. Криницкий Е. В. Что такое «Информационная модель здания (BIM)»? / isicad.ru. – URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=1 (дата обращения: 13.02.2020).

207. Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. Р. Крогиус. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. – 312 с.
208. Кульминская А. В. Добровольчество в сети Интернет: проблемы идентификации / А. В. Кульминская // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (62). – С. 169-178.
209. Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – Москва : Классика-XXI, 2006. – 399 с.
210. Ляшенко М. И. Роль волонтерских отрядов в пропаганде культурно-исторического наследия среди детей и молодежи / М. И. Ляшенко // Развитие территорий. – 2015. – С. 167-170.
211. Макаров И. М., Рахманкулов В. З., Ахрем А. А. Виртуальное моделирование и интеллектуальное управление сложными компьютерно-интегрированными системами / И. М. Макаров, В. З. Рахманкулов, А. А. Ахрем // Информационные технологии и вычислительные системы. – 2007. – № 2. – С. 11-24.
212. Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления : спец. 22.00.08 «Социология управления» : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Мерзляков Андрей Александрович : Институт социологии РАН. – Москва, 2007. – 27 с.
213. Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В., Оконникова Т. И. Историко-культурные основания формирования туристского бренда «Ижевск – оружейная столица России» / Г. В. Мерзлякова, Л. В. Баталова, Т. И. Оконникова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 4. – С. 44-53.
214. Меркулов П. А., Малик Е. Н., Бударина К. А. Институционализация молодежных организаций и ассоциаций современной России: проблемы и перспективы / П. А. Меркулов, Е. Н. Малик, К. А. Бударина // Власть. – 2015. – № 23 (4). – С. 140-145.

215. Мерсиянова И. В. Лайк, шер, хэлп: благотворительность и волонтерство в сетях / И. В. Мерсиянова, О. А. Громова. – Москва : НИУ ВШЭ, 2018. – 38 с.
216. Миронова Ю. Н. Новые методы виртуального моделирования в геоинформационных технологиях / Ю. Н. Миронова // Вестник евразийской науки. – 2016. – № 5 (36). – С. 85-89.
217. Наследие года волонтера / МИА «Россия сегодня». – 2019. – URL: <https://ria.ru/20190218/1550941898.html> (дата обращения: 11.05.2020).
218. Немтинов В. А., Кулин Д. В., Бунин Е. С. Виртуальное моделирование учебно-материальных ресурсов вуза / В. А. Немтинов, Д. В. Кулин, Е. С. Бунин // Вестник ТГТУ. – 2011. – № 2 (17). – С. 440-444.
219. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43-60.
220. Никовская Л. И. Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог / Л. И. Никовская // Государственное управление и современность. – 2017. – С. 33-39.
221. Николаева М. Ю., Секретова Л. В. Организация креативной деятельности волонтерского центра омской филармонии / М. Ю. Николаева, Л. В. Секретова // Молодежь Третьего Тысячелетия. – 2018. – С. 324-328.
222. Носова Ю. Н. Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и основные характеристики / Ю. Н. Носова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3 (1). – С. 62-65.
223. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики / Деловой портал «Компетенции». – 2018. – URL: http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (дата обращения: 14.07.2020).
224. Омельченко Е. Л. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности : монография / Е. Л. Омельченко. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.

225. Омельченко Е. Л. Протест миллениалов, но не только / Полит.ру. – 2019. – URL: <https://polit.ru/article/2019/%2008/02/omelchenko/> (дата обращения: 24.06.2020)

226. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 3-27.

227. Омск. Карты / ИТП «Град». – 2019. – URL: <http://masteromsk.itpgrad.ru/maps> (дата обращения: 14.02.2020).

228. Осадчих С. В., Саблукова Л. И. Волонтерство в кинофестивальном движении / С. В. Осадчих, Л. И. Саблукова // Молодежь Третьего Тысячелетия. – 2018. – С. 1202-1205.

229. Официальный сайт общественного движения «Волонтеры культуры». – URL: <https://xn--b1agpccjfbucrelc9ign.xn--plai/social-movement> (дата обращения: 11.11.2020).

230. Паклина Е. А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев / Е. А. Паклина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – Т. 216. – С. 131-139.

231. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования / С. В. Патрушев // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 24-32.

232. Пашкус В. Ю., Пашкус Н. А., Пашкус М. В. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке / В. Ю. Пашкус, Н. А. Пашкус, М. В. Пашкус // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 4 (427). – С. 19-30.

233. Полухина Е. В., Савинская О. Б. Через исследования к доверительному глобальному сотрудничеству: перспективы качественных исследований в XXI веке / Е. В. Полухина, О. Б. Савинская // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 122-125.

234. Представления о будущем у молодёжи крупных городов в России, Украине и Беларуси / Фонд Бориса Немцова за свободу. – 2018. – URL: <http://zukunftsbuild.nemtsovfund.org/2018/survey-ru/> (дата обращения: 11.05.2020).
235. Приция Р. Партиципативное управление / Р. Приция. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2001. – 384 с.
236. Резаев А. В. Сравнительная социология : учебник / А. В. Резаев. – Санкт-Петербург : Изд-во С-Петерб. гос. ун-та, 2015. – 396 с.
237. Резолюция Всероссийского форума добровольцев. – URL: <https://docplayer.ru/31334195-Rezolyuciya-vserossiyskogo-foruma-dobrovolcev-oktyabrya-2016-goda-g-sankt-peterburg.html> (дата обращения: 10.11.2020).
238. Рогач О. В., Фролова Е. В. Культурное волонтерство в России как социальный ресурс развития туризма / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18. – № 1 (130). – С. 142-148.
239. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски / Д. В. Руденкин, А. И. Руденкина // *Juvenis scientia*. – 2019. – № 1. – С. 43-47.
240. Руденкин Д. В. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов 2017 года / Д. В. Руденкин // Социодинамика. – 2019. – № 2. – С. 23-33.
241. Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю. Б. Савельев // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 64-71.
242. Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О. Б. Савинская, А. Г. Истомина, Т. Ю. Ларкина, К. Д. Круглова // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 21-29.
243. Сапрыкина Н. А., Сапрыкин И. А. «Безбумажная» архитектура в контексте виртуальной реальности / Н. А. Сапрыкина, И. А. Сапрыкин // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2012. – № 7. – С. 1-12.

244. Свечкарев В. П. Модели визуальной аналитики в социологии / В. П. Свечкарев // Наука и образование. – 2017. – С. 32-38.
245. Силаева В. Л. Об использовании понятия «виртуальный» / В. Л. Силаева // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 19-25.
246. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества : спец. 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Силаева Виктория Леонидовна : Моск. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. – Москва, 2004. – 19 с.
247. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий / И. А. Скалабан // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1 (13). – С. 130-139.
248. Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории / И. А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – № 5. – С. 44-59.
249. Смирнов А. Г. Вопросы разработки диагностической виртуальной модели зубочелюстной системы / А. Г. Смирнов // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. – 2010. – № 4. – С. 30-33.
250. Смирнов В. А. Молодежная тематика в публикациях российских исследователей: ключевые тренды и противоречия / В. А. Смирнов // Социология образования. – 2018. – № 2. – С. 23-33.
251. Смирнова В. А. «Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети VKontakte) / В. А. Смирнова // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2019. – Т. 25. – № 3. – С. 71-93.
252. Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. История создания и реализации волонтерских проектов по сохранению культурно-исторического наследия за рубежом / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 13-25.
253. Статистика / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Москва. – 2020. – URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 10.04.2020).

254. Сушков И. Р., Козлова Н. С. Интернет-активность как проявление потребности личности в коллективном субъекте / И. Р. Сушков, Н. С. Козлова // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 5. – С. 75-83.
255. Сыромятникова С. Е., Алексеева Г. Г. Волонтерство в области культуры: региональный аспект / С. Е. Сыромятникова, Г. Г. Алексеева // World Science Problems and Innovations. – 2018. – С. 323-326.
256. Талапов В. В. Информационное моделирование зданий – современное понимание / В. В. Талапов // Архитектура и строительство. – 2010. – № 4. – С. 114-121.
257. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях / Г. Г. Татарова. – Москва : Новый учебник, 2004. – 247 с.
258. Толковый онлайн-словарь русского языка С. И. Ожегова. – URL: <https://clck.ru/RYuU7> (дата обращения: 01.01.2020).
259. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Феррарис. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с.
260. Хаймович И. Н., Ковалькова Е. А. Определение параметров инжекционного литья методом виртуального моделирования процесса / И. Н. Хаймович, Е. А. Ковалькова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 6 (2). – С. 485-490.
261. Черныш М. Ф. Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе / М. Ф. Черныш // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 342-345.
262. Чистяков А. В. Программный модуль виртуального прототипирования архитектурной среды / А. В. Чистяков // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – № 3 (48).
263. Шаповалова И. С. Самосохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? / И. С. Шаповалова // XXII Уральские социологические чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 17-18 марта 2020 г. – Екатеринбург, 2020. – С. 181-188.

264. Шаповалова И. С., Генкин Ю. Ю. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи / И. С. Шаповалова, Ю. Ю. Генкин // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – № 4. – С. 91-102.
265. Шаропин К. А., Берестнева О. Г., Шкатова Г. И. Визуализация результатов экспериментальных исследований / К. А. Шаропин, О. Г. Берестнева, Г. И. Шкатова // Известия ТПУ. – 2010. – № 5. – С. 172-176.
266. Шеррингтон М. Незримые ценности бренда / М. Шеррингтон. – Москва : Вершина, 2006. – 304 с.
267. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции / А. А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 151-157.
268. Шорыгин С. М. Визуальное моделирование в информационных технологиях / С. М. Шорыгин // Перспективы Науки и Образования – 2014. – № 6 (12). – С. 19-25.
269. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
270. Шульгин П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития / П. М. Шульгин // Мир России. – 2004. – № 2. – С. 115-134.
271. Щемелева И. И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ / И. И. Щемелева // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 133-141.
272. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. – URL: <https://clck.ru/RYuRe> (дата обращения: 01.01.2020).
273. Юдашкина В. В. Управление молодежным сообществом / В. В. Юдашкина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 3 (47). – С. 126-132.
274. Ягубкина А. С., Макшакова Т. В. Культурное волонтерство в проектах Немецкого читального зала Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького / А. С. Ягубкина, Т. В. Макшакова // Культура и Образование. – 2020. – С. 150-153.

275. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций / В. А. Ядов. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2009. – 138 с. – ISBN 978-5-94348-053-9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Методология и методика сравнительного международного исследования

Тенденция роста и активизации молодежного участия в развитии социокультурной сферы российских городов актуализирует потребность в углубленном анализе сущности конструктивных социальных практик молодежного участия, а также поиске эффективных и своевременных способов трансформации публичного управления активностью городской молодежи. Важной исследовательской задачей является оценка потенциала молодежи урбанизированных территорий постсоветского пространства, имеющих общие социокультурные характеристики, детерминированные схожим историческим бэкграундом социальные и экономические проблемы.

Для выявления потенциала участия важно определить, при каких условиях молодые горожане участвуют, либо могут соучаствовать в социальных проектах по сохранению культурной идентичности и комплексного развития городов; каковы те конструктивные социальные практики, являющиеся значимыми как для них самих, так и для социокультурного развития современного города. Необходимо выявить объективные условия, в которых молодежь, с одной стороны, реализует инновационную активность, с другой – разделяет общие идеи, может интерпретировать, усваивать и реализовывать определенные конструктивные паттерны поведения как в новом цифровом обществе, так и в традиционных территориальных границах современных городов.

Объектом исследования является социальное участие молодежи.

Предмет: особенности конструктивных социальных практик участия молодежи как общности в социокультурном развитии городов и управленческой среды, в которой они эффективно реализуются в региональных пространствах России и постсоветских стран.

Цель: выявить потенциал социального участия городской молодежи как внутреннего ресурса социокультурного развития урбанизированных территорий;

возможности и перспективы конструктивного управления им в городах отдельных регионов России и постсоветских стран.

Задачи:

1) осуществление эмпирической классификации практик социального участия молодежи в социокультурном пространстве города;

2) характеристика динамично развивающихся и перспективных видов социального участия молодежи в социокультурном пространстве города (*участие в городской жизни – от культурной активности до волонтерства*);

3) выявление мотивации социального участия российской молодежи, их оценок факторов, обуславливающих изменение ее отношения к роли социального участия в развитии городской среды;

4) оценка институциональной среды как условия реализации социального участия молодежи в социокультурном развитии городов России и стран постсоветского пространства;

5) оценка социокультурных ресурсов трансформации среды городов в разных странах в объективном и субъективном измерении с позиции студенческой молодежи как основных акторов изменений.

6) характеристика моделей эффективного управления социальным участием молодежи в публичном управлении городов Свердловской области на основе анализа документов и экспертных опросов.

7) анализ стратегий управления социальным участием молодежи в социокультурном пространстве городов разных стран (качественное кейс-стади).

Методическая стратегия: стратегия mix-research, предполагающая смешивание количественных опросных методов, качественных кейс-стади и партисипаторных исследовательских техник для решения задач межстранового сравнения.

Методы сбора и анализа информации:

1. Онлайн анкетирование студенческой молодежи России, Армении, Польши, Румынии.

Объект – студенческая молодежь России, Армении, Польши, Румынии.

Выборка целевая, включающая не менее 250 респондентов из каждой страны.

Предполагается охватить заинтересованную тематикой культурно-исторического развития своих городов студенческую молодежь. Выбор регионов проведения опроса в заявленных странах обусловлен рядом характеристик. Во-первых, сравниваемые страны имеют общий культурно-исторический бэкграунд, обусловленный социалистическим прошлым. Во-вторых, предполагаемые вузы, студенты которых будут принимать участие в опросе, находятся в крупных городах определенных территорий, которые условно можно рассматривать как центры притяжения молодежи из малых и средних близлежащих к ним городов.

Задачи:

- оценка уровня информированности молодого поколения об истории и культуре их родных городов; выявление представлений молодых горожан о важных городских символах, публичных местах, культурно-исторических объектах, обладающих определенной ценностью для городского сообщества и туристов;

- оценка опыта социального участия молодежи, готовности молодых людей и девушек к конкретным действиям «прямых акторов» по преобразованию городской среды;

- включенность молодежи в различные виды городского волонтерства, имеющие разный потенциал и перспективы своего развития как в реальной, так и в виртуальной среде.

2. Онлайн анкетирование школьников и студентов колледжей Свердловской области.

Объект – три возрастные группы молодежи: школьники старших классов общеобразовательных учреждений, студенты ссузов и вузов Свердловской области.

Выбор российского региона для проведения количественного исследования в рамках представленного проекта обусловлен следующими характеристиками. Во-первых, города Свердловской области имеют свою социокультурную

специфику, детерминированную экономическими характеристиками и индустриальной развитостью территории. Во-вторых, основные города региона в целом ориентированы на расширение международных связей. Таким образом, социокультурный контекст городов Свердловской области определяет не только индустриальное наследие, но и активное продвижение в ряде городов, являющихся центрами притяжения молодежи из ближайших территорий, крупных международных экономических, социальных и культурных проектов, таких как «Иннопром», «Чемпионат мира по футболу», «Коляда-плейс», «Уральская биеннале» и т.д.. В 2023 году в столице Свердловской области – городе Екатеринбурге пройдет летняя Универсиада-2023, в рамках которой будет востребован ресурс социального участия молодежи городов Свердловской области в онлайн и офлайн форматах как для помощи в проведении мероприятий, так и для формирования имиджа территорий - продвижения уральских городов, региона, страны в целом.

Выборка, стратифицированная по возрасту, управленческим округам - территории проживания, уровню образования, опыту волонтерской деятельности, составила 600 человек.

Задачи исследования:

- дать оценку разным видам социального участия молодежи городов Среднего Урала;
- выявить особенности мотивации, ориентаций, потребностей и опыта волонтерского участия трех возрастных групп молодежи;
- изучить уровень информационной компетентности школьников и студентов как значимый элемент культуры участия;
- определить потенциал событийного (спортивного, культурного) и информационного (образовательного, медиа) волонтерства как социальных практик, способных оказывать существенное влияние на саму молодежь, а также на культурно-историческое развитие городов через оживление социальной и культурной жизни в публичной сфере урбанизированных территорий и в виртуальной среде.

3. Множественное качественное кейс-стади.

Кейсы: страна (России, Армении, Польши, Румынии), города.

Объект исследования: культурно-историческая среда городов, НКО и университеты.

Методы: сочетание методов анализа нормативных документов; включенного наблюдения; экспертных интервью; глубинных интервью студенческой молодежи.

Задачи:

- выявление представлений молодых горожан о важных городских символах, публичных местах, культурно-исторических объектах, обладающих определенной ценностью для городского сообщества и туристов;
- оценка культурно-исторического бэкграунда территорий, в том числе культурно-исторические объектов и зон, включенных в поле внимания молодежи;
- экспертная оценка культурно-исторического бэкграунда территорий и сложившихся в разных странах практик публичного управления городами;
- анализ специфики реализации молодежной политики на региональном и локальном уровнях муниципального управления, в городских программах и проектах некоммерческого сектора;
- характеристика динамично развивающихся и перспективных видов социального участия молодежи в социокультурном пространстве города;
- анализ управленческой специфики развития конструктивных практик социального участия молодежи в социокультурном пространстве городов разных стран.

Качественные методы (включенное наблюдение, полуструктурированное и экспертное интервью с молодыми людьми из разных стран - участниками культурных проектов и акций, сотрудниками некоммерческих организаций и чиновниками, имеющими непосредственное отношение к организации городских молодежных программ и проектов, анализ документов) для определения условий, предпосылок, факторов влияния на социальное участие городской молодежи в постсоветских странах, а также для разработки управленческих моделей и

конкретизации технологии управления конструктивными видами социального участия молодежи в онлайн и оффлайн форматах.

4. Партисипаторные техники исследования.

Субъекты участия: студенческая молодежь – волонтеры, участвующие в реализации культурных проектов в городе.

Уровень участия со-исследователей: модель совместного (коллаборативного) исследования.

Задачи:

- выявление социокультурных институций, являющихся «точками притяжения» для молодежи и факторами актуализации ее социального участия в реализации культурных проектов города;
- характеристика наиболее перспективных практик социокультурных институций города, осуществляющих культурные проекты (мероприятия, события) для молодежи и с ее участием в онлайн и оффлайн среде;
- типологизация практик социального участия молодежи в социокультурном пространстве г. Екатеринбурга;

Методы: сочетание кабинетных исследований, ориентированных на выявление особенностей функционирования социокультурных институций города в интернет-пространстве в качестве точек притяжения участия молодежи; визуальных методов наблюдения (с использованием фотографий, видеосъемки), интервью с организаторами и участниками культурных проектов, метод самонаблюдения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Пример анкеты

Уважаемые студенты! *Международный коллектив социологов проводит исследование повседневной жизни молодых, активных горожан. Если Вы любите город, где живет ваша семья, пожалуйста, ответьте на наши вопросы. Мы очень надеемся, что результаты этого исследования помогут понять, как можно сделать жизнь в вашем городе лучше.*

1. Как давно вы живете в этом городе?

Живу с рождения, здесь жили/живут мои родители

Моя семья переехала в город очень давно, более 20 лет назад

Живу в этом городе 10-19 лет

Живу в этом городе менее 10 лет

2. Можете ли вы сказать, что знаете историю своего города?

Да

Возможно

Нет

3. Как вы считаете, какой исторический период оставил в Вашем городе больше всего культурных объектов и достопримечательностей?

XIX век или период до него

XX век

XXI век

Затрудняюсь ответить

4. В вашем городе есть интересные памятники, парки, музеи и достопримечательности, знаете ли Вы о них?

Да, что-то слышал в СМИ

Да, читал в Интернете

Рассказывали о них в школе

Сам интересовался, искал специально информацию

Рассказывали друзья, знакомые, родные

Видел красивое издание про свой город

Встречался с краеведами

Посещал музей

Ничего особенного не знаю

5. Как Вы оцениваете состояние культурно-исторических мест (площадей, парков, общественных зон) и достопримечательностей Вашего города?

Отличное, ничего не нужно менять

Хорошее, однако, есть некоторые проблемы

Плачевное, существует много проблем

6. Как Вы считаете, какие положительные стороны имеют культурно-исторические объекты Вашего города (несколько вариантов ответа)

Представляют ценность для всех горожан

Имеют эстетически привлекательный вид

Интересны для туристов

Отличное место для прогулок

Рассказывают об истории города

Дополняют архитектуру города

Положительных сторон не имеют

7. Чем известен, славится ваш город?

Завод, фабрика, промышленный центр

Месторождения полезных ископаемых, места их добычи

Город, где проходили знаменитые битвы

Известные личности, которые родились и жили в этих местах

Красивая природа, озеро, река, лес

Люди

8. Как вы думаете, кто должен вносить свою лепту в улучшение состояния объектов культурно-исторического наследия и культурно-исторических мест вашего города? (несколько вариантов ответа)

Чиновники администрации города

Представители бизнес-сообщества

Меценаты и благотворители

Культурная интеллигенция и специалисты

Все горожане

Городские активисты и волонтеры

9. Как Вы думаете, старые заводские объекты, здания заводов и фабрик Вашего города представляют культурно-историческую ценность для будущих поколений?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

10. Оцените, пожалуйста, привлекательность вашего города для туристов по 5-балльной шкале (от 1 – наименьшая до 5 – наибольшая).

11. Какой туризм Вы бы предложили потенциальным гостям Вашего города?

Бизнес

Культурный

Образовательный

Экстремальный

Экологический

Агро
Фуд
Спортивный

12. Какое историческое здание в Вашем городе Вы считаете самым красивым, заслуживающим особого внимания?

13. Возле каких достопримечательностей Вашего города чаще всего собирается молодежь?

14. Готовы ли присоединиться к таким группам горожан, которые участвуют в субботниках, проводят городские праздники и социальные мероприятия?

Да
Нет

15. Выберите из перечисленного те виды активности, в которых Вы скорее всего приняли бы участие:

Подписал петицию в защиту памятников или природных объектов своего города

Пожертвовал свое время на уборку парка, высадку цветов

Пожертвовал деньги на реставрацию храма, памятника

Помог в организации городского праздника

Рассказал бы гостям города об его истории

Показал приезжим гостям достопримечательности города

16. Готовы ли Вы по мере своих возможностей рассказывать в интернете о достопримечательностях и культурных местах своего города?

Да
Скорее да

Скорее нет

Нет

Затрудняюсь ответить

17. Работали ли вы когда-нибудь с информацией о своем городе в социальных сетях или на каких-нибудь сайтах?

Да, я делал фотографии красивых мест, зданий и памятников и размещал их в социальных сетях.

Я отправлял фотографии красивых мест, зданий и памятников своим друзьям и знакомым из других городов.

Я писал заметки о своем городе на сайтах.

Я комментировал посты, фотографии красивых мест, зданий и памятников в социальных сетях.

Я читал о достопримечательностях и туристических местах своего города.

Я рассказывал другим о тех местах, которые нужно и важно посетить в нашем городе

Ничего из перечисленного выше не делал и делать не буду

18. Знаете ли вы, что такое биеннале?

Да, знаю, принимал участие

Да, знаю, читал об этом, видел материалы и фото

Что-то слышал

Ничего об этом не знаю

19. Готовы ли вы участвовать в социальных проектах по городской тематике, например, рассказывать детям и подросткам о культуре, истории и архитектуре вашего города?

Да

Скорее да

Скорее нет

Нет

Затрудняюсь ответить

20. Готовы ли вы помогать в организации выставок, ярмарок, публичных мероприятий, где горожане и гости города смогут с пользой проводить свое время?

Да

Скорее да

Скорее нет

Нет

Затрудняюсь ответить

21. Ваш пол

Мужской

Женский

22. Ваш возраст

23. Образование

Учусь в колледже

Учусь в вузе

24. В каком городе вы живете?

25. Ваши ближайшие планы?

Планирую жить и работать в своем родном городе

Сейчас учусь в другом городе, не знаю точно вернусь ли потом домой

Сейчас учусь в другом городе, но точно планирую вернуться потом домой

Не задумываюсь об этом

Сейчас учусь в своем городе, но точно планирую уехать

26. Есть ли у вас опыт волонтерства?

Да, участвовал в различных акциях и проектах, которые инициировали в учебных заведениях

Да, участвовал по собственной инициативе в различных акциях и проектах за пределами учебных заведений

Нет, такого опыта у меня нет

27. К какой из следующих групп вы скорее всего смогли бы себя отнести?

Мы едва сводим концы с концами

Денег не хватает даже на продукты

На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения

Денег хватает на продукты и одежду. Но покупка вещей длит. пользования является для нас затруднительной

Мы можем без труда приобретать вещи длит. пользования. Однако затруднительно приобретать действительно дорогие

Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи — квартиру, дачу и многое другое

Затрудняюсь ответить.

Методика партисипаторного исследования с участием волонтеров

Социокультурный контекст города Екатеринбурга определяет деятельность культурных институций, являющихся центрами притяжения для молодежи города и ближайших территорий. Они активно реализуют культурные проекты (мероприятия, события) для молодежи и с ее участием в онлайн и офлайн среде. Их деятельность можно рассматривать как важный элемент публичной политики и публичного управления городом, инициирующий активность молодых горожан, влияющую на формирование городских молодежных сообществ.

Анализ и систематизация наиболее перспективных практик по привлечению молодежи как на уровне ее зрительского, потребительно пассивного, так и деятельностно активного участия является важной исследовательской задачей. Особый интерес представляет использование исследований с участием самой молодежи, заинтересованной в развитии города, его культуры, ориентации городских пространств на потребности и интересы молодежи.

С помощью исследований такого типа можно выявить представления молодых горожан о культурных институциях, публичных местах, культурно-исторических объектах, обладающих определенной ценностью для молодежных сообществ, о том, какие практики участия молодежи в социокультурном развитии городов наиболее адекватны, соразмерны ее возможностям, потребностям и интересам¹. При этом участие в исследовательском процессе (на любом уровне от сбора данных до разработки рекомендаций) является и формой социокультурной активности, формирует у молодых участников профессиональные навыки осознанной добровольческой деятельности.

Предложенная методика прошла апробацию в рамках проекта «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления».

¹ См. опыт аналогичной исследовательской практики, на который опирались, при разработке данной методики «Что-то новое и необычное»: аудитория современных искусства в крупных городах России. М; Екатеринбург: Кабинетный ученый. – Екатеринбург: ЕАСИ, 2018. – С.239-241.

Объектом исследования выступают социокультурные институты города, осуществляющие культурные проекты (мероприятия, события) для молодежи и с ее участием в онлайн и офлайн среде. В качестве социокультурных объектов были выбраны и предложены 55 организаций, реализующих проекты разного типа:

- Проекты по формированию и благоустройству городской среды;
- Городские культурные проекты;
- Проекты по вовлечению жителей в изучение, сохранение, популяризацию истории, культуры города, диалоговые практики и коммуникации;
- Проекты исторической и патриотической направленности;
- Краеведческие проекты.

Субъекты участия (со-исследователи): студенческая молодежь – волонтеры, участвующие в реализации культурных проектов в городе.

Уровень участия со-исследователей: модель совместного (коллаборативного) исследования.

Задачи исследования:

- выявление социокультурных институций, являющихся «точками притяжения» для молодежи и факторами актуализации ее социального участия в реализации культурных проектов города;
- характеристика наиболее перспективных практик социокультурных институций города, осуществляющих культурные проекты (мероприятия, события) для молодежи и с ее участием в онлайн и офлайн среде;
- типологизация практик социального участия молодежи в социокультурном пространстве г. Екатеринбурга.

Методы: сочетание кабинетных исследований, ориентированных на выявление особенностей функционирования социокультурных институций города в интернет-пространстве в качестве точек притяжения участия молодежи; визуальных методов наблюдения (с использованием фотографий, видеосъемки), интервью с организаторами и участниками культурных проектов, самонаблюдения.

В процессе исследования волонтеры собирают из разных источников информацию по актуальной социальной проблеме, на решение которой направлена деятельность организации. По результатам пишут отчет, готовят презентацию исследований организации, в которой оно осуществлено.

Исследование предполагает определенную последовательность действий по следующим этапам:

Этап 1 – кабинетное исследование информационной среды организации (сайтов, социальных сетей, упоминаний в СМИ).

Этап 2 – включенное наблюдение и опыт участия.

Этап 3 – самонаблюдение с целью анализа полученных в ходе исследования результатов.

Этап 4 – подготовка отчета, его презентация, групповые дискуссии.

Кабинетный этап исследования. На данном этапе исследуется информационная среда социокультурной институции (сайты, социальные сети, упоминания в СМИ).

Характеристика организации на основе открытых данных: история, основатели, заявленное позиционирование и политика. Найти сайт организации и проанализировать его, дав детализированное описание количественных и качественных характеристик доступной информации.

Общие характеристики сайта	Как быстро находится? Как работает, оцениваем: 1) наличие контактной информации на сайте; 2) наличие на сайте возможности связаться с организацией; 3) дату последнего обновления информации на сайте; 4) количество посещений сайта в месяц (или за последние полгода), 5) динамику посещений; 6) наличие мобильной адаптации сайта; 7) наличие информации о реализованных ранее социокультурных проектах
Сообщества	Есть ли у организации публичные страницы (паблики), тематические сообщества, сообщества конкретных мероприятий, проводимых организацией? В каких социальных сетях они представлены?
Новостная информация	Появляются ли на сайте новости? С какой частотой, периодичностью? Каковы содержание и тип новостей?

Дать анализ следующим характеристикам организации:

История, основатели организации
Миссия организации – ее социальная роль, предназначение, основные смыслы деятельности (как описано самой организацией на сайте и других ресурсах)
Политика организации в целом (как описывает сама организация):
цели
задачи
основные направления деятельности
основные сегменты целевой аудитории
перспективы развития
эффективность деятельности
Политика организации, ориентированная на развитие города, его культуры, социальной сферы, местных сообществ (авторский анализ)
цели
задачи
основные направления деятельности
основные сегменты целевой аудитории
перспективы развития
эффективность деятельности
Политика организации, ориентированная на участие молодежи в различных направлениях ее деятельности (авторский анализ)
цели
задачи
основные направления деятельности
основные сегменты целевой аудитории
перспективы развития
эффективность деятельности

Социокультурная политика организации в структуре мероприятий (по архиву на сайте, мероприятиям в социальных сетях, городской афише и другим источникам). Проанализируйте политику организации по архиву сайта и другим

материалам по критериям: тематика мероприятий, частота, указанная целевая аудитория, спонсоры и пр. Для этого необходимо: детально описать все без исключения анализируемые источники/информационные ресурсы (указать ссылки), охарактеризовать количественно и качественно просмотренный информационный массив на этих информационных ресурсах; сделать таблицу мероприятий (временной период зависит от активности площадки; всего не менее 30-ти мероприятий).

№	Мероприятие	Частота	Периодичность	Указанная аудитория мероприятия	Тип участия (активное /пассивное)	Финансирование (источники, размер и т.д.)	Ссылки на информацию
1							
2							

Обобщить данные предыдущей таблицы мероприятий по следующим критериям:

№	Тематика мероприятий	Общее число мероприятий по данной тематике	Периодичность (постоянные, разовые и пр.)	Указанная аудитория мероприятий	Тип участия (активное /пассивное)	Финансирование
1						
2						

Выводы (следует дать развернутые, аргументированные ответы с конкретными примерами - кейсами):

Какое место в структуре мероприятий занимает тематика, связанная с развитием социокультурной среды города;

Какую аудиторию (теоретически) привлекает площадка, а какую аудиторию исключает, отталкивает;

Каково место молодежи в деятельности организации? На какой тип участия молодежи ориентированы ее мероприятия?

Какие формы участия предлагают молодежи в организации или в конкретном ее проекте (в чем суть этих форм деятельности; какие у них цели; какие требования к тем, кто нужен и может участвовать; что предлагают организаторы, как ищут и мотивируют людей, кого может та или иная форма участия привлекать).

Что конкретно, по вашему мнению, должны делать организаторы, чтобы таким как вы стало известно о данном мероприятии и у вас появилось желание помогать организаторам или просто в нем участвовать?

Характеристика открытости и доступности организации для взаимодействия. Субъективная оценка сайта организации с позиций потенциального посетителя. Опишите детально, что вам понравилось и не понравилось и почему.

Какие вопросы после знакомства с сайтом возникли у вас как у потенциального посетителя площадки?

Что показалось на сайте удобным, что – нет?

Какое общее впечатление остается? Какой информации не хватает?

Есть ли на сайте возможности подписки на новости? Подпишитесь и проанализируйте их с точки зрения частоты, периодичности появления, основного содержания.

По материалам сайта спланируйте маршрут до организации (или места, где будет проходить проектное мероприятие): общественный и личный транспорт, пешком и пр. Если на сайте это не указано, воспользуйтесь картой, чтобы судить о простоте/возможности посещения разными группами посетителей.

Напишите в организацию по электронной почте, указанном в разделе сайта «Контакты». Проанализируйте ответ.

Вопрос может быть, например, «Уточните, пожалуйста, для какой аудитории больше всего подходит данное мероприятие», «Можно ли принять участие в организации мероприятия и в какой форме?», «Предусмотрена ли организаторами волонтерская помощь и если «да», то в какой форме?».

Позвоните в организацию. Задайте те же типы вопросов, проанализируйте, кто и как отвечает вам.

Примите участие в одном из мероприятий, реализуемых онлайн (*лучше, если мероприятие будет ориентировано на молодежную аудиторию, и вы будете соответствовать целевой аудитории мероприятия*). Проанализируйте:

соответствие мероприятия заявленным целям, насколько, с вашей точки зрения, оно оказалось эффективным;

соответствие мероприятия потребностям и интересам молодежной аудитории и вас лично (или другой заявленной аудитории);

уровень организации мероприятия;

эффективность его продвижения на сайте, в социальных сетях и др.

ваши личные впечатления: удовлетворенность от участия, готовность еще принимать участие в подобных мероприятиях.

Опишите наиболее интересные для вас кейсы (мероприятия, проекты) участия молодежи в социокультурном развитии города.

Выводы о том, насколько организации открыта для аудитории, доступна для возможности участия в проектах и мероприятиях онлайн (следует дать развернутые, аргументированные ответы с конкретными примерами).

Анализ социальных сетей организации. Проанализируйте каждую социальную сеть «вглубь» на пятьдесят постов и заполните таблицу.

Социальная сеть	Количество аудитории, ее социально-демографические параметры	Частота постов и их тематика (в соответствии с вашей классификацией)	Характер, стилистика общения, интерактив или новости, наличие реакции аудитории
1			
2			

Напишите в группу данной площадки. Проанализируйте ответ (или его отсутствие).

Выводы.

Какая тематика постов превалирует;

На какую аудиторию она рассчитана;

Какое место в тематике занимают проблемы социокультурного развития города;

Каков интерес аудитории к этим проблемам, насколько активно она участвует в обсуждении;

Насколько группа в социальной сети открыта и доступна для общения.

Анализ информации в СМИ по данной организации. Найдите в СМИ интервью, взятые по поводу событий в данной институции (с руководителями проектов, организаторами мероприятий, экспертами, участниками и пр.). Лучше, если они будут касаться проблемы социокультурного развития города с участием молодежи.

Проанализируйте интервью по критериям:

актуальность проблемы, связанной с социокультурным развитием города;

какие возможности для участия молодежи дает данный проект (мероприятие);

каков характер участия молодежи в деятельности организации (или конкретном проекте, мероприятии), какова степень ее заинтересованности, активности, включенности в эту проблематику;

наличие инновационных подходов к работе с молодежной аудиторией, организации ее участия в мероприятиях;

2. *Включенное наблюдение с использованием визуальных методов и опыт участия.* На данном этапе нужно выйти в организацию и принять участие в конкретном проекте или мероприятии. Участие молодежи предполагает два типа участия: пассивное (наблюдатель, вовлеченный в мероприятия как слушатель, зритель и т.д.); активное (добровольный помощник организаторов либо равный с организаторами). Визит в организацию предполагает сбор информации о разных типах участия. Опыт личного участия более ориентирован на активный тип участия.

Опыт наблюдения (при визите в организацию и участии в мероприятии). Использование метода работы с фотографиями и видеозаписями. Фотографируйте

по возможности все, что позволит потом вам рассказать о своем визите по картинкам (в соответствии с Российским законодательством следует спрашивать разрешение для фотографирования внутри организации, не фотографировать лица детей и подростков).

1. Характеристика окружения организации (*опишите с использованием фотографий*):

В каком городском контексте существует площадка (деловой, торговый, культурный; какие общественные пространства расположены рядом)?

Какие другие культурные институции и объекты притяжения публики расположены рядом?

Легко ли найти здание (вывеска, реклама и пр.)? Наличие афиш, анонсов мероприятий, доступность необходимой информации.

2. Зафиксируйте комфортность дороги до организации, включая парковку. Если вы приехали на велосипеде, где его оставить? Где можно оставить детскую коляску? Есть ли возможность добраться малоподвижным людям, на инвалидной коляске (ступени, поручни, лифты, кнопки вызова и пр.)? (*опишите с использованием фотографий*).

3. Комфорт для посетителей: насколько удобно находиться на площадке: гардероб, удобство покупки билета (работа гардеробщиков, кассиров, возможность оплаты картой, покупки через интернет), туалет, наличие буфета, мест для отдыха и пр. Насколько площадка удобна для разных аудиторий: инвалидов, пожилых людей, посетителей с детьми, компаний друзей и др. (*опишите с использованием фотографий*).

4. Оцените соответствие дизайна, оформления помещений, их функциональности предназначению организации, тематике ее мероприятий, современным требованиям к их организации и пр. (*опишите с использованием фотографий*).

Выводы (опишите с использованием фотографий):

насколько площадка «открыта» для аудитории, доступна, понятна?

насколько снаружи «прочитывается» тематика площадки?

на какую аудиторию внешне ориентирована площадка, а какую исключает, игнорирует?

какую аудиторию она может «притянуть» в силу своего территориального расположения?

5. Сделайте видео и фотографии мероприятия, в котором вы принимаете участие, чтобы потом можно было оценить, рассказать и показать.

Выводы (опишите мероприятие с использованием фотографий и видео):

насколько оно хорошо организовано;

какова его аудитория, типичные и необычные (эксклюзивные) участники;

какие используются практики участия, какие технологии, методы, подходы применяются организаторами для активизации участия молодежи в данном проекте;

какие формы участия от пассивных до активных характерны для молодежи;

каковы результаты проведенного мероприятия, важные для города и самой молодежи.

Интервью с организаторами и участниками мероприятия

Поговорите (проведите интервью) с его организаторами (укажите должность, фамилию). Сделайте аудиозапись или видеозапись. Спросите о том:

Почему, с какой целью реализован этот проект (мероприятие);

Почему они считают его важным для организации;

Насколько активно молодежь принимает в нем участие;

Какие формы активности она демонстрирует, от чего зависит активность молодежи;

Как организаторы активизируют участие молодежи в аналогичных проектах;

Насколько они считают данные проекты эффективными для города и молодежной аудитории.

Поговорите (проведите интервью) с молодыми участниками мероприятия (укажите пол, возраст, место работы/учебы). Сделайте его аудиозапись или видеозапись. Спросите о том:

Почему они принимают участие в данном проекте;

Что их привлекает больше всего и что мотивирует для участия;
Какие формы активности для них наиболее желательны и приемлемы;
Насколько они считают данные проекты эффективными для города и молодежной аудитории.

Общие выводы (опишите с использованием фотографий).

Опишите для отчета с использованием фотографий:

насколько площадка она открыта для молодежной аудитории, работает ли по принципу исключения лишних (только для своих) или привлечения всех;

какие формы участия молодежи преобладают, насколько она активна;

какие методы активизации молодежного участия применяются и насколько они эффективны;

опишите ваши личные впечатления: удовлетворенность от участия, готовность еще принимать участие в подобных мероприятиях, в их организации, помогать в проведении, готовность пригласить своих друзей, сокурсников и пр.

Подготовка материалов для отчета. Собранный и проанализированный материал оформляется в соответствующие разделы отчета. Все собранные визуальные материалы размещаются на Гугл диске.

3. *Самонаблюдение с целью обобщения данных и анализа полученных в ходе исследования компетенций.* На данном этапе волонтер должен протестировать полученные в ходе исследовательской деятельности знания и навыки методом *самоинтервью*, попробовать сделать запись и транскрибировать полученные данные.

Содержание самоинтервью.

Вы проделали огромную работу, на практике отработали организационные и аналитические компетенции. Нужно подвести своеобразный итог для того, чтобы еще раз зафиксировать и обобщить результаты вашей деятельности, проанализировать то, что вы на практике приобрели. Для этого вам следует включить диктофон и записать файл с развернутыми ответами на следующие вопросы:

Дата и время интервью, ваш возраст, пол.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ

Точное название организации, которую вы анализировали, официальный адрес, штат

Кратко дайте характеристику миссии организации, как она декларируется. Как ее миссия связана с развитием города?

Детализируйте ваше понимание того, чем же реально занимается организация.

Какие социальные проблемы решает организация, с кем и для чего работают ее сотрудники?

Каковы основные направления и программы данной организации?

Какую социальную роль играет организация в развитии города? Что конкретно она делает для горожан, городских сообществ, развития городской среды?

Дайте развернутую характеристику целевым аудиториям, с которыми работает организация.

Постоянные ли это аудитории?

Спрогнозируйте перспективы развития организации.

От чего зависит будущее организации?

Оцените эффективность деятельности организации, приведя аргументы в подтверждение вашей оценки.

Опишите проекты организации, в чем их суть, для кого они проводятся.

О ПРОЕКТЕ

Опишите конкретный социокультурный проект, реализуемый организацией для города и горожан, который вам кажется наиболее значимым и интересным.

В чем его суть? Какую городскую проблему он решает?

Кто его организует и для кого этот проект?

Кто реально в нем участвует?

Кто и каким образом финансирует этот проект?

Кто оказывает помощь организаторам, какую конкретно и для чего?

Как конкретно и где информируют об этом проекте горожан?

Эффективна ли такая информационная работа?

Если да, то почему? Если нет, то почему?

Кто информирует о проекте?

Какое место определено в данном проекте для молодежи?

Какие представители молодого поколения вовлечены в этот проект, дайте социально-демографические и психологические характеристики?

На чем основаны ваши суждения о молодежи в этом проекте?

ОБ УЧАСТИИ

Какой вид участия предполагался организаторами в исследуемом вами проекте? Просто аудитория, посетители, зрители? Какие они должны быть с точки зрения организаторов?

Как их ищут организаторы и привлекают?

Каким образом мотивируют людей к такому участию? Является ли городская проблематика реальным мотивирующим фактором?

Кто в реальности эти участники, опишите их детально.

Как вы думаете, эта аудитория случайная или они более-менее постоянно вовлечены в проекты организации?

Предполагается ли в данном проекте волонтерская помощь?

Если да, то какая. Что делают помощники конкретно и для чего?

Кто эти люди, опишите их, какая у них мотивация, зачем им это, по вашему мнению?

Как информируют, ищут волонтеров в организации и в этом проекте конкретно?

Эффективен ли такой поиск, с вашей точки зрения?

Что нужно сделать, чтобы поиск молодых волонтеров для таких проектов стал эффективным?

Работает ли кто-то специально в организации с молодыми помощниками?

Если да, то, как он/они это делают?

Что он или они делают правильно, а что неверно и почему?

Что им следовало бы делать по отношению к молодым помощникам, с вашей точки зрения?

Есть ли молодежь, которая управляет ситуацией, принимает активное участие в проекте наравне с организаторами?

Если да, то кто это, и что они конкретно делают?

Зачем им это, с вашей точки зрения?

О СВОЕМ ОПЫТЕ УЧАСТИЯ

Опишите свой опыт участия детально. Почему вы выбрали именно этот проект для участия? Чем он вам показался интересен? Насколько городская проблематика близка вашим интересам?

Хорошо ли вы знаете город, его историю, культуру? Насколько вы включены в культурную жизнь города?

Какие проблемы развития культуры в городе вы считаете наиболее актуальными? Как ваш опыт волонтерской деятельности связан с этой проблематикой?

Частью каких городских сообществ вы себя считаете? Насколько активно вы присутствуете в них?

Что конкретно, когда, где и для чего вы делали в организации или проекте?

Опишите свои эмоции и чувства, когда вы реально были вовлечены в проект, мероприятие. Чем они были вызваны?

Что вам реально понравилось и почему?

Что вам не понравилось и почему?

Важно ли было для вас содержание того, что вы конкретно делали? Попробуйте порассуждать на эту тему.

Понятны ли были задачи, которые перед вами ставили в этом проекте?

Была ли какая-то подготовка, инструкция беседа? Получали ли вы ответы от организаторов мероприятия, проекта? на возникающие у вас вопросы?

Комфортно ли вам было работать с организаторами?

Что они делали хорошо, на ваш взгляд?

Что бы им следовало по отношению к вам лично делать еще и почему?

Что нужно делать, чтобы участие в проекте нравилось таким, как вы?

Чему-то этот опыт участия вас конкретно научил? Если да, то, чему именно, если нет, то почему?

Правильно ли работают организаторы с такими, как вы?

Что нужно конкретно этой организации, чтобы молодежи она была интересна?

Как вы узнали о том, как можно поучаствовать в конкретном проекте, какие шаги вы предприняли, чтобы это узнать?

Чего вы опасались, когда только планировали свое участие?

Какие мысли вас посетили, когда ваше участие закончилось?

Оцените, готовы ли вы к активному участию в аналогичных проектах? Почему?

Отчего для вас зависит выбор формы участия – активного или пассивного?

Что повышает потребность в активном участии?

Оцените значимость сделанного вами в рамках проекта для города и для вас лично.

Подготовка материалов для отчета, презентации и групповой дискуссии

Записанное интервью транскрибируется и оформляется в соответствующий раздел отчета. После презентации результатов исследования организуется групповая дискуссия, ориентированная на анализ наиболее перспективных практик привлечения молодежи к участию и управления им.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ	11
1.1. Характеристика социального участия в научном дискурсе	11
1.2. Социальное участие молодежи: теоретические подходы и концептуализация	33
1.3. Культурно-исторические ресурсы городских территорий как условие социокультурной активности граждан	55
1.4. Общеметодологические принципы и потенциал социологического, культурологического, урбанистического и архитектурного подходов в изучении социального участия молодежи в социокультурном развитии городов	71
2. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ И ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ	95
2.1. Mix-research методология: новые возможности в изучении социальной активности городской молодежи	95
2.2. Партиципаторные исследования с участием молодежи: методология, методика, опыт применения	111
2.3. Возможности виртуального моделирования для оценки социального участия молодежи в формировании городских и публичных пространств	140
3. ВОЛОНТЕРСКИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУКТИВНОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	148
3.1. Молодежное волонтерство в сфере культуры: практики конструктивного участия студенчества в социокультурной жизни	

городов	148
3.2. Проблематизация спортивного волонтерства как молодежного участия в контексте социокультурного и экономического развития территорий	161
3.3. Исследовательские фокусы изучения медиаволонтерства в условиях цифровизации и актуальные тренды социального участия молодежи в информационных городских пространствах	170
Заключение	182
Библиографический список	185
Приложения	213

Научное издание

**СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В РАЗВИТИИ
ГОРОДОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ,
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОНСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК**

Монография

Певная Мария Владимировна
Шуклина Елена Анатольевна
Быстрова Татьяна Юрьевна
Федорова Мария Сергеевна
Дроздова Анна Александровна
Телепаева Дарья Фёдоровна
Кульминская Алина Владимировна

Ответственный за выпуск *С. В. Кульмин*

Редактор *Д. Ф. Телепаева*

Компьютерная верстка *Д. Ф. Телепаева*

Подписано в печать. Формат 60×84/16
Усл. печ. 14,2 л. Уч. изд. 10,5 л.
Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 315.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

